

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

S. o. nel. 3334-2

Badenije

<36634768200010

<36634768200010

Bayer. Staatsbibliothek

... Но онъ не успѣлъ кончить гоимственнѣй монархъ
звѣкнуть - и слова его захлебнулись назадъ, отско-
чила отъ тѣлѣща и покатились, шпата по песку
крававья ситовъ свои.

и. м. В. Семеновъ.

**ПАДЕНИЕ
ВЕЛИКАГО
НОВГОРОДА.**

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ XV ВѢКА,

ИЗЪ КНЯЖЕНІЯ

ЮАННА ВАСИЛЬЕВИЧА III ВЕЛИКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя .....каго,

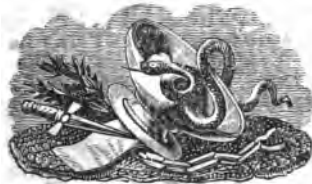

Кто пропивъ Бога, кто пропивъ
Великаго Новгорода?

НОВГОРОДСКАЯ ПОСЛОВИЦА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

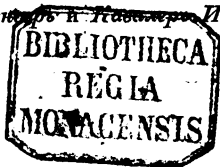
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1833.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по оппечачаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Москва, 1832 года, Ноября 25 дня.

Профессоръ, Цензоръ и Писатель И. Снегиревъ.

ГЛАВА I.

Народъ послѣ пирушки. Повздѣ Боярѣ на Велико-Княжескія именины. Дворѣ Велико-Княжескій и Красная палата. Гости его. Разговоръ гостей. Кушанья у именинника, вина и закуски. Приемъ его. Внутренность Красной палаты. Поздравленіе. Гостинцы и дары. Молебень. Нечаянная радость Великаго Князя.

..... Звѣздящаяся влага
Не даромъ сердце веселишь:
Она опрадою кипишь;
Какъ дикой конь не перпинишь пѣна,
Рвешь пробку рѣзвою волной
И брызжетъ радостная пѣна,
Подобье жизни молодой.

Баратынскій.

На широкой Дворѣ Княжеской вела по
Кремлю извивистая дорога, обшавленная

по споронамъ вопкнушыми ёлками и березками, а по срединѣ усыпанная бѣлымъ Воробьевскимъ пескомъ. Народъ, пресыщенный пирушкой, копорую задалъ имъ Великій Имянинникъ, и копорая шолько чшо кончилась, гульливыми полпами бродилъ по ней, приговясь зѣвашь на проѣзжающихъ во Дворецъ Бояръ, Князей и прочихъ Сановниковъ. Иной, вдохнушый винными парами, запягиваль звонкую пѣсню; иной, спояль молча, покрякиваль и поглаживаль бороду въ знакъ довольства своего, а иной дожевываль еще похищенный имъ съ общей шрапезы лакомой кусокъ, держа его въ рукахъ своихъ и беззабошно поглядывая на всѣ предметы; иной, переливши въ свой желудокъ лишнюю чару вина, расказиваль, или лучше сказаць, раскачивался между народомъ въ косвенномъ направленіи, и пошупя голову и порою бурливо ворча на всѣхъ, пропалкивался

курсивно и черпиль по песку ногами своими фигуры кренделей и бубликовъ Валдайскихъ. Однимъ словомъ: всякой былъ занятъ самъ собою.

Наконецъ показался и поѣздъ: попянулась цѣпь разно-калиберныхъ возковъ и колымагъ, и полпы народныя, услыша спукъ гремящихъ колесъ и звонъ конскихъ копытъ, раздвинулся на двѣ спѣны, чшобъ дасть ему дорогу. Иные споронились сами по себѣ, а иные по не однокрапнымъ убѣжденіямъ нагаекъ, кошорыми Боярскіе вершники, или *зми-колицы*, въ цвѣпныхъ плапьяхъ, съ большими бубнами въ рукахъ (*), скачущіе каждой напередъ своей повозки, шоровашо одѣляли всякаго, медленно сворачивающагося съ средины дороги. —»Чпо ты, ахальной холопъ, озарни-

---

(*) Кошорыми они попряживали, означая поѣздъ Бояръ, чшобъ давали имъ дорогу.

чаешь!» — «А пы чпо, непропиха, медвѣдь, чупь ворочаешься!» слышались часпо восклицанія въ это время.

Между непрерываемою полосою ѣдущихъ колымагъ, бипкомъ начиненныхъ хозяевами ихъ, ярко и песпро разряженныхъ, находился и Князь Сприга-Оболенскій съ госпиями своими, Назаріемъ и Захаріемъ. Гораздо не доѣзжая до высокихъ, наспежь распворенныхъ воропъ Дворцовыхъ, всѣ поѣзжане вспали изъ повозокъ своихъ и широкою толпою повалили къ воропамъ, у копорыхъ спояли по обѣимъ споронамъ на караулъ дюжіе копейцики въ свѣпльыхъ шишакахъ и крѣпкихъ кольчугахъ, держа въ рукахъ иные бердыши, иные копья. Около воропъ шашалась придворная челядь, шараца глаза на госпей Велико-Княжескихъ, какъ по: Псари, Сокольники, Кречешники, Яспребники, Кашевары, Медовары, Пивовары,

Ясельничѣ, (1) Подъдѣйки, (2) изъ писцовыхъ палатъ и изъ многихъ другихъ судныхъ Приказовъ, Шашарничѣи (3), Спремянныя и Спольничѣ, и проч.

Всякой изъ госпѣй спѣшилъ скорѣе взойти на дворъ, и широкія ворота вдругъ сдѣлались для нихъ узки. Однѣю рукою снимая шапку (4), а другою распалкивая другъ друга, продирался всякой, не разбирая чиновъ; рука, инаго кинувшись на удачу, вдругъ спускалась о брюхо сосѣда своего, какъ палка по барабану; одинъ жѣ рослой Бояринъ, въ пѣсношѣ не догляда, а можетъ бытъ, показывая шолъко видъ шакой, охватилъ полою распахнушаго кожуха

(1) Конюшіе.

(2) Писцы нижняго ранга.

(3) Копорыя завѣдывали уборкой грдницъ, или комнатъ, Велико-Княжескихъ.

(4) Дворомъ Велико-Княжескимъ никто не смѣлъ ходить съ покрывною головою.

своего, неизменнаго. Дьяка Новгородскаго Захарія и, будто не примѣчая сего, вовлекъ его на самой Дворъ бьющагося въ попемкахъ руками и ногами.

Общій говоръ народа, гудящаго, какъ цѣльй улій пчель, заглушилъ смѣхъ нѣкопорыхъ, примѣпившихъ, какъ на проспоръ Захарій избавлялся глухихъ пенепъ своихъ, оправляя волосы и захлебываясь оскорбительными выраженіями, на копорья обидчикъ его опвѣчалъ полую громкимъ хохомомъ и спѣшилъ, ни мало не извинясь, идти въ свое мѣсто.

Обширный дворъ раздѣлялся на маленькіе дворики. Въ одномъ мѣстѣ высилась перема, вышки; въ другомъ, низились кирпичные своды, означающіе погреба, въ копорыхъ находились ледники съ винами: Воложскими, Греческими, Фряжскими и Венгерскими, брага опличныхъ соршовъ и маршовскіе ква-

сы. Наконецъ, около самой *Красной палаты* (*), дворъ разширился на большое проспраншво, наполненное также шпашными людьми, проходящими госпями, а болѣе всего юродивыми и увѣчными нищими, изъ копорыхъ одни полпились у задняго крыльца Палапы и принимали мѣлкія мѣдныя деньги изъ рукъ Дворцовыхъ Спряпчихъ (**), а одѣленные сидѣли по споронамъ дороги, поджавъ ноги, и кланялись госпямъ, выискивая себѣ еще милоспивыхъ дашелей; кпо же былъ изъ нихъ посмѣлѣе и пооборошливѣе, пошъ умѣлъ подвернуться къ Спряпчему въ другой разъ за деньгами; но если обманъ его обнаруживался, по *задворные* — *Спряп-*

(*) *Красной палатой* назывался обширный залъ, въ копоромъ Великіе Князья угощали госпей своихъ.

(**) Сін имѣли смопрѣніе во дворцѣ за съспными припасами и напипками, также надзирали за поварамн, хлѣбниками и за прочими нижними

гнѣ (*) лакомили ихъ палками, ибо въ рукахъ у нихъ находился и гнѣвъ и милоспѣ.

На спупеняхъ параднаго крыльца и по косому корридору палапы, змѣился кармазинной коверъ, спянувшійся по длиннымъ и круглымъ сѣнямъ, у коихъ половая наспилка была каменная и кои были болѣе шемны, чѣмъ свѣплы, пошому чшо въ высокихъ спѣнахъ, за слонявшихъ ихъ, длинныя и узкія окна были располжсны въ самой верхней выпуклоспи купола. По окончаніи сѣней, показались другія двери и двоерядная спража копейщиковъ у дверей, ко-

---

служипелями. Другой разрядъ ихъ завѣдываль шапкою, посохомъ, рукавицами, плапкомъ и проч., чшо называлось спряпнею. Они чесали голову Государю и одѣвали его и носили за нимъ помянушую спряпню, копорую подавали ему не голыми руками въ знакъ почпенія. Они равнялись нынѣшнимъ камеръ-юнкерамъ.

(*) Помощники дворцовыхъ спряпчихъ.

порые ввели наконецъ въ прихожую, гдѣ суешилось множество людей всякаго званія, по большой часпи изъ вышшаго придворнаго шпапа; какъ по: Кравчин (1), Спольники (2), Казначей (3), Поспельничьи (4), Чашники (5) комнап-

---

- (1) Въ спарину *Кравчин* споялъ всегда при споль Государевомъ, когда онъ кушалъ, а особенно въ праздничные и церемоніальные дни, для разниманья и подаванья кушанья.
- (2) Помощникъ кравчаго, находился при споль для сдачи со спюла и переспавки блюдъ.
- (3) Сіе званіе спояло въ *чести*, ниже Окольникьяго и Кравчаго; въ вѣдомствѣ его находилась не казна, но собспвенныя вещи Государевы. Главная его должностъ была, хранишь Государево платьѣ и сберегать оное онъ волшебспвъ, какъ по изъ присяги его видно. См. Судебн. Цар. I. В. гл. 149.
- (4) Наблюдалъ за чиспотою поспели Государя. На рукахъ его было все бѣлье, и люди, при спальнѣ служившіе, находились въ его вѣденіи. Должностъ сія почиталась шѣмъ важною, что приближала къ особѣ Государя.
- (5) Чинъ ниже Кравчаго въ спискѣ чиповъ споялъ между Окольничимъ и Думнымъ Дворяниномъ,

ные Дворяне (6), спепенные Ключники (7), пушевые Ключники (8), Чарошники, (9), спражи комнашные, или гридни (10) и проч.

они подносили Государямъ напитки, прежде сами прихлебнувъ опгъ нихъ нѣсколько.

(6) Назывались симъ именемъ попому, что имъ по милости Государевой дозволялся входить въ его комнашы.

(7) Имѣлъ въ своемъ вѣденіи нижнихъ придворныхъ служипелей, какъ по: Спряпчаго, подключника и проч. и всѣ споловые и пипейные припасы, копорые по его распоряженію разносились.

(8) Они находились въ каждомъ дворцѣ, въ сыпномъ, кормовомъ и хлѣбномъ, они были поварищи спепенному ключнику и во время похода Великаго Князя имѣли смопрѣніе за пригопвленіемъ кушанья.

(9) Тоже, что и Чашники, оппускали пипье и сосподали подъ вѣдомспвомъ *Степенныхъ* Ключниковъ сыпнаго двора.

(10) Самые нижніе служипели придворные; мели полы и проч. За ними присмапривали дворяне. Слово *Дворянинъ* означаепть чинъ на одну особу, а не въ наследспвенность; разд. на Московскіе и иногородные. Сія послѣдніе были ниже первыхъ.

Всѣ бояре, коихъ считалось при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ III до двадцати и кои всѣ были въ *свѣтломъ*, п. е. въ праздничномъ плащѣ, раскланивались между собою привѣспвенно и смопрѣли изумленно на незнакомыхъ имъ Захарія и Назарія. Здѣсь оспановились они ожидашь дозволенія, когда Великій Князь укажешъ имъ войши къ себѣ съ поздравленіями и вручишь ему *поклонные* дары.

»Какъ прозывается эшошь Сановникъ, кошпорого лице я признаю немного?« спросилъ Назарій поспихоньку Оболенскаго, показывая на спараго, не высокаго, но добраго мужа, коего окладиспая, сѣдая борода покоилась на мягкомъ, бархашномъ воропникѣ длиннаго комлоповаго кафшана, шипаго золопыми узорочьями. Въ рукахъ держалъ онъ высокую горлашную шапку (*), у ко-

---

(*) Горлашныя шапки назывались шакъ опъ гор-

ей верхъ былъ парчевой, а исподъ соболій; сверхъ того на шеѣ у него висѣла на жемчужной цѣпи, золошяя гривна, и копорому давали съ покорнымъ видомъ дорогу, когда онъ разхаживалъ размѣрными шагами по прихожей.

»Эпо чпимый Бояринъ и великій Воєвода Федоръ Давыдовичъ,« опшвѣчалъ Оболенскій пакже негромко.

»А, шеперь припомнилъ я его! Много надѣлалъ онъ зла родинѣ моей! — А эпо коль не чпимой, пакъ вѣскоѣ Бояринъ: давича мы съ нимъ начали было *котораться*« (*), продолжалъ Назарій, показывая на шучнаго чловѣка, коего небольшая голова погружалась въ глубокой, споячий ворошникъ, шипой жемчугомъ, какъ въ купель; иногда нырала изъ него, а иногда до половины шонула,

---

ла или душики черныхъ лисицъ, употреблявшейся на опушку, какъ часпъ лисицы самая черная и дорогая.

(*) Ссоритьсѣя.

выказывая клочекъ рѣденькой бородки. Кафшанъ на немъ былъ обьяриной съ бархатными опворопами.

»А эпо любимецъ и пакже ближній Бояринъ Великокняжескій, Григорій Лукьяновичъ Мамонъ. Онъ гораздъ развеселять его и памяпливъ на многіе присказки и прибаушки, и хиперь на всякія выдумки и присловья. Онъ пуспился бы и скоморошишь, если бы брюшной привѣсокъ спянулъ его вверхъ, а ни къ землѣ гнулъ. Вишь, онъ карашышь и пузашъ, а любишь придерживашься хмѣлку. Вина доброй боченокъ уляжешся въ его копль; опъ шого-по ему и надавали ужась сколько прозваній: Мамонъ, кадушка, винная губка, ходячая фляга и проч. Гблосишь молва, чпо его Великій Князь часпо и шпреушцинами оплешаешъ, но не задолго до сего, указаль ему правишь Земскимъ Приказомъ, пошому чпо, вишь, онъ по одному духу разыщентъ неблагообраз-

наго вида людинъ испивущихъ и всякихъ пашей, и чпо, вишь, онъ самъ смышленъ кой на какіе оборопы...»

» Каковъ попъ, шаковъ и приходъ!« подумалъ про себя Назарій.

Тупъ прервалъ разсказъ Оболенскаго шорохъ, раздавшійся сзади, и вошелъ, или лучше сказашь, влеспълъ въ комнапу спашной юноша, въ легкомъ изъ зеленой шелковой маперіи перликъ, за спегнупомъ опъ груди до колѣнъ пуговицами изъ драгоцѣнныхъ камней, на коемъ висѣли золопья заспешки. Швы перлика его обложены были серебряною бишью красиво и узорчашо; исподнее плашь на немъ было бѣлое, апласное; кушакъ, шуго охвапывавшій спанъ его, изъ дорогаго воспочнаго шканья; шапка, копорю онъ попряхивалъ въ рукахъ своихъ, унизана была бурмишскимъ жемчугомъ и на верху ея мопалась киспъ изъ золопыхъ снурковъ, на коихъ были нанизаны крупныя алмази-

ны; съ боку висѣлъ корошкой, но широкой мечъ на двойной серебряной цѣпочкѣ, а на шеѣ богатоое золотое ожерелье. Наружность его была пріятна, выразишельна, поспусть смѣлая, а борода только что начала опушашь молодое лице его

» Здравствуй, Князь! Да здравствуетъ Василій Михайловичъ! Здравашь шебъ на многія лѣта!« зачали возглагошашь Бояре, споронясь и кланяясь вошедшему юношѣ.

» Благодарствую вамъ, Бояре: Федоръ Давыдовичъ, Данила Даниловичъ, Григорій Лукьяновичъ, Алексѣй Полуекшовичъ!« говорилъ онъ, опкланиваясь на всѣ спороны.

» Эшо что за молодецъ?« спросилъ Назарій. »Давича видѣлъ я въ Княжескомъ поѣздѣ.«

» А что я шебъ говорилъ о полуденни про сокола-шо Русскаго—вошь онъ

и еспь, удѣльной, молодой Князь Верейскій,» опвѣчалъ Оболенскій. »Онъ доводился Великому Князю съ родни, хопь и въ дальнемъ колѣнѣ; но родипель его у него въ почепѣ, а онъ самъ въ любви горячей и у Великаго Князя и у народа. Сколько разъ уже онъ оберегалъ его Особу на бинвахъ. Пошли Боже этому соколу въ соколицы шу, на кого онъ цѣлипся. Ужъ и Марья-по Андреевна, сказывающа, куды пригожа и красива! Вопь двоещичка - по будепь приглядная!»

Всѣ занялись въ ожиданіи разговорами: спарики о хозяйствахъ своихъ, погребахъ, думныхъ дѣлахъ; молодые оправляхъ: звѣриной и пшичьей, о шахмашной игрѣ (*). Князь Верейскій разсказывалъ съ торгомъ, какъ недавно правилъ въ Сокольникахъ волка

(*) До которой предки наши были великіе охотники.

и убилъ его рукопашно, да проспръ-
лилъ еще на повалъ лань; послѣ сожа-
лительно прибавилъ, что кречень его
вихрь промахнулся на лешу за добычей
и разшибся, что ошременному его до-
спалось бы за эпо, еслибъ шопъ не
открылъ вчера логовища медвѣдя, на
справно копорого приглашалъ всѣхъ
избранныхъ ловчихъ.

«А я съ моего сокола, къ слову ска-
зашь, понерялъ красной, вычурно вы-
шипой колпакъ!» сказалъ Мамонъ съ
шакимъ вздохомъ, что у споявшаго
прошивъ него Князя Данилы Холмскаго
шевельнулась въ сторону борода. «И
только что спушилъ другаго, что у
меня *непропадной* съ бубеньчикомъ-по,
а взъерошенной кабанъ вопъ въ глазахъ,
шаки мимо меня какъ ерзгнеть, оская
зубы...»

Всѣ значительно переглянувшись за-
смѣялись и шѣмъ перервали его слова;
но Верейскій, любившій подшучивать,

оборотясь къ нему, сказалъ: »Вошь и оправдывается коренная наша поговорка, къ слову сказаць ее, Бояринъ: воронъ ворону не выключесть глаза.«

»Да поспой, не мѣшай ему, Князь; вишь онъ говорилъ не о воронѣ, а о соколѣ, какъ онъ напустилъ его...« началъ было Князь Данило Холмской, шакже прищучивая.

»Ха, ха, ха!« перервалъ его Верейской; »пакъ онъ кабанъ-то правилъ соколомъ? Это все равно, что ему самому съспъ верхомъ на клопа; оба не далеко удушъ.«

»Вѣспимо, на блоху не усядешся; ша воспра больно, да рѣзва—сшибесть еще!« сказалъ Хомскій.

»А колпакъ-то пошерялъ, а шо бы годился, чпобъ изъ него выкроишь сѣдло для эпакого коня,« прибавилъ Федоръ Давыдовичь.

»Ему Дядя Князь Великій передаешъ съ Богашырки попѣшника своего, поль-

ко съ пѣмъ, чпобъ самъ носилъ его; а скинешь, шакъ приколопяшь гвоздями.»

» Ахъ, пы молодой — къ слову ска-
зашь—бѣлогубой Князекъ! Мнѣ ужъ ско-
ро минешь два сорока лѣшь, а пы—къ
слову сказашь — цыпленокъ! Чпо пвой
умишка?... Мякиньюй, восковой! На тебя,
— къ слову сказашь — спыдно, грѣш-
но серчаешь,« возразилъ ему Мамонъ, при-
мѣшно озлобяся.

» Грѣшно! спыдно! За чѣмъ же пы
серчаешь? А еще два сорока лѣшь шу-
повспвуешь на бѣломъ свѣпѣ. Вѣдь я
эпо къ слову сказаль,« опвѣчалъ Верей-
ской.

Пока всѣ Бояре обспутили Мамона,
шупчили и прунили надъ нимъ, Захарій
косилъ на вожашаго своего, кошорый
впащилъ его покрѣпаго на дворъ и
жаловался на него Оболенскому, на чпо
сей, смѣясь, опвѣчалъ ему, чпо эпо
Бояринъ Григорій Селифоншьевичъ Оче-
ра, шакже любимецъ Великокняжескій и

Совѣтной мужъ. Назарій же, ошошедь въ спорону, прислушивался чпенію сполбца; копорое раздавалось изъ со- сѣдней комнашы, называемой *прислѣш- ную*, голосомъ спепеннаго Ключника:

»Господарь и Великой Князь Іоаннъ Васильевичъ указалъ нынече бышь пир- ному сполу своему шако:

изъ яствъ подавать:

»Сперва наперва спавишь: павлинь жареной; опосля сего разносишь: спудень изъ говяжьичь ногъ, да икру зер- ниспую, да рыбину Волжскую, а неспи ее на большой серебряной посудинѣ шремъ сильнымъ гриднямъ: Ивашкѣ, Хрипуну, да Бѣлому; за ней слѣдуетъ: щука, паровая живая, оладья шѣльная живой рыбы, лещъ паровой, спина бѣ- лой рыбицы, ~~ужа~~ щучья, пирогъ съ шѣ- ломъ живой рыбы, коровай просыпной, щуки голова живая, двѣ полголовы осе- шрей свѣжихъ, шежка бѣлужья.

» Съ кормоваго двора приказныхъ
 яспвѣ взявъ папорокъ лебединъ подѣ
 шафраннымъ взваромъ, да рябь окраши-
 ванъ съ попрехомъ гусинымъ, да гусь
 жаркой, да порося жаркое, да куря въ
 каль, да куря въ ланшѣ, да куря въ
 щахъ богахыкъ, да перепеча крупиче-
 ская въ три лопанки недомѣрокъ, да
 курникъ подсыпанъ яицы, да пирогъ,
 съ бараниною, да блюдо пироговъ ки-
 слыхъ съ сыромъ, да блюдо жаворон-
 ковъ, да блюдо блиновъ шонкихъ, да
 блюдо пироговъ съ яицы, да блюдо сыр-
 никовъ, да блюдо карасей съ бараниною,
 да пирогъ росольной, да коровай яцкій,
 да блюдо пироговъ жареныхъ, да ушя
 жареное съ подливкою, да взваръ слад-
 кій съ пшеномъ и съ ягоды, съ перцомъ,
 да съ шафраномъ, да греночки, да горо-
 шекъ зобанецъ холодной, да киселекъ
 клюковной съ медомъ, да кашка шерпа
 съ маковымъ сочкомъ, да хлѣбцы слад-
 кіе кругличапки, да горшочекъ папоки

съ инбиремъ, горшочекъ мазули съ инбиремъ, да при десяпъ шишки ядеръ.

» Изъ пипья успаившь на *столь пирной* вина заморскія: Греческія, Фряжскія, Венеціанскія и Волжскія, Ренскія и малвазіо съ ярлыками.

» Меда не почапые, имбирные: клюковные, яблочныя, бѣлыя, красныя и крѣпкіе съ хмѣлемъ.

Закуски:

» Ковришка большая, гербъ Великокняжескій; вторая коричная голова большая пряничная (*), расписана съ цвѣтомъ

(*) Нѣкоторые полагають, что печенье пряниковъ заимствовано опъ образа жерпвъ, какія въ древности съверные Славяне приносили *Сельтовиду* и *Перуну*. Жрецы ихъ жерпвовали имъ огромной величины хлѣбами, замѣшанными на меду. По моему мнѣнію, они попому названы пряниками, что въ нихъ хлѣба много пряностей.

Сочин.

узорочная, вѣсомъ два пуда двадцать фуншовъ; лебедь, ушя, голубь шаковые же; городъ Кремль съ людьми конными и пѣшими, съ гвоздикомъ. Марципанъ большой на пяши кругахъ. Тридцать блюдъ на разныхъ пряныхъ зеліяхъ, по фуншу въ блюдо. Ягодъ смоквей, полѣяшица, вѣсомъ пѣнадцатъ фуншовъ; сукашу, шепшалы, яблоковъ мошкапныхъ, имбирю въ папокъ, всего на всего сподвадцать блюдо.

» На споль уложипь всякихъ посудинъ:

» Серебряныхъ сосудовъ шридцать блюдо безъ одного, да пѣшь мисъ, да ук-сусница серебряная, да перечница позолочена; да двѣ солонки большія, да шри малыхъ гладкихъ, да двадцать съ пѣшкомъ ложекъ, да семь ковшовъ, да семь чарокъ гладкихъ, да осьмая чарка съ полкою; да шри кубка, да двѣ большія чарки хрустальной грани, да пѣшь малыхъ,

Часть II.

2

спекла изъ голуба обода позолочены, да рогъ круговой, да принадлесяшь спаканы, да ковшъ большой съ съченой ручкой, да сковорода большая съ вѣнцомъ, да серебреѣникъ, да судки каменные.

» Изъ драгоцѣнныхъ, что сохраняюшся въ замочныхъ кладовыхъ, вынеспи щцашельно и успавишь:

» Два кубка сердоликовые, при чары съ жемчужинами, брашина разночеканенная большая позолоченая, ковшъ сердоликовый съ крупными алмазинами, чаша яшмовая, два рога съ градинами бирюза, пять большихъ серебряныхъ, одно золопое липое, да шесць малыхъ серебряныхъ съ камнями.»

На семъ мѣспѣ Назарій былъ прерванъ внезапнымъ хохомъ, громко раздавшимся по сводамъ комнапы, и увидалъ, что шоварищъ его, Захарій, спер-

ва зѣвавшій на гляцовитшыя обои спѣнныя, соскучился и спалъ подкрадовавшись къ шолтѣ разговаривающихъ Бояръ. На шу бѣду, подмѣшилъ его Мамонъ и узнавъ, грозно взглянулъ на него. Захарій выпалилъ въ него спрѣлами своихъ взоровъ и пакимъ образомъ спали они насупясь всмапривавшись другъ въ друга.

Топчасъ примѣпили всѣ пѣшушинуу выспавку сію и захохопали.

»Эшо чпо еще за звѣрь! Знашь, пѣнь Мамонова. Нѣтъ, одинъ ворошаеяся, а другой, какъ вкопанной, спонипъ! Вошь, говоряпъ, чпо гора съ горой не сходишя! и проч.« заголосили было инье смѣло, не боясь обидѣть незнакомца, ибо Захарій не обѣщаль собою ни сколько знапноспи; но въ вдругъ раздалось: »Тсъ-съ!... Князь Великій!...« И съ словомъ симъ двери въ Красную Палашу распахнулись.

Описание внутренности Красной Палаты корошко: тогда еще въ Россіи мало имѣли вкуса и матеріаловъ для уборки комнатъ. Стѣны оной были обиты позлащенными Голландскими кожами; на одной стѣнѣ ея висѣли двѣ большія картины въ кипарисныхъ рамахъ, изображающія припчу: *о блудномъ сынѣ и о трехъ отроцехъ, въ пещи сожженныхъ*, вѣроятно вывезенныя изъ Греціи Великою Княгинею Софіею Ѳоминыною, копорыя почипались тогда большею рѣдкостію; на другой стѣнѣ въ шакихъ же рамахъ висѣло нѣсколько картинъ мозаической живописи (*), представляющихъ пшичекъ и рыбокъ

(*) Сія живопись составляется изъ разноцвѣтныхъ камушковъ, или кусочковъ стекла и эмали, разбираемыхъ по пѣнямъ. Основаніе къ сему есть густая мастика; поверхность картины полируется. Изобрѣшеніе сего искусства приписываютъ воспочнымъ народамъ. У Грековъ и Римлянъ

въ различномъ положеніи; полъ былъ усланъ широкими Персидскими коврами, хипрой шкани. Про передній уголъ и расположенную на немъ большую божницу и говоришь нечего. Иконы горѣли, какъ жаръ; дорогіе камни и жемчужины, унизывавшія золошые вѣнцы ихъ, блиспали переливчипыми цвѣспами и огнями, какъ охваченные пламенемъ.

Великій Князь, одѣшпый въ богапоубранную изъ золошой парчи фerezею, по кошорой ярко мелькали самоцвѣшные каменья и зарукавья коей приспегивались золошыми, въ грецкой орѣхъ,

---

доведено оно было до высочайшей степени совершенства. Къ намъ въ Россію введено вскорѣ послѣ принятія Русскими Греко-Россійской вѣры, Греческими художниками. Подобныя карпины и до нынѣ еспь въ Кіевѣ въ Софійской церкви. Эпо еспь механическая и болѣе спрудная, чѣмъ излщная работа, за то очень прочная.

пуговицами, въ бармы (*), копорья были убраны яхонтами, величественно сидѣлъ на разслащенномъ пронѣ съ рѣзнымъ невысокимъ задкомъ изъ слоновой кости, на копоромъ накинуша была малиноваго цвѣта бархатная полоса съ серебряною бахрамою; передъ нимъ споялъ серебряный споль съ позолоченымъ подножіемъ; не далеко въ сторону сполбецъ съ полочками, на копорыхъ красовалась споловая ушварь, представляющая всякаго рода звѣрей и птицъ, липыхъ изъ чистаго золота и серебра: коней, оленей, зайцевъ, павлиновъ съ золотыми крыльями, журавлей, буселовъ, пеликановъ, спроусовъ, лебедей, фазановъ и проч.

Надъ головою у него висѣла искусно ушвержденная къ пополку богапая корона, иллюминированная разноцвѣтными дорогими каменьями, копорую обвивалъ

(*) Или оплечья.

складками своими голубой парчи балдахинъ, по коему мелькали серебряныя звѣздочки и копорый держался еще на двухъ копьяхъ, водруженныхъ крестъ на крестъ подъ нимъ и увипыхъ цвѣшочными гирляндами. По обѣимъ сторонамъ прона его спояли оруженосцы или шѣлохранители его, называемые *Рындами* (*), въ бѣлыхъ длинныхъ апласныхъ кафпанахъ и въ высокихъ опушенныхъ соболями шапкахъ на головахъ; на правомъ плечѣ держали они маленькіе шпорники съ длинными серебряными рукоятками. Они спояли, пошупя очи и не смѣли шевельнуться.

Низко начали кланяться ~~и~~

(*) Одни полагають, что это слово Татарское, другіе же правдоподобнѣе утверждаютъ, что оно происходитъ отъ Россійскаго глагола: *рынуться* или *ринуться*, ш. е. броситься въ по мгновеніе, въ кошорое услышатъ Государево слово.

ву говорить; попомъ поспавиль предъ иконами водосвященныя свѣчи, освяпилъ воду и, обогнувъ Сибирскими соболями сосудъ, въ копоромъ она находилась, поднесъ ее Великому Князю, окропилъ его, Боярь и всѣхъ находящихся въ храминѣ людей. Великій Князь вспаль съ своего мѣспа, приложился къ живошворящему Креспу и подпятому изъ Успенскаго Собора образу Св. Великаго Георгія, высѣченнаго изъ камня (*) и за нимъ спали исполняпъ эпо и проче.

Послѣ сего вдругъ раскинулись спопорымъ для Великаго Князя, за копорымъ онъ долженъ былъ сидѣть съ Князьями Верейскими; другой, гораздо подалѣ опъ него, называемый *Окольничимъ*, для избранныхъ и ближнихъ

(*) Сей образъ вывезла изъ Рима Великая Княгиня Софія Фоминишна.

Бояръ его; а прешій *кривой* или опдаленный для прочихъ Бояръ Окольныхчихъ и Думныхъ дворянъ. Пока они покрывались скашерщами, а Бояре, чинно обшавъ пронъ его, вели рѣчь съ нимъ. Князь Сприга Оболенскій, взявъ за руку Назарія съ Захаріемъ, спалъ продирашся къ нему, на что всѣ Бояре смошрѣли изумленно; но онъ, взявшись бышь предспавипелемъ и вожапымъ ихъ, исполнилъ эпо, подошелъ предъ Великаго Князя и низко поклонившись ему, сказалъ: »Предспавляю шебъ, Государю и Великому Князю моему, сихъ двухъ ~~людинъ~~ ~~Вонъ эпошъ~~« говорилъ онъ, указывая на Назарія, »еспъ Посадникъ Новгородскаго Вѣча; а сей,« указывая на Захарія, »Дьякъ Вѣча. Оба они прибыли къ шебъ, Великому Князю и Господарю своему, съ дѣлами, предлежащими до шебя, а посланы къ шебъ соборомъ всего Вѣча.« И сказавъ сіе, Оболенскій, опяшь поклонившись, опошелъ къ споронъ.

Кшо бы предувѣдомленъ былъ наблюдашь видоизмѣненіе лица Великаго Князя, легко примѣшилъ бы, какъ вдругъ засвѣпились взоры его при наименованіи ихъ искрами радости. Но онъ былъ понкїй полишникъ своего вѣка и, не давъ никому замѣпить сего, снисходительно, но равнодушно опкланивался сюрпризнымъ госпямъ своимъ: онъ ожидалъ ихъ, но не шакъ скоро. Послѣ чего вспаль съ своего прона и вышелъ въ другую храмину, подавъ имъ знакъ слѣдовать за собою.

ГЛАВА II.

Немаловажный разговоръ Назарія съ Великимъ Княземъ. Изумленіе. Поздравленіе. Пирь. Разговоры. Новое лицо. Скоморохи. Нѣсколько забавныхъ сценъ. Грамота къ Новгородцамъ. Прощаніе. Пѣсня богатырки.

Такъ Богъ велѣлъ! Предъ Нимъ смиришь,
Прими съ любовью крестъ тяжельшій,
Терпи, надѣйся и молись;
Онъ самъ носилъ вѣнецъ перновшій!
Не унывай — не смѣй ропщати;
Терпи — въ спраданыя благодаши.

Козловъ.

»Ну что, созрѣли ли думы твои? Рѣшился ли ты бытъ спасителемъ опе-

чеспва своего?» спросилъ Іоаннъ Назарія.

»Опечеспво мое вопишъ къ тебѣ о помощи. Избавь его опъ крамольниковъ и огради силою власши пвоей. Передаю тебѣ его неискупно.... невозврати-мо.... Государь! накажи беззаконіе, припупи жало злоспи.... но не припѣсний, защипи и награди досподолжно добро,« опвѣчалъ Назарій.

»Судъ и правду держу я въ рукахъ. Теперь дѣло спѣло. Съ закапомъ нынѣшняго же дня умчипся гонецъ мой къ Новгородцамъ съ записью, въ кошорой воздамъ я имъ благодарноспись и милоспись за ихъ образумленіе. Пуспъ дивуюшся они сему произшеспвию; но когда узряшъ рукоприложеніе пвое и Въчеваго Дьяка ихъ, должны будущъ рѣшипться. Иначе дружины мои промнушъ опяшъ дорожку къ спѣнамъ измѣнниковъ, на кошорой время еще не

совсѣмъ заволокло слѣды ихъ, и тогда ужъ я выпышаю изъ нихъ признаніе эпо по неволѣ.»

» Государь! мечъ швой не обсохъ еще, а ты уже думаешь опяшь о крови!... Не заспавь меня каишься, какъ Іуду, и...»

» Даю тебѣ слово кляшвенное: ни одна кровинка не скапишся на родную землю швою, если они не будутъ упорспвовашь; и тогда даже я буду шцишься беречь ее: она Русская, моя.»

» Понимаю: мершвишь, но не умерщвляшь,« возразилъ значишельно Назарій.

» Рабъ мой! вспомни, предъ кѣмъ ты споишь и съ кѣмъ дерзаешь коришься? Возьми въ разсужденіе шо, что и безъ крошкихъ мѣръ, я соспою въ мочи налягнушь на Новгородъ мечемъ своимъ и разрушишь его въ прахъ!« вскричалъ съ негодованіемъ Іоаннь, и глаза его

сверкнули гнѣвомъ и лице зацвѣшилось багрянцемъ неудовольствія.

»Государь! яви милоспѣ, проспи меня!« сказалъ Назарій, покорно преклоня колѣна. »Возьми въ разсужденіе и самъ,« продолжалъ онъ, закрывая руками лице свое, »что опдаю я шебѣ, и на кого канепѣ прокляпіе....«

»Вспань! Я прощаю и понимаю шебя. Если ты признаешь справедливыми слова мои и даешь вѣру тому мнѣнію, что когда земляки твои мечами своими не сполько защищающся, сколько дорывающъ себѣ гибельную пропаспѣ, по согласисъ: не должно ли вынупѣ орудія изъ рукъ ихъ? Если же они не спанупѣ добровольно опдавапѣ его, по надобно вырвапѣ насильно; иначе они, какъ дѣши, сполько опорѣжупѣ имъ. Просвѣспи же душу свою спокройспвіемъ и надѣянїемъ на меня.«

»Я дѣло свое покончилъ и опгь себя наконецъ услыхалъ слово лестное. Съ меня довольно.«

Іоаннъ, принявъ на себя опять ласковый видъ, оборотился къ Захарію и спросилъ его: »А ты доволенъ ли, Дьякъ?»

»Я не прочь. Съ моей стороны что обѣщано, все исполнится,« опвѣчалъ Захарій, переминаясь.

»И съ моей поже,« сказалъ Іоаннъ и, опыскавъ въ сундукъ своею съ желѣзными обручьями кису, шуго набишую деньгами, поднесъ къ Назарію и сказалъ: »Знаю себя давно и пошому не могу предложить о приняши сего. Чѣмъ же наградишь себя? Говори смѣло!«

»Вѣчною милостію швоею къ старой опчинѣ швоей, новопріобрѣщаемой шобою въ вѣчное и нераздѣльное владѣніе. Золошо же швое горишь, какъ жаръ; я

спрашусь принявъ его: оно прожжешъ руку мою; звукъ его будитъ совѣсть, а не усыпляетъ ее. Благодарность Вышнему! она еще зряча во мнѣ; благодарность и тебѣ, Государь, что ты не обижаешь меня подношеніемъ госпинца своего. Всѣ сокровища Московскія скудны ослѣпишь очи души моей. Разумъ, доблесъ твои подкупили меня, закалили въ твою полную волю. Также и не страхъ грома оружіемъ твоимъ вынудили изъ меня рѣшились передать тебѣ. Не только мечемъ, сколько рѣчью пронзаешь ты грудь! — Теперь я весь твой,» говорилъ Назарій.

Государь милоспиво взглянулъ на него и крѣпко пожалъ ему руку, которую онъ жарко поцѣловалъ, и мимошедши съ нимъ въ шрапезную палату, опустилъ въ согбенныя руки Захарія, опвергнушую Назаріемъ кису, которую принялъ сей съ довольною улыбкою

неопказно и, вѣрояпно шакже опасаясь, чпобъ она не прожгла его ладоней, шопчасъ опшопыриль ею пазуху свою.

Накрыпые сполы ломились опть мно- жеспва посшавленныхъ на нихъ блюды, чарь, почарь, спопъ и брапинь. Чал- ники, Коровайники и Гридни суепи- лись шолпами около ихъ. Великій Князь, войдя съ веселымъ лицомъ въ кругъ *верховыхъ* (*) своихъ, объявилъ имъ, чшо Новгородцы прислали сихъ двухъ именишыхъ мужей поклонись ему и назвашь *Государемъ своимъ*, опть лица Архидьскопа, Вѣча и всего Вели- каго Новгорода. »Изгошовся съ прово- жашою дружиною ѣхашь къ нимъ въ навечеръ. И хочу съ ними обослапья вѣспью и спросишь ихъ: чшо разумѣ- юпть они подь эшимъ названіемъ?» оп- несса омъ къ Боярину Федору Давыдо- вичу.

(*) Тогда придворные назывались *Верховыми*.

»Что разумѣшь болѣе,« ошвѣчалъ Федоръ Давыдовичъ и прочіе, послѣ общаго изумленія, »какъ не совершенное покореніе ихъ подъ власшь швою, Государь!«

Топгчасъ начались шумныя поздравленія и восклицанія неприщворной радости. »Насилу-шо хвапились за умъ! — Что, видно Липва-шо не по губъ пришла! — Не какъ прежде парацились! — Спѣшили мы ихъ! — Теперь одной грудью будемъ ошспаивашъ Русь свящую! — Теперь пора ближайщую сосѣдку, Тверь, добышь мечемъ!« вскричалъ кшо-шо. »Вѣспимо!« подхвапили другіе. »Вишь, слухи нооянся, будшо и къ нимъ Липва бѣсовская привела чуму* свою!«

Великій Князь Юзанъ, какъ я уже сказалъ, бивъ шонгимъ полипикомъ своего вѣка, замѣшиль, что въ волнахъ радостнаго народа расплескалась его шайна, замѣшленная имъ шакже давно,

и желая скрышь ее до времени подъ спудомъ молчанія, воспѣшили прервать общій говоръ. Тогдашъ повелѣлъ онъ *Бирюгамъ* (*) разгласить народу о причинѣ прибытія пословъ Новгородскаго Вѣча, и выкашпиръ имъ еще нѣсколько бочекъ вина; а госпямъ своимъ указалъ, помолившись, присупишь къ ожидающей ихъ прачезъ.

Тогдашъ всѣ сполы обѣли. Предъ каждымъ госпемъ лежали шипые по концамъ ушпиральники, или полопенца изъ Фламандскаго полошна, кошпорыми Бояре ушпирали бороды свои; а передъ Великимъ Княземъ лежалъ шелковый ушпиральникъ съ бахрамою. Назарію Юаннъ назначилъ сидѣшь за Окольничьимъ споломъ съ избранными Сановниками двора своего; а Захарію, кошпораго, еще до принятія нмъ денегъ, проникъ онъ

(*) Провозгмашапеламъ.

орлинымъ взоромъ своимъ, опредѣлить
иrapeзовать за кривымъ споломъ съ
прочими младшими Верховыми.

Лишь только широкія лавки, обѣпав-
ленные около споловъ и покрывыя
длинными полосьями и суконными
подушками, замѣспились госпиями, Гри-
дни сняли со сполоа Велико-Княжескаго
огромный, сладкій (*) пирогъ, помѣщен-
ный на золопомъ блюдь, разломил его
надъ головою имянинника, и чѣмъ бо-
лѣ просыпалось изъ него начинки, пѣмъ
сыпнѣ и благополучнѣ (обыкновенно)
предсказывали жипъ ему. Тупъ же за-
звучали задравные кубки (**) и гря-

(*) Печь въ имянины сладкій пирогъ еспъ весьма
древнее обыкновеніе. Опъ тего имяниннику об-
рекали жипъ сладко.

(**) Лишь за здоровье ведетса обыкновеніе пакже
издревле; оно починалось желаніемъ, чпобъ
и впредь многократно праздновать ему эпонтъ
день.

нуль хоръ *демественниковъ*, или пѣвчихъ Дьяковъ, копорые пѣли, всѣми спаницами перемѣняясь, большія спириры изъ праздниковъ и шриодій со всякимъ благочиніемъ.

Пѣвчіе кончили свое дѣло. Начался споль. Великій Князь, изъ поспавленныхъ предъ нимъ жареныхъ павлиновъ, попробовавъ маленькимъ ножичкомъ, копорый изъ нихъ лучше, велѣлъ снятъ ихъ со спола. Спольники вынесли ихъ вонъ; попомъ, разрѣзавъ всѣхъ, поспавили опяшь предъ нимъ въ малыхъ мисахъ, въ каждой по чепыре куска. Великій Князь опъ каждую блюда, давъ опвѣдашь напередъ ближайшему къ нему Спольнику, опрѣзывалъ шо въ помъ, шо въ другомъ мѣспѣ часть, кушалъ самъ, подчивалъ сидящихъ съ нимъ, и, въ знакъ особенной милоспи, ссылалъ съ своей шарелки, кого хопѣлъ опличить. Въ числѣ цакowychъ находилъя и Назъ-

рій. Подачку его принимали Бояре, привспавъ и кланяясь, и начинали ѳспъ. Кпо же кого любилъ, или искалъ чьей любви, по прикушивалъ съ нимъ изъ одного сосуда вино и медъ (*).

Новгородскіе послы-самозванцы, изъ копорыхъ Назарій сдѣлался болѣе чшимъ, не смотря на все прежнее, сидѣли врознь,

(*) Обычай сей наши предки приняли опъ Грековъ вмѣстѣ съ Хриспіянствомъ, пишеть *Оларій*. Онъ говоритъ, что пиеть изъ одного сосуда и прикасаться губами своими къ помужъ мѣспу, было у Грековъ и у Римлянъ знакомъ изъясненія любовной спрасни. Они думали, что чрезъ по возбуждается любовь *въ особъ*, копорая будеть пиеть послѣ, къ пою, копорая изъ погожъ сосуда пила прежде, чрезъ приложеніе губъ къ одному мѣспу. Женщины не давали мужчинамъ пого сосуда, изъ копораго онѣ сами пили; но сѣ перехватывали у нихъ. *Болтинъ* въ примѣчаніяхъ своихъ полагаетъ, что у насъ при вѣнчаніи дають пиеть изъ одной чаши сочепавающимъ также для пого, чтобъ приложеніемъ губъ къ одному мѣспу сопрати взаимною спраснио сердца сочепавающихъ.

но не далеко другъ отъ друга, ибо почешный или окольничій споль заднимъ концомъ своимъ досягалъ почти передняго конца криваго спола, а Велико-Княжескій былъ опдаленъ, и попому разговоръ могъ бытъ общій и живой въ гульливой бесѣдѣ Бояръ, копорые уже были въ хмѣлевомъ разгулѣ.

»Ну-ка, ради пріятшсшва, опкушайка, чеспный госпъ,« говорилъ Бояринъ Ощера Захарію, насмѣшливо улыбаясь и пропягивая къ нему руку.

»Да развѣ онъ чеспный? Въдь онъ Дьякъ! Спало бытъ *кривосудъ*,« шепнулъ ему пошихоньку сосѣдъ его, Бояринъ Василій Сабуровъ.

Между шѣмъ Захарій, пыхшя и возясь съ кушаньемъ, взглянулъ на подчивавшаго; узналъ его, покосился и, молча, опшолкнувъ отъ себя обѣими руками покалъ, опяшъ принялся ѣсть.

»За чшожь такое нелюбіе?« продол-

жалъ Ощера. »А давича еще я приюшилъ себя опъ пѣснопы и напора.«

» Полно его задобривашь-по, а взглядись-ка лучше въ него; самъ сознаешься: ни дашь ни взяшь нашъ ярышка,« шепнулъ ему опяшь Сабуровъ.

» Торовашь пы больно, Бояринъ, на чужое добро,« сказалъ вслушавшійся Назарій Ощеръ.

» Да и не кспаши,« примолвилъ Мамонъ. »Ужь пошъ и шакъ покраснѣлъ, какъ вареный ракъ, или....«

» Или пы!« подхватилъ Назарій. »По мнѣ лучше цвѣсти макомъ, нежели имѣшь и лице и душу, похожія на сапожное голенище.«

Ощера, бывши смугль, принялъ эпо на свой счешъ и, нахмурившись, произнесъ: »Бышь можешъ, мы позакопшились опъ Новгородскихъ спѣнъ, когда онъ горѣли Московскимъ огнемъ и ког-

да горожанъ ихъ мы гнали, какъ собакъ на смычкахъ, шушишь....»

» Вѣрно за по водили вы ихъ на смычкахъ, чшо они больно, кусали васъ?« спросилъ его Назарій хладнокровно.

» Нѣтъ, мы умѣли опкусываться; а за по, чшо эши захребепники (*) носили подь одной шапкой двѣ рожи: однимъ глазомъ плакали, а другимъ примаргивали, смѣясь.»

» А вамъ ужъ было не до смѣха?»

» Эшимъ не кори насъ. Не мало и я ушапшывалъ шрупы земляковъ швоихъ, когда шель на городъ не пропоренной еще ни къмъ дорожкой,« говорилъ сердшо Ощера, спукая по сполу зазвонной, дѣдовской чарой, опъ чего влага плескалась изъ нее къ нему на блюдо.

» Чшожъ мудренаго, чшо шель по шрупамъ! На падалъ, всегда накидываются вороны!« сказалъ Назарій.

(*) Или батраки.

Подъ снѣгомъ спароспи, опушавшемъ чело Боярина Ѳедора Давыдовича, давно уже искрился взглядъ негодованія на споръ госпей, превратившійся уже въ брань. Зная задорныя замашки и надѣяніе Ощеры на любовь Велико-Княжескую, онъ его обвинялъ, и замѣшая, что онъ гошовъ былъ дерзко и со гнѣвомъ опшвѣчашъ Назарію, предупредилъ его:

»Ну что ты замѣшался, Анцифоръ Селифоншвичъ,« сказалъ онъ, »въ нашу рѣчь, копорую мы вели пріязненно съ чшимымъ посломъ Новгородскимъ? Сознайся, швое дѣло не право.«

»Да я только еще хотѣлъ доприспъ эпого шеспника (*), откуда ихъ брашья нащичили сполько золоша и серебра, что у поварища его, думается мнѣ, надорвалась пазуха шоскашъ мѣшокъ, копорый, какъ не забишъ въ ней, но не ушайлся, какъ шило въ мѣшкѣ?»

(*) Пришлеца.

Да и въ землѣ-шо ихъ, бывало, моя дружина черпала, да разшаскивала шапками деньги. Ужь эша рѣчь не наносная, а явно-видная. Гнѣздо-шо ихъ не добрый пришонъ. Около спуденаго моря, должно бышь, съ грѣшкомъ пополамъ дѣляпся они совѣспью своею.»

» Чпо касается до меня,« возразиль ему гордо Назарій, »шо мечь порукой всякому, чпо я удоспоиваю видѣшь и носишь золопо шолько на клинкѣ его, да на шишакѣ.»

» Не серчай на него, Бояринъ!« сказали почпи оба вмѣспѣ Федоръ Давыдовичъ и Князь Сприга Оболенскій. »Языкѣ его занозиспѣ; да и законъ вѣжливоспи писанъ не про него.»

»Я берегу гнѣвъ свой для людей и не спрачу его на...« опвѣчалъ было равнодушно Назарій; но вдругъ слова его прервались спраннымъ звукомъ, раздавшимся сзади. Дверь быспро опкину-

лась, всѣ обернулись и увидали входящаго въ нее мѣрными шагами маленькаго человѣка въ ярко-нарядномъ полукафтанѣ, оцвѣченнаго блесками и разными нашивками и пуговицами. Головной уборъ его соспоялъ изъ колпака, украшеннаго сзади и спереди широкими золотыми лиспами, копорые, возвышаясь по взадъ, по впередъ, на подобіе салпановъ, изгибалися. Это былъ погѣшникъ Великаго Князя, прозванный Богашыркой, съ плюшовскимъ лицомъ и большою головою; одна щека у него была нашпана сажей, а другая красной краской; въ ухахъ же мошались длинныя серги, какъ у Индѣйца. За собою велъ онъ большую полпу скомороховъ съ побрякушками; въ рукахъ его была булава, на коей шевелились маленькіе колокольчики, и коей онъ ежеминутно поверпывалъ, производя звукъ, посредствомъ копораго управлялъ своею командою, ввѣренною ему въ полное распоряженіе.

»Богатырка! Бѣсенокъ! Щенокъ!« раздалось со всѣхъ споронъ. »Сюда, сюда!«

»Тсъ-съ! саранча, лягушки, что вы заквакали?« отвѣчалъ онъ. »Али еще голодны, прожоры? — Иваша!« продолжалъ онъ, подойдя къ Великому Князю, »что они безчинничаютъ, не чпущъ насъ съ побою. Ты бѣ ихъ велѣлъ накормишь на своей псарнѣ.«

Великій Князь далъ ему кусокъ пирога; онъ махнулъ булавою своею скомоухамъ; пѣ развернулись, подперлись подъ бока руками и зачали скакать, прихлопывая въ ладони и присвисывая; а воевода ихъ взялъ подачку въ обѣ руки, помѣспился около спола на полъ, и шолько что началъ было ѣспъ, какъ Василій Михайловичъ Верейскій вышибъ у него пирогъ.

»Эхъ, Василько!« отвѣчалъ онъ съ досадою; »все ваше племя завидливо: одни у другихъ опнимаютъ, коль завидятъ

чшо въ лапахъ, да не своихъ. Вошъ по-
годи, я буду Великимъ Княземъ, шакъ
самъ буду умъшь шѣшишься надъ ва-
шимъ брапомъ, маленькими Князьками.»

Вдругъ на него выдиль сзади кпо-по
цѣлюю мису щей, опъ кошорой кол-
пакъ его расплылся и покривился.

»Ай, ай!« закричалъ онъ, и подъ гро-
хопомъ смѣха бросился къ Боярину Ма-
мону, и бывши весь мокрый, обнялъ
онъ его крѣпко, прижался къ нему,
впился руками въ его полсшую шею,
повисъ на ней, какъ хомушь на шеѣ во-
ла, и продолжалъ кричать: »Заспупись,
бранище! вели вынеспи меня опсюда.
Тушь все дураки, шакъ намъ съ шо-
бою, къ слову сказашъ, опъ нихъ жи-
шья не будешъ.«

Общій смѣхъ удвоился, а удушенный
почпи Мамонъ насилу выперся изъ не-
го, и взбѣшенный и замаранный имъ,
хопѣль схвапишь его за волосы; но
уверпливый Богапырко проскочилъ изъ

подъ рукъ его и оспавилъ въ нихъ шолько одинъ измяшый колпакъ свой.

» Чпо, не по шебъ оргамакъ-опт! Смошрише, Бояринъ опбилъ себъ колпакъ-шо! Эка завозная рѣдкосп! Чпо жъ, вѣдъ онъ и къ нему приспанешъ!« раздались голоса.

» А! пощенокъ прокляшый, уѣрзгнулъ! Ябъ ше закинулъ, къ слову сказашъ, за при девяпъ земель въ придесяпое гсударспво!...« вскричалъ Мамонъ, замахнувшись. »Да еще я шебя доѣду!« прибавилъ онъ, пригрозясь и оправляясь, и бросился за Богашыркою.

Но Богашырко, бывъ проворнѣе его, началъ кружиться около спола и поддразнивать гонителя своего: »Брапище не лягайся; пузомъ зацѣпишься, шакъ распянешься, а я шебя шупъ и осѣдлаю, какъ намѣсь козла.«

»Придержите! вопъ шакъ, шакъ! Тишните его, къ слову сказашъ, хорошень-

ко, чшобъ пѣшухомъ запѣль!« кричалъ успалый Мамонъ. Когда Захарій схватилъ бѣжавшаго мимо его Богашырку за булаву и шпануль сильно къ себѣ, но сей вдругъ пуспилъ ее, Захарій перевѣсилъ, и еслибъ не набѣжалъ на него Мамонъ, по онъ покапился бѣ навзничъ; но сей поддержалъ его насскокомъ своимъ и они полько чшо чмокнулись лбами; предметъ же ихъ ловишвы былъ уже далеко опъ нихъ. Онъ подбѣжалъ къ Великому Князю и, умученный, усълся у ногъ его, зная, чшо безопаснѣе се-го мѣста для него не было.

»Охъ, охъ, Иваща!« говорилъ онъ, »не сполько они меня умучили, сколько оглушили. Ну, какъ крѣпки лбы у Бояръ, словно мѣдные! инда своды запряслись! Эпакъ я скоро попаду въ Боярина, шакъ и я смѣло на встрѣчу обуху пойду. Да пуспъ ихъ бодаются, мнѣ чшо въ чужемъ пиру принимають похмѣлье? Только вошъ чшо: опкуда взялся другой-шо

Мамонъ? Да какой же узорочный! Здравствуй, здравствуй, новый братъ!» кричалъ онъ, кивая головою Захарію. »Кпожъ изъ насъ проихъ будешъ большимъ-по? Ужъ вы меня шибко избидѣли: опнялі и копакъ и палку. Дѣлишесь же, а я у Иваши въ замѣну сего выпрошусь въ Новгородскіе Намѣшники, взберусь на Вѣчевый колоколъ, сяду на него верхомъ, чшобъ бышь виднѣе, да и спану опшуда кричашъ указы. Ужъ, не бось, при мнѣ не взбуншующся горожане. Ну, право, развѣ лучше меня шамошніе Дѣяки-по? Вопъ чшо значипъ бышь безъ головы, хопъ шуловицей-по и много! Ну, Иваша,« сказалъ онъ, вскочивъ весело, »опдаешъ чшо ли, хопъ колоколъ-по одинъ? А не шо сидѣшь же ему въ прудѣ когда ни будь по швоему же наказу.«

»Ты будешъ шамъ висѣшь подлѣ него, коли хочешъ!« сказалъ Великій Князь съ сердцемъ и шакъ полкнулъ его но-

гою, что онъ упалъ и, опиходя въ спорону, почесывалъ голову и говорилъ: »Ну, ну, шы все себѣ хочешь! Возьми, возьми, шолько чшобъ не оглушилъ онъ шебя.«

Общій смѣхъ покончился; послѣдняя чаша изъ спрѣокамилова яйца, оправленная золопомъ, обнеслась кругомъ и пресыщенные госпи, зашумя оподвигающимися скамьями, вспали, помолились Богу, низко преклонились предъ, Великимъ Княземъ за хлѣбъ, за соль и спали не вдалькѣ опъ него съ поджашыми руками и въ глубокомъ молчаніи.

Назарій, обидясь словами Богашырки, шепнулъ Оболенскому давнишнее желаніе свое выдши, и спалъ прощашься съ Великимъ Княземъ и благодарилъ его за всѣ ласки и милоспи; но Великій Князь просилъ его пообождашь.

Скоморохи заскакали опяпъ; Князь Василій Вереискій съ Боярами начали

шрунишь надъ Богашыркою, а между шѣмъ Великій Князь повелѣлъ принесть запись и заспавиль Дьяка, принесшаго ее, чипашь вслухъ, что повелѣлъ онъ ему написашь, и Дьякъ, при глубокомъ молчаніи всѣхъ, началъ: »Осподарь всея земли Русскія и Великій Князь Московскій, Володимирскій, Псковскій, Болгарскій, Рязанскій, Воложскій, Ржевскій, Бельскій, Росповскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій и иныхъ земель опчинъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и обладапель, Іоаннъ Васильевичъ, посылаетъ опчинѣ своей Великому Новгороду запросъ съ ближнимъ Бояриномъ своимъ и Великимъ Воеводою, Ѳедоромъ Давыдовичемъ: что разумѣваешь народъ его опчины, подъ именемъ *Государя* вмѣсто *Господина*, коимъ назвали его прибывшіе опъ нихъ послы Архіепископскіе: Сановникъ Назарій и Дьякъ Вѣча Захарій? Имупъ ли они желаніе видѣшь власпъ *Судную* въ

однѣхъ его рукахъ и хопяптъ ли при-
сѣгнушь ему, какъ *полному* Власпише-
лю, единспвенному Законодапелю и Су-
дѣи непричаспному, не имѣшь у себя
Тіуновъ, кромѣ Княжескихъ, и ошдашь
ему Дворъ Ярославлевъ, древнее мѣспю
Вѣча? Если пакъ, шо онъ посылаетъ
имъ милоспъ свою и скоро имѣетъ
вспупитъ во владѣніе своихъ праоп-
цевъ. Сію записъ скрѣпилъ печатникъ
печатшю Велико-Княжескою, Князь Юрѣя
Пашрикѣевъ. Писалъ ее Дьякъ Анцифо-
рикъ по рѣклу (*) *Шершавый.*»

По прочпеніи сего, Великій Князь
повелѣлъ приложитъ руки Назарію и
Захарію, чшо они и исполнили. Послѣ
сего Федоръ Давыдовичъ принялъ ее отъ
Великаго Князя съ почшеніемъ и обер-
нувъ щцашельно харптію въ камку,
спряпалъ ее, и переговори въ полголоса

(*) По прозванью.

съ Великимъ Княземъ, поклонился ему и вышелъ поспѣшно изъ Палаты.

»Бышь войнѣ!« говорили нѣкопорые Бояре пихомолкомъ.—»Да не миновашь!« ошвѣчали другіе шакже шихонько.

»Дѣло сдѣлано; полно кручинишья!« сказалъ Сприга Оболенскій задумавшемуся Назарію.

»Да, не ворошишь!« ошвѣчалъ Назарій. »Теперь, можешъ, ужъ роковая записъ мчишья....«

»Не шолько враша моихъ хороминъ, но и сердце всегда шебъ опкрышо, чешпный Бояринъ!« сказалъ Великій Князь Назарію, прощаясь съ нимъ.

Захарій и не замѣшилъ ихъ ухода. Подружась крѣпко съ Мамономъ, онъ жарко разсуждалъ съ нимъ о чемъ-шо. Общее приключеніе, особливо несчастливое, всегда соединяешъ людей коропшкими связями; но Богашьрко, находясь подлѣ Великаго Князя, шакже переважно

раскланивался съ Назаріемъ, копорый, чупь не плача, выходилъ съ прочими Боярами, мало по малу пакже выбиравшимися изъ Палашы, и когда всѣ вышли, Богашырка чинно подошелъ къ Великому Князю и спросилъ его: »А меня куда ушлешь? Въ семинебныя края чпо ли? Или оспавишь вмѣспо себя вѣдашь Москву?«

» Дуракъ прѣспый!« опвѣчалъ ему Великій Князь: »куда шы, какъ воронъ вѣщій или ворона каркунья глупая, пррѣкаешь мнѣ идши?«

Богашырка, не опнесясь къ нему, запѣлъ:

Собирался бѣлый Царь,
Православный Государь,
Пиръ пировать!

Навезли на эпошь пиръ
Все мечей, да бердышей,
Мечь кладенець.

Вопь ужь пыль клубить съ земли,
 Вопь забрежжали вдали
 Панцырь, да шишакъ.

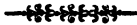
То гоново для Царя:
 За спуденья моря
 Ъдесть онь госпнись.

У Новгорода приваль;
 Всъхъ на смерпь и на поваль
 Будеть онь рубить.

» А я шебѣ говорю, чпо пвоя корчага близь шопора, и если болпуньязыкѣ швой не уймется молошь еще чпо нибудь, похожее на эпо, по я велю далеко опметнупь его!...« сказалъ съ примѣпною досадою Великій Князь, давъ ему пощочину, и вышелъ съ мрачнымъ видомъ.

» Если моя корчага близь швоей, по ей не сдобровашь: скапнись съ плечь— эпо я давно знаю.... Плохо шебѣ, Богашырка! Да чпожъ я думаю? Гдѣ ножи, памъ скорѣй опорѣжишься. Ходи по нипкѣ, говори по норову, посшупай

по заказу, да поспись молчаньемъ. Нѣшь,
съ разумными, да съ грозными не мое
жишьє; шакъ ульнужь опсюда. Правда
мнѣ медвѣдемъ кажешся, а я ей; а двумъ
медвѣдямъ въ одной берлогѣ не ужишь-
ся. Возьму свиреспелку и зашрублю
себѣ походъ,« говорилъ онъ, убѣгая.

ГЛАВА III.

ПРОГУЛКА. ЖИВОПИСНЫЯ МѢСТА КРУТИЦКАГО И СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ. ПЕРВАЯ СЦЕНА РУССКИХЪ ЗАБАВЪ: ПѢСНИ И ПЛЯСКИ. ВТОРАЯ СЦЕНА: КУЛАЧНЫЙ БОЙ. ВОЗВРАЩЕНІЕ. УДИВИТЕЛЬНАЯ ВСТРѢЧА. • ЕЩЕ НЕОЖИДАННАЯ ВСТРѢЧА. ИЗУМЛЕНІЕ, ПРЕДЧУВСТВІЕ И СОМНѢНІЕ.

Васильковою лазурью
Здѣсь дѣлнннютъ небеса;
Подъ рушнпельною бурью
Здѣсь не могутъ паспъ лѣса;
Здѣсь душа въ лугахъ шелковыхъ,
Жизнь и въ камняхъ и въ водахъ!

* *

Изъ-за сумрачныхъ, высоокнхъ елей,
Ярко пылая, далеко мелькалъ крестъ

церкви, сооруженной на грозныхъ крупизнахъ горъ; мимо его извивалась пропинка, пропопанная на косогорѣ скаль опшелъниками и богомольцами; по увалу крупизна берега, росъ молодой березникъ и накидывалъ пѣнь свою на спокойный прозрачный хруспаль водъ, изъ подъ вѣшвей коего выскакивали дубравные жипели и распилались въ лепу своемъ надъ водой въ проспранномъ привольи, ловя мошекъ; а съ макушекъ елей и сосенъ раздавались пронзительныя карканья воронъ и грачей. Осень пригошовлялась уже грозиться на природу, а между окреспной зелени мелькали кой гдѣ желпыя листьа; дикія шицы, выпархивая изъ прибрежнаго куспаря, спаились въ воздухъ; бѣлки ѣргали за добычей своей по орѣшнику, а перепелки шныряли по сжапымъ полямъ.

По шропинкѣ, пролегающей около спѣнь монастыря, опдѣляя рукой

сплешіяся въшви, шель Назарій съ Княземъ Спригою Оболенскимъ съ молчаніемъ восхищительнымъ, любуясь окресносціями. Лѣсъ, освѣщенный солнцемъ, казался раззолоченнымъ, а вода подъ нимъ по сверкала, по скрывалась въ шѣни лѣсовъ, по опяшь показывалась и яснѣла, по лазурью, по сыплею солнечныхъ искръ, разбросанныхъ въ нихъ дребезгами. Долго молчалъ Назарій; наконецъ произнесъ:

» У кѣго душа больна, шопгъ пусшь подивуешся Божимъ созданиемъ: свяпое шѣпло прогрѣешъ ее и все пройдешь! Скажи, по какимъ мѣспамъ водишь шы меня? Какъ зѣвущся они: эпопгъ храмъ Господень, рѣка и лѣсъ? Ужъ мы, кажись, далеко за Москвой!

» Да на порядкахъ,« опвѣчалъ Оболенскій. »Вопгъ и Крупицкій Монаспырь (*). Лѣсъ эпопгъ прозывается шакже Кру-

(*) Монаспыри были въ города: Крупицкій, Си-моновъ, Андроньевъ, Срѣтенскій и Давыловъ.

пицкимъ, а внизу въ крупныхъ берегахъ кашинся Москва рѣка. Вѣдь мы прогуливаемся добрыхъ часа два послѣ Княжеской прапезы; не пора ли назадъ? Я шебѣ покажу еще кое чшо.»

» Нѣтъ, дай мнѣ насмотрѣться досыща на Москву. Русь благодатная! опъ чего не здѣсь я родился? А какъ все хорошо здѣсь! Какія крѣпкія бойницы на монашырскихъ спѣнахъ (*)!»

Задумчиво шедши по лѣсу, выбрали они на оплогую долину и сѣли опдохнуть подъ широколиственный склонъ дуба, кошорый, какъ балдахинъ, размахивался надъ ними гуспыми вѣпьями своими; подъ ногами ихъ—пихо лепепали дремопныя волны Москвы-рѣки, лебезя берега свои и въ нихъ опражсясь; чупь, чупь двигалось небесное

(*) Монашпыри спаринные спронансь на высоту и съ бойницами, не для украшенія, но для зашпы опъ враговъ.

свѣпило съ голубымъ полемъ своимъ. Все было тихо, только издали слышалось завыванье иволги, а вблизи видѣлся куликъ, блистая разноцвѣтными перышками своими и ударяя носомъ шапку о кору дерева, да журчалъ гдѣ-то ручей, разбѣгаясь съ горы въ рѣку. За ними мерцалъ другой храмовой крестъ: это былъ Симоновъ Монастырь съ своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ, а издали предъ ними сверкали кой гдѣ маковки Московскихъ церквей.

»Вонъ вдали, по ту сторону, Даниловъ монастырь,« сказалъ Оболонскій: его еще спроилъ *Калита*, да тушь и упокоишь себя поведѣлъ; а поправѣй-по Андроньевъ: его спроилъ Св. Алексѣй Мишпрополишь, рассказывающъ, будпо за спасеніе опъ бури, по обѣщанію. За спѣнами его хитрый Фрязинъ опыскалъ лучшую глину для спроеваго снадобья.»

Долго сидѣли они молча и послѣ сего Оболенскій повелъ Назарія по возвращенной дорогѣ опять въ Москву черезъ рощи и поля, и оспановилъ особенное вниманіе его на Лубянкѣ у Никольскихъ воропѣ, подлѣ церкви Гребневской Божіей Машери, сказавъ:

» Эпопѣ храмъ сооруженъ недавно въ благодарносць Пречистой Божіей Машери за усмиреніе Новгородцевъ. Въ немъ есць предѣлъ Св. Іоанна Новгородскаго.«

Назарій помолился и, не сказавъ ни слова, пошелъ далѣе. Взопедъ въ Кипай (*) городъ на полое мѣспо (**), онъ спросилъ: » Чшожь сіе мѣспо не заселено?«

» Здѣсь бываюшъ поединки,« опвѣчалъ Оболенскій. » Но пы опять закручинился. Пойдемъ лучше, я повожу

(*) *Китай* есць названіе Тапарское, означающее *средній*.

(**) Гдѣ нынѣ церковь: Троица на поляхъ.

шебя памъ, гдѣ Москва нынче въ гуль-
левомъ разгарѣ.»

Они повернули влѣво и скоро вышли
на Васильевской лугъ (*), гдѣ показалась
имъ подъ заслоною нѣсколькихъ деревь
маленькая пещерка, на пемени и бокахъ
костей зеленѣлась справа и мохъ; она бы-
ла окружена гориспыми мѣспами, на
коихъ были расположены сады, называ-
емые пакже Васильевскими.

»Вошь эту пещеру, рассказываютъ
спарожилы—не знаю, правда ли—ископалъ
Василій Блаженный,» сказалъ Оболенскій.
»Православные со всякимъ благочеспиемъ
ходятъ поклонисься на эпо мѣспо,
особливо одержимые недугомъ, и по-
чпи всѣ, ужъ въспимо крѣпко вѣрую-
ще въ силу Господню, бываютъ изцѣ-
лены. А вошь въ энихъ садахъ соби-
рается молодежь и веселился въ праз-
дничные дни: поютъ и пляшутъ и по-
пиваютъ медъ кипучій.»

(*) Гдѣ нынѣ Варварскія ворота.

И въ самомъ дѣлѣ, скоро послышались имъ звуки гудковъ (1), волюнокъ (2),

---

(1) Гудокъ, скрипкѣ подобный, о шрехъ спрунахъ, инспрументъ, на кошоромъ играли шакже, какъ и на скрипкѣ посредствомъ смычка, держа самый инспрументъ рукою вверху. Онъ естъ самый древнѣйшій въ Россіи и объ немъ упоминается въ нѣкопорыхъ весьма старинныхъ, въ честь языческихъ божествъ, сочиненныхъ пѣсняхъ.

(2) Мускійское орудіе, состоящее изъ коженаго пузыря, надуваемаго чрезъ прикрѣпленную сверху шрубочку; въ нижнемъ же концѣ привязываются двѣ разной величины и различнаго опверспія деревянныя шрубки, чрезъ кошорыя выходящій воздухъ соспавляетъ голоса басистые, а шрешья небольшая дудочка съ опверспіямъ кошорыя запворяетъ пальцами и опворяя, игрокъ даетъ разныя напряженія голосамъ. Волюнки упопрещены особенно въ Малороссіи, но къ намъ перешли, сочинитель Хронологическаго Словоря говоритъ, опъ Финскихъ или лучше предковъ ихъ, Сарматскихъ народовъ, и шакже естъ весьма древній инспрументъ.

ЧАСТЬ II.

4

варгановъ (3), балалаекъ (4) и гуслей (5), также подлады шазовъ и скво-

---

- (3) Малое желѣзное, также Мускійское орудіе, на копоромъ играющъ приложя его къ зубамъ. Онъ особливо употребленъ въ Малороссіи, куда принесенъ вѣроятно изъ Польши, получившей его изъ Германіи, гдѣ, какъ и въ нѣкопрыхъ другихъ Европейскихъ Государствахъ, употребленъ онъ съ давнихъ временъ. Въ великой Россіи онъ не самый древній; о немъ говорится и въ Дополненіяхъ къ Дѣяніямъ Петра Великаго. Сверхъ сего были еще инструмены: свирѣли, гудки, желейки и рожки.
- (4) Балалайка причисляется также къ Мускійскимъ орудіямъ, съ ладами, о двухъ и прехъ струнахъ, когда и кѣмъ изобрѣшена, неизвѣстно. Сочинители новѣйшей Французской энциклопедіи называютъ ее Русскимъ инструментомъ; но Россійская Академія въ словарь своемъ названіе *балалайка* производитъ отъ Ташарскаго языка, что кажется вѣроятнѣе, что она изобрѣшена Ташарами во время ихъ владычества надъ Россіею и заимствована отъ нихъ Русскими. Она есть изъ числа древнѣйшихъ Россійскихъ музыкальныхъ инструментовъ.
- (5) Сей инструментъ употребленъ въ Россіи съ давнихъ же временъ и, кажется, съ тѣхъ

родъ (1); свирѣли, дудки, жилейки, рожки раздавались шумъ же и опъ смѣшенія всѣхъ сихъ инструменшовъ выходилъ спранный и непріятный разладъ; но въ погдашнее время чѣмъ громче былъ звукъ, тѣмъ охопнѣ всякій возбуждался веселился подъ него. Всякая кучка народа была занята собшвеннымъ удовольспвіемъ; кпо не хотѣлъ учаспвовашь въ игрѣ на инструменшахъ, шумъ присоединялся къ шуму пѣвчихъ и въ разныхъ мѣстахъ слышны были разныя пѣсни: хороводныя, свяпочныя, плясовыя (2) и проч.

поръ, какъ Россіане спали имѣлъ чаще обращеніе съ Греками, опъ копорыхъ безъ сомнѣнія его и заимспвовали.

- (1) Чпо въ нѣкопорыхъ опдаленныхъ опъ Сплонцы городахъ видно и доннѣ.
- (2) Вкусъ и правильность въ пѣніи предковъ нашихъ началъ образовашься съ самага введенія Хриспанской вѣры. По свидѣльспву Новгородскаго Архіепскопа Іоакима, извѣспно, чпо прпбывшій въ Кіевъ изъ Констанпнополя пер-

✱

Иные весельчаки, опважно загнувъ головы вверхъ, одною рукою подбоченясь, а другою прищелкивая, плавно высгупали на сцену забавъ, переплепались, свивались, развивались, по двигались чущь чущь, по громко припопшывали ногами, разходясь въ разныя спороны, и изъявляли пѣлодвиженіями своими попеременно: по радость, по печаль, по любовь, по волокишспво, по опказъ и опчаяніе. Женскій полъ, надобно замѣшишь, былъ совершенно опдѣленъ

вѣй Россійскій Митрополишь Михаилъ, въ числѣ многыхъ духовныхъ особъ, привезъ съ собою и демеспвенниковъ, ш. е. пѣвчихъ изъ Славянъ. Въ царспвованіе же Ярослава I, въ 1053 году, прибывшій пакже изъ Царяграда Митрополишь Георгій привезъ съ собою прехъ челоувѣкъ пѣвчихъ съ ихъ семейспвами, копорые учили въ Россіи пѣть на восемь голосовъ, опличая церковное пѣніе опъ мірскихъ пѣсенъ; сему искусству обучали и женскій полъ, чпо видно изъ Испоріи Княжны Анны, дочери Великаго Князя Всеволода I.

опъ мужескаго: собравъ подругъ своихъ и знакомиць, веселились онѣ, зимою, въ свѣшлицахъ перемовъ своихъ игрою въ жмурки, посидѣлки и проч.; а лѣпомъ за высокими пынами заборовъ на дворѣ и въ садахъ, шамъ слышались кое гдѣ шакже визги пѣсенъ ихъ. Онѣ пѣшились еще скаканьемъ на доскахъ (1), качались на качеляхъ (2) вислыхъ, горизонтальныхъ и круглыхъ, и плавно плясали веселыми группами въ хороводныхъ играхъ, мелькая алыми леншами

- (1) Кой гдѣ продолжается эша забава и доннынъ между просполюдинами.
- (2) Употребленіе качелей было извѣстно въ Россіи еще до временъ Великаго Князя Владиміра I-го. Тогда онѣ назывались *колыски*. Особенно забавлялись ими въ дни Св. Апостоль Пепра и Павла и Св. Іоанна Крестнишеля. Всѣ сіи роды качелей весьма употребительны въ Воспочныхъ спранахъ, опкуда вѣрояшно перешли и въ Россію.

въ косникахъ (1), а молодицы, п. е. замужня, высокими кокошниками (2) своими съ жемчужными поднизями.

---

(1) Дѣвицы наши волосы свои заплепали въ косу, копорая, низвѣшиваясь, оканчивалась косникомъ или шреугольнымъ банпомъ, шириною въ два аршина и болѣе, коцорый соспоялъ изъ шелковой пкани и былъ унизанъ въ узоръ разноцвѣпнымъ бисеромъ, а у богатыхъ жемчугомъ и дорогими каменьями. Косу заплепали сколько можно слабѣе, дабы она была шире, раздѣливъ волосы на множеспво прядей и перевивъ ихъ золопыми нипками, коею спарались закрыть всю шею опъ самыхъ ушей, и чпобъ она низвѣшивалась по спинѣ поспепенно суживаясь до самаго косника. Такимъ образомъ заплепанная коса предспавляла видъ искусно связанной рѣшетки.

(2) Кокошники еспъ и донинѣ. Оспашки сего головнаго убора видѣсп можно во многихъ малыхъ городахъ на купеческихъ, мѣщанскихъ и креспьянскихъ женахъ; между ими была и донинѣ еспъ разносп, чшо въ нѣкоторыхъ провинціяхъ дѣлывали ихъ круглыми, шириною вершковъ пясп или шеспъ и довольно низко къ лицу наклоненными, на подобіе шляпнаго

Мужчины же свободно во всякомъ привольи разгуливали удалыми щолпами по полямъ и садамъ своимъ. Запѣвало, посреди кучки, съ краснымъ плашкомъ въ рукѣ, высупалъ впередъ, а за нимъ и прочіе пѣсельники; по споронамъ играла молодежь въ бабки и свайку (1), а спарики въ длинныхъ кафшанахъ и въ высокихъ шапкахъ съ широкими окладиспыми бородами, сидя на дубовыхъ скамьяхъ, иные просцо на лужайкѣ, нянчали внучашъ своихъ и, вспоминая свои попѣхи бывшія, любовались дѣшми, радовались ихъ весельемъ, ободряли опличавшихся молодцевъ по-

---

поля, когда оно опустился, а въ другихъ дѣльвали ихъ весьма мало наклоненными вышнюю въ полъ-аршина и порчащими вверхъ клиномъ на подобіе Гренадерской шапки.

- (1) Сія игра заимствована отъ Греческихъ игръ: *ὀμιλλὰ* (Имилла) и *ἀσπράγαλος* (Аспрагала) и суть весьма древнія.

хвалами и осушали за ихъ здоровье пѣ-
 желые кубки меда Русскаго и вина за-
 морскаго, приговаривая: »когда спарики
 пьюшъ, эпо поминки молодости; ког-
 дажъ молодые—эпо вспрыски новой жи-
 зни.«

Обсмопрѣвъ всѣ роды игръ и забавъ,
 Назарій съ Оболенскимъ сѣли на лоша-
 дей и поѣхали сперва на Неглинный по-
 доль (1), потомъ окольными пупями
 спали добираясь до Драчевскаго по-
 ля (2), гдѣ Оболенскій хопѣлъ показашъ
 госпю своему еще одну забаву Москви-
 шянъ. »Тамъ,« говорилъ онъ, »бываюшъ
 жаркіе бои въ Воскресные и другіе
 праздничные дни, особенно по зимамъ
 на свяпкахъ и масляной недѣли; погда

---

(1) Такъ называлась нижняя часть города, между
 Кремлемъ и Москвою рѣкою.

(2) Гдѣ нынѣ находилась церковь во имя Николы на
 Драчахъ. Тамъ въ спарину были кулачные бои,
 опъ чего и мѣсто эпо сохранило сіе названіе.

даже Бояре нѣкопорые учаспвовали въ нихъ.»

Солнце закапывалось уже на западъ багрнымъ щипомъ и роняло огни свои въ шихія воды мимо лежащихъ прудовъ и озеръ, около коихъ ходили плоповщики и собирали замышныя или плащомойныя пошлины. На всякомъ мѣсптѣ и во всѣхъ замѣшенъ былъ споржеспвенный день; всѣ рабопы, даже полевья, были опложены. Хлѣбные колосья и зеленосочныя яровья, успавленные въ спройные снопы, перевѣшивали полновѣсныя головки свои. Всѣ рабочіе люди спяями спѣшили предаться скорѣй какому нибудь удовольспвію. Между Русскими опмѣчивались кой гдѣ и Тапары пирамидальными шапками своими. Надъ ними спрунили Русскіе удалцы: «ишь,» говорили они, показывая на нихъ, «шапуны-по въ грѣшневикахъ своихъ полкаюпся, словно люди. Обжирѣли они, какъ быкі въ заповѣдныхъ лугахъ! При-

вольно имъ на Руси: голова пуспа за-
бошами, за шо мамоны полны, пакъ
чшо хопъ шеперь же на бойну пащи.
Эки увальни! дашь бы имъ хопъ вере-
шена, а шо ни за чшо, ни про чшо
хлѣбъ жуюшъ, когда не спюяшъ и мяки-
ны!»

» А чшо, брашцы, надоѣла вамъ эша
челядь?« спросилъ Назарій двухъ молод-
цевъ, шедшихъ на распашку поспѣци-
ными шагами къ мѣсшу кулачнаго боя.

» Какъ же, Бояринъ,« опшѣчалъ одинъ,
поклонясь ему и поцомъ опшважно на-
кинувъ шапку свою на одно ухо. »Чшо
имъ прокляшымъ дѣется за нашей ше-
ей? Какъ бѣльмо на глазу! Охъ! полько
бы прицькнули на эшихъ изувѣровъ,
въ первой же схвапкѣ воцъ какъ раз-
чесали бы ихъ, ажно пыль пошлабъ!«
говорилъ онъ озаршно, размахивая кула-
ками своими.

» Да самъ разсуди, Бояринъ« сказалъ
другой, »сердцу не вперпежъ видѣшь

инаго, хоть бы, примѣрно сказаць, вонъ идешь, ишь какъ надулся, чпо и спаши себѣ не знаешь, словно *Губный Староста* (*). Такъ бы и полькнулъ его!

» Да вы бы ихъ запрягали въ соху, да боронили ими поля свои,« сказалъ Назарій.

(*) Помѣщикъ *Вирника* или Уголовнаго Судьи. Симъ именемъ назывались у насъ чиновники, низшіе власны ловить всякаго вора и разбойника, и производить надъ нимъ слѣдствіе; въ его вѣдѣніи входились пемницы и палачи. Названіе *губнаго* происходитъ, по мнѣнію *Титищева*, отъ слова *губленія*. Симъ чиновникамъ въ уѣздахъ были раздѣлены *губы* или *дистрикты*. Сіе полкованіе сходно съ означенною въ 60й страницѣ Судебника и въ 21 главѣ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича; но въ происхожденіи сего названія другіе сомнѣваются, чпобъ оно было Русское. Гразговъ говоритъ, чпо начало онаго находится въ древнемъ Германскомъ языкѣ, ибо памъ встрѣчаются слова: *губа*, *губники*, *нива*, *нивачи* и будпо *губа*, *губе*, *губе*, *губанна*, *гофтума* и проч. значить деревенскую усадьбу, а *губники* поселяне.

»Мы бы ради,« ошвѣчалъ первый молодецъ; »ужь арасины не пожалѣли бы на ихъ спины, да вѣдь ихъ брапью не поднимешь и рочагами: лежатъ себѣ на боку, какъ медвѣди въ берлогахъ, или псы на завалинкахъ, да погрѣваюцца солнышкомъ. Забрали себѣ въ голову, чшо коли Ханъ ихъ власпвуешъ надъ Русью, шакъ и они шоже!«

»Какъ бы не шакъ! Проходишь пора чеспвовать ихъ!« перервалъ его другой. »Теперь не удася эшой сволочи и съ Хамомъ (*) по своимъ заглянушь въ Москву, шакъ какъ свиньямъ на небо. Ужъ опшилось окаянное ихъ племя Русскою кровью! Теперь нашъ чередъ....«

»Нишни!« сказалъ первый. »Чшо будетъ, шо будетъ, а наше дѣло спояшь крѣпче за свою правую спорону.«

»Да чшо мнѣ молчашъ о шомъ, о

(*) Такъ Русскіе звали въ насмѣшку Татарскихъ Хановъ.

чемъ всё гласяшъ,« началъ опять вопро-
рой. »Вѣдь эпи вѣспи не наносныя, не
по, чшобы вопшъ въ сей же мигъ оспы-
ли на языкѣ: онѣ давно всемъ вѣдомы;
а я шолько къ тому рѣчь веду, чшо
они сами нынче какъбы припруши-
вашь спали. Намъсь, давно уже еще по
зимѣ, какъ ихъ погнали изъ Кремля и
оспавили безъ приюша, одинъ и забрал-
ся въ мою хибаренку, да и прошаепъ
усердно, почти слезно, погрѣшься, а
самъ шакъ и шрепыхчешся. Чшо видно,
моль, шы доморощенной въ шакихъ го-
родахъ, гдѣ не ознобишь бришую баш-
ку, а Русская зима шебѣ не по норову,
даромъ, чшо въ мохнашой шапкѣ? Ужъ
хошѣлъ было я его погрѣшь горячей
головней, да шакъ спушилъ, блага чшо
самъ зашелъ.»

Рязговаривая шакимъ образомъ, услы-
хали они крикъ съ Драчевскаго поля и
скоро увидали движущія шолпы и спа-

ли разсмапривать ближе мельканье рукъ и валящихся шапокъ.

Двѣ шолпы, называющіяся спѣнками, подали уже сигналъ другъ другу къ началу драки свиспомъ. Мальчики, съ обѣихъ споронъ, выскакивали задирашь другъ друга: шо бросались впередъ, шо подавались назадъ, уверпываясь опъ грозящихъ ударовъ, шо одна спѣнка напирала, а другая опхлынывала, шо послѣдняя, заманя на выгодное для себя мѣспо пропивниковъ своихъ, накидывалась на нихъ съ искомъ и преслѣдывала ихъ. Одна изъ сихъ спѣнокъ примѣшно была слабѣе; лучшіе бойцы ея, находясь шо впереди, шо позади для поддержанія слабыхъ, не могли успоаяшь опъ множеспва сильнѣйшихъ, и кшо не успѣвалъ опскакнуть опъ ниспускающагося на него кулака, шо опъ бросался скорѣй на землю, зная успавъ кулачнаго боя: *лежачаго не бить*; къ шо-

му же они бывали смяты передними и не могли держаться на мѣспахъ своихъ.

Вдругъ на зашипу побѣжденной спѣнки явился молодой, не высокій, но широкоплечій дѣшина; онъ прибѣжалъ запыхавшись, спалъ и началъ оглядывать мѣспо побоища съ бодрымъ видомъ. Общій крикъ радости встрѣшилъ его. »Тулякъ, Тулякъ!« закричали бойцы. »Ванька Огонь! поправляйся, ребяша!« Драка приоспановилась и прошивъ его гордо спалъ рослый мужчина, кривой, смуглый и рябой, насмѣшливо озирая малорослаго соперника своего.

Рослаго мужчину обспала своя полпа и закричала: »Ну-ка, давай его сюда! Много ли васъ супропивъ нашего Рябчика? Чшо за смѣльчакъ! чшо за выскочка! Пусшь онъ докудова съ духомъ собирепся, али ужъ приляжешъ загодя!«

»Ошспоронисесь-ка лучше ошъ своего-шо, а шо онъ придавишь васъ всѣхъ, какъ начнешъ валишься!« кричала имъ на

оборопъ спѣнка, защищавшая Туляка, между шѣмъ какъ онъ перепянулся крѣпко накрѣпко, напянуль на руки свои кожаныя голицы съ выпушкою, смѣло оправиль шапку, гаркнуль: »пошелъ, наща!« — и пустился съ быспрошою соколиной.

» Ай да молодець! Знай нашихъ! Ишь какъ пошелъ, полько чпо шапка мелькаепъ въ народѣ, а шѣ валяпся по обѣ спороны. Вопъ хвапски-то рабопаепъ кулакомъ! Вопъ эпо по нашенски! Ну, и Рябчикъ повалился какъ снопъ, а нашѣ-по такъ и выкраиваепъ себѣ дорогу, инда пыль валипъ сполбомъ! Побѣжимше, рябша; опсюда не разглядишь, кпо въ ней капышется, да и попомочно спановишся,« говорили оспавшїеся успалые бойцы, съ радости припрыгивая и громко изъвляя воспоргъ свой хлюпаньемъ въ ладоши; попомъ не выперпя бросились и вопль ихъ радости, смѣшав-

шійся съ криками дерущихся, раздавался уже вдали.

По черному облаченію природы посыпались уже блески луны, когда Назарій съ поварищемъ своимъ, насмотрѣвшись досыща на Москву, окрестности ея и забавы, возвращался въ веселомъ расположеніи духа домой. Ночь насупала шихая, молчаливая; мѣсяць, перебѣгая по шонкимъ облакамъ, по укрываль за ними чело свое, слабо какъ подъ флеромъ, по величественно выплывалъ на свободу и препенный опблескъ его игралъ на сборчашыхъ кольцахъ конской сбруи прогуливавшихся.

Проѣзжая уже Кучково поле, примѣшили они, что кто-то перебирался по немъ, завидя ихъ, и спарался, перебѣжавъ имъ дорогу, скрыпсья въ близъ лежащихъ кустахъ. »Что это за оборощень? Человѣкъ, кажись, малъ, а заяцъ великъ!« сказалъ Назарій и, бывъ смѣлъ

сжалъ коня своего оспрогами (*); пу-
спился за бѣглецомъ и, наспигнувъ его,
спросилъ: »Кпо шы шаковъ?«

Вмѣсто опвѣща, сущесиво, кинувше-
еся подъ куспъ, вдругъ запѣло пѣпу-
хомъ и шакъ пронзипельно, чпо ло-
шадь Назаріева форткнула и бросилась
въ спорону быспро, шакъ чпо онъ на-
силу усидѣлъ и удержалъ ее.

» Пспойка, я шевельну его нагайкою,
авось опкликнешся, да переспанепъ
прикидывапсья!« сказалъ, подѣхавши,
Оболенскій и замахнулся на лежащаго.

» Пспой, рука онѣмѣепъ! Здѣсь вѣдь
шы не дома: за меня заспунипся дядя
лѣсовикъ!« сказалъ кпо-по хриплымъ
голосомъ, похожимъ на звукъ серебра.

Оболенскій нагнулся и вскричалъ изум-
ленно: »Ба! да эпо Богашырка! Какъ шы
здѣсь явился, опкуда и за чѣмъ?«

(*) Или по нынѣшнему названію: шпораміѣ.

» Да мнѣ, видишь ты, приснился въ прошлую ночь съдой мужичекъ, весь съ кулачекъ, шакой же, какъ я, и взялъ съ меня крѣпкое слово, чшобъ я ровно черезъ сушки прилепѣлъ къ нему на седьмое небо. Здѣсь меня всѣ заоряшъ, будпо я дуракъ; на чшо ужъ и вороны проходу не даюшъ, какъ покажешься на улицу: онѣ и закаркаюшъ надъ головою. Я подумалъ, подумалъ и впрямь между дураками попадешъ въ глупцы и рѣшился лепнушъ въ шакую спорону, опкуда закидаю васъ дорогими каменьями шакъ щедро, какъ здѣсь улѣпляюшъ меня грязью!« говорилъ Богапырка и, поднявъ одну ногу, размахнулъ руками и закричалъ: »Прощайше, добрые люди, не поминайше меня лихомъ, а шо шипунъ вамъ на языкъ, самимъ поперхнушъся недобрымъ словомъ!... Пущише же, поспоронитесь!.. Пора мнѣ!...«

» Полно шшшовспвовашъ, разумница, а шо я накормлю шебя березовой ка-

пицой на дорогу вмѣсто госпинца!»
сказаль Оболенскій.

»Прямой пы Сприга-Ярыга некош-
ной! А я еще хопѣль сдѣлашь шебя по-
себѣ наслѣдникомъ и булаву свою оп-
дашь!» сказаль Богапырка.

»Вопь чпо дивно мнѣ, чпо пы бѣ-
жалъ опъ насъ, какъ спреножная лошадь,
и собрался, повидимому, въ дорогу, и су-
ма на плечахъ, какъ сѣдло на коровѣ,» го-
вориль, смѣясь, Назарій.

»Да бѣжалъ-по я попому, чпо хо-
пѣль вспрѣчашья полько съ людьми!»
опвѣчалъ Богапырка.

»Да за чѣмъ же пы укрывался опъ
насъ и распянулся на эпомъ мѣспѣ?»
спросиль его Оболенскій.

»А эпо попому, чпо я выпиль на
цѣлый алпынъ бузы (*) на прощаньѣ
съ Москвой.

(*) Буза есть видъ аржапа, напипокъ Тапарскій,
вошедшій въ употребленіе Велико-Россійской

» Да скорѣй пы опечешь весь, чѣмъ сдѣлаешься хмѣленъ опъ нее!« сказалъ Назарій.

» А пы чпо? на войну чпо ли собрался, чпо самъ шныряешь по всѣмъ закаулкамъ нашимъ? Смотри, подмѣпишь себя, шакъ избавишь палача опъ шруда!...

» Цыць, озарной!« прикрикнуль на него Оболенскій и хопѣль его ударишь, но вдругъ вдали послышался собачій лай и чей-шо испуганный голосъ, умоляющій о помощи, въ какую спорону и обрапились всѣ.

» Дальше опъ дегпя, лучше не зама-раешься!« сказалъ Богатырка, увершываясь.

» Да эшо голосъ моего.... Какъ же ему сюда зайпи и за чѣмъ?« вскрикнуль удивленный Назарій и обрапивъ лошадь

черни со времени обладанія Татаръ надъ Рос-сією. Дѣлается изъ проса и пьюшь его холод-ный.

свою, поскакалъ шипче, а за нимъ Оболенскій на зовъ голоса.

» Онъ самый! призналъ шпы его!« сказалъ Богатырка. »Онъ провожалъ меня, а шеперь должно бышь чрезъ худую шапку свою, или лучше сказашь, воронье гнѣздо, просѣваешь горохъ, копорымъ я надѣлилъ его« и, захохотавъ имъ въ слѣдъ, скрылся.

Скоро Назарій съ Оболенскимъ опыскали Захарія, лежащаго на камнѣ близь огорода, копорый обнесенъ былъ высокими жердями, перевипыми ивовыми веревками. Собаки шеребили одежду его, а онъ кричалъ.

» Чшо шпы, рѣшище чшо ли караулишь? Въдъ на эпомъ мѣспѣ мягко лежашъ шолько покойникамъ!« спросилъ его Назарій, смѣясь и опгоняя опгъ него собакъ.

» Охъ, да какъ же онъ провель меня!« опвѣчалъ, опдыхая и пыхпя съ ушпалосши, Захарій.

» Да кшо, разскажи яснѣе?« приспали къ нему Оболенскій съ Назаріемъ.

» Да вошь,« отвѣчалъ, собравшись съ духомъ, Захарій, »пошелъ я поразгуляпья и вспрѣпился мнѣ эпошь неприглядный бѣсенокъ Богапырка, заговорилъ, все вывѣдывалъ про нашу опчину, да шакъ кудряво, опкуда понабрался, прокляпый, а самъ завелъ ни весь куда, манилъ какими-шо наградами, а послѣ надо мной началъ насмѣхашся, обманывалъ улицами и сказалъ, чшо я найду дорогу какъ-шо по звѣздамъ, а самъ ускользнулъ. Я шогда ужъ спохвапился, чшо онъ меня проводишь. Теперъ руки зудяшь на нечешивца, да поздно! Вѣдь шакон охальникъ, завѣрилъ, чшо два вершка не болѣе до дома, какъ онъ меня покинулъ, я и приспалъ здѣсь опдохнушь. Тушь псы накнулись на меня и зашпормошили, если бы не вы. Вошь далъ еще снеспи свинцовые орѣшки Ве-

ликому Князю. Вишь онъ къ нему много перешлеть ихъ.»

Назарій съ Оболенскимъ, посмѣясь сперва надъ приключеніемъ Захарія и увидавъ пули, лежащія въ шапкѣ его, изумились, взглянули другъ на друга и значительнѣе покачали головами.

» Я знаю его: онъ черпу съ родни и въ ладу съ нимъ, оборопливъ и выверпливъ!« сказалъ Оболенскій, пригопоясь бѣхашъ домой.

» Да, эшо чшо нибудь не даромъ. Кшо знаетъ, чшо держишъ онъ на умъ?« отвѣчалъ Назарій и отправился задумчиво за поварищемъ своимъ.

Захарій, пожирая обоихъ ихъ изумленными глазами и не понимая ни слова, также поплелся....

ГЛАВА IV.

Новгородъ. Вѣчевый колоколь. Суматоха. Вѣщаніе къ народу и молебствіе архіепископа Теофила. Ночь. Теремъ Марѣы. Беседа Св. Зосимы съ нею. Разказы его о Соловецкомъ монастырѣ. Раска- яніе ея и благоговѣніе къ Св. Мужу. Роковое напоминаніе. Общее неудовольствіе при раз- ставаніи.

По холмамъ грянулъ грозный кланкъ.
Какъ воешь боръ, какъ плещешь море!
Дружины вопящъ: горе, горе!

Кн. Анд. Переясл. Гл. 1.

Опколъ мнѣ такъ сладко вѣешь?
Гдѣ та свѣтлая спорона,
Гдѣ все такъ жизнью свѣплещь,
Гдѣ вѣчный жипель пишина?

Ө. Глинка.

Блѣдныя осенія шучи перебѣгали по
небосклону; изъ нихъ сыпался мѣлкій

Часть II.

5

дождикъ на землю; опдаленныя горы и вершины были покрыты почно серебряною дымкою; въсперъ порою бурливо завывалъ по ущельямъ, разкачивалъ макуши огромныхъ дубовъ и шумошила послѣдними желпо-красными листвами молодого осинника; гладкая поверхность рѣки Волхова по взрывалась имъ и тогда разгнѣванная спихія будто сердилась и клокопала, какъ кипяшокъ, по усмирившіяся волны ея, тихо прикапываясь къ берегу, прижимались къ нему, едва ворочаясь, почно сонныя, по опять разыгрывались буйнымъ разливомъ, опять хлебешали и заливались со спномъ.

Вдругъ брякнулъ Вѣчевый колоколь въ Новгородъ, еще разъ — и залился... Вся окрестность, содрогаясь, заняла опъ звука его. Народъ, заслыша его, вздрогнулъ и повалилъ буйными и неспростными полпами на *Ярославлево Дворище*, кошорое окружала Вѣче, и зашопилась

множесвомъ спѣснившихся гражданъ; рогашки, заслонявшія улицы, разкидывались и прещали опъ напора толпы: ибо это воззваніе огласилось рано поупру и они не были еще раздвинушы Ярышками.

» Чпо за невзгода грозился на насъ бѣдныхъ!« иные восклицали вслухъ, а иные только думали про себя, спѣша достигнуть скорѣе двора Ярославлева, съ кошораго неся вѣщій и пронзительный звукъ колокола Вѣчеваго. Безъ всякаго порядка и благочинія къ сему священному для нихъ мѣсту, бросались нѣкопорые присшупомъ къ ворошамъ и бошали въ нихъ, чѣмъ попало, угрожая выломить ихъ или спибишь каменьями звонаря, ежели ихъ щопчасъ не впусшашъ въ общее собраніе. Нѣсколько караульныхъ, иные съ бердышами, иные съ пищалями, чинно разъѣзжавшіе округъ Двора, были смяшы, а полусонные

Ярышки, мепавшіеся въ изумленіи и хлопошахъ во всѣ стороны съ подняшыми палками своими, были бишы ими же. Наконецъ вороша скрыпнули, народъ еще пѣснѣе прижался къ нимъ, скоро начали онѣ медленно разпворяшья—и онѣ съ шумомъ бросилса въ нихъ но пораженный внезапнымъ видѣніемъ, быспро сорвалъ съ себя шапки и опспупилъ.

Архіепископъ Теофилъ во всемъ облаченіи и съ Живошворящимъ Креспомъ въ рукахъ, сопровождаемый знашнѣйшими Сановниками, Посадниками города и клиросомъ, вдругъ появилса предъ народомъ: »Люди дерзновенные!« сказалъ онъ грозно, »образумшесь! На чпо покушаешесь вы и предъ кѣмъ? Развѣ забыли вы, ослушники богопрошивные, предъ чьимъ лицомъ предспоите? Смиршесь и приложите вниманіе къ грамотѣ, копорую прочшущъ вамъ. Но предваряю васъ, размыслише хорошень-

ко, о чемъ пишеть къ вамъ законный Князь вашъ. Вопшь Намъспникъ его,« говорилъ онъ, показывая на Боярина Федора Давыдовича, бывшаго пущъ жѣ, »прибывшій къ намъ вчера о вечерье. Не посрамите себя предъ нимъ, дайте въ душѣ вашей мѣсто гласу совѣспи и опшвѣчайте ему кропко, чпо внушипъ вамъ разсудокъ. Наспало время рѣшипельное. Опечеспво наше зыблется. Вы сыны его; я паспырь вашъ: мы должны поддержать его, успокоить, изцѣлить язвы, копорья прежде нѣдрились въ самомъ сердцѣ его! Обдумайте, рѣшипесь и преклонимъ колѣна предъ Милосердой заступницей нашей Св. Софіею.»

По поданному опъ него знаку, посадникъ Яковъ Коробъ началъ чипать запросную грамошу Великаго Князя и, когда прочель, народъ ужаснулся и слышался глухо вняшный ропощъ: »Эпо

все Бояре, да Посадники мудряшъ, съекшаюшя съ Москвитянами, одаряюшя и шайкомъ опъ насъ обсылаюшя вѣспыми, да записями!» раздался голосъ въ одной кучкѣ народа.

» За чѣмъ же Вѣче-шо успавлено, какъ не про всѣхъ? Чшо мы черныхъ сошень и слободъ людины, пакъ намъ и не повѣряюшъ умыслы свои. Вопъ опъ бѣлыхъ-шо и замарались. Дѣло вышло на разладъ, пакъ наши же руки и попянушъ жаръ загребашъ!» разнеслись клики изъ дальней шолпы.

» Какъ же не пакъ! Чшо сами заварили, шо пусшъ и разхлебываюшъ сами!» сказалъ кшо-шо.

» Кшо опшрацаешъ лице свое опъ блеска меча вражескаго, пошъ недошпоинъ называшся гражданиномъ Новгорода Великаго!» важно произнесъ Архїепископъ. Но дѣло не о шомъ. Преніе наше должно свершшся во льгошу

опчизны; иначе месць Божія надъ нами!»

»Владыко свяпый!» началъ Тысяцкій Есиповъ, »пы самъ видишь, чпо всю судную влась порабощаешъ себъ Намъспникъ Велико-Княжескій. Когда эпо бывало? Когда Новгородцы клонили выи свои шакъ низменно, какъ шеперь предъ правишелемъ Московскимъ? Когда языкъ нашъ осквернялся доносами ложными, кпо изъ насъ былъ продавцемъ опечесшва своего?—Упадышь?... Казнь Божія свершилась надъ нимъ! Такъ да погибнушь и новые предапели Назарій и Захарій! Мы высшавляли Князю Московскому оскорбишелей его, высшавъ и онъ намъ нашихъ!»

»Въспимо, мы вправъ не шокмо прошашъ, но испребовашъ эпо по договорнымъ грамопамъ!» закричалъ народъ громко.

»Поспойше, выслушайше меня, или

я слагаю шеперь же санъ свой съ себя,«
говоришь Теофиль, возвышая голосъ, за-
глушаемый народнымъ, и когда воцари-
лось уважительное къ нему молчаніе,
онъ началъ опять: »Чьи очи изъ васъ
не зрѣли бѣдспвій уничтоженія и срамо-
шы опечесства, въ недавнемъ времени?
Чей слухъ не былъ раздираемъ воплями
соопечеспвенниковъ — брапій вашихъ?
Чье сердце, содрогаясь, не соболѣзновало
въ пѣ времена пѣжкія? Кровь ваша не
совсѣмъ еще высохла на спѣнахъ крѣ-
поспныхъ и вы, кичливые, опять спа-
новипесь дѣспупны гордоспи, самона-
дѣянноспи и непослушанія; опять дае-
ше пицу мечу вражескому, опять хо-
пипе упоишь жажду его собспвенною
кровью! Проклятъ попъ, кшо непра-
ведную силу не опражаешъ силою, но
вдвое попъ, кшо прошивишся право-
пѣ....«

» Владыко свяпый, да видишь Богъ,
мы неповинны, Ты самъ видишь, — на

насъ налгали. *Новгородская честь, Новгородская душа!* Между нами предатели, Иуды! Эпакъ бы и Липва не поспуни-ла!« закричалъ опяшь народъ.

» Дѣщи мои!« опвѣчалъ крошко и величественно Теофиль, »сознайшесь: чашу горшую должны допишь вы за прошедшую вину свою, ни чѣмъ не искупемую. Не ропщите же и допивайте ее. Презрѣнные наушники злохипряпъ надъ вами: опклоните опъ навѣповъ ихъ слухъ свой, будьте перпѣливы и предайшесь въ руцы Божіи. Мы обоплемся сперва съ Княземъ, обвинимъ предапелей и поклонимся ему; предатели же накажупся собспвеннымъ и грознымъ судомъ совѣспи своей, а опъ насъ да будупъ они преданы анафемъ!... Пойдемше жъ, преклонимше колѣна предъ Пресполомъ Всевышняго: эпо будепъ священнымъ началомъ нашего дѣла!« Сказавъ сіе, онъ снялъ клубукъ

своей, благоговѣнно перекрестился и пошелъ....

» Анаѣема измѣнникамъ!« подхвапиль поржеспвенно клирость.

» Анаѣемѣ, да будущъ преданы анаѣемѣ измѣнники — предапели опечеспва!« подхвапиль еще народъ и, заголоса прокляпие, опсправились всѣ за Духовнымъ Владыкою своимъ.

Карпина спройная и величеспвенная развилась во храмъ Св. Софїи (*), когда благочеспивый Архїепископъ, облаченый въ крещапую ризу (**), съ паспвой

(*) Основанный Княземъ Владимїромъ, сыномъ Ярослава Великаго. Новгородцы особенно уважали ее и восклицали при всѣхъ важныхъ собыпїяхъ своихъ: »съ нами Богъ! умремъ за Св. Софїю.« Эпюпъ храмъ одиный оспался памяпникомъ древняго Новгорода.

(**) Прислан. въ 1352 г. Пепромъ Ондюедемъ Архїепископу Василю. Сей первый изъ Русскаго духовенспва носилъ оную. Въ памошней ризницѣ хранипся еще облаченїе Епископа Никпшы, посохъ, верев и желѣзная лампада. с.м. *Достоѣ. Русскїя.*

своей преклонилъ колѣна предъ алтаремъ и кдирось запѣлъ голосомъ умильпельнымъ молишву: *Царю Небесный...* Окончивъ ее, онъ сказалъ вдохновенно: »Царь Небесный услышишь насъ, когда мы докончимъ благословенное начало; но громъ его не замедлишь разразиться въ прошивныхъ поспупкахъ. Опяшь повшоряю вамъ: будемъ крошки и шерпльивы. Видише ли въ куполъ образъ Спасителя со сжащою десницею вмѣспо благословляющей? »Азъ бо,« въщаль глась писавшему сію икону (*), »въ сей руцъ моей держу Великій Новгородъ; когда же сія рука моя распространится, тогда будетъ и граду ісему окончаніе.«

Распроганный народъ, послѣ сего молился почивающимъ памъ мощамъ: Свяшпелю Никипъ, Печерскому зашворни-

---

(*) Въ Новгородѣ еспъ преданіе, что живописцу, писавшему сію икону, повельно было свыше шакъ изобразить ес.

ку (1), Благовѣрному Князю Владиміру Ярославичу (2) и Свяпой Благовѣрной Княгинѣ Аннѣ, машери его; приложился къ Евангелію писанному Св. Пименомъ (3) и иконамъ Всемилоспиваго Спаса и премудроспи Божіей Пешра и Павла (4); попомъ вышелъ на паперспъ, поклонилса праху Архіерея Іоакима (5) и, освѣженный швердымъ и успокоеннымъ духомъ, вышелъ.

Темная ночь давно уже обволокла природу непроницаемымъ сумракомъ своимъ и мрачно повисла надъ землею; луна, задернушая дождевыми облаками,

-
- (1) Поспавленнаго въ Архіерен Новгородскіе въ 1396 году.
 (2) Конемъ основанъ Софійскій соборъ.
 (3) Смотри Русскія Доспопамяпноспи.
 (4) Присланный Владиміромъ Великимъ изъ Корсуна.
 (5) Который приводилъ Новгородцевъ въ вѣру Хреспіанскую.

не проглядывала и ни одна звёздочка не мелькала вдали; весь небосклонъ былъ въ праурѣ; мершвенная шишина, какъ бы стоворясь съ мракомъ, внѣдрилась въ Новгородъ, кипящій дѣяшельноспію и народомъ; давно уже оковала она жишелей его сномъ безмяшежнымъ, полько изрѣдка въсперъ, какъ бы проснувшись, вспряхивалъ въспвями древъ, шевелилъ спшавными домовъ и опяшь замиралъ....

Вся Никипина улица съ домами, балаганами и лачушқаи своими, попопла во мракъ; полько на концъ ея жмурился огонекъ въ продолговапомъ окошкѣ високаго перема, обращенномъ на дворъ. Теремъ сей былъ опличенъ особеннымъ искусствомъ и красопою въ поспройкѣ опъ прочихъ шеремовъ, и попому прозывался *худнымъ домомъ*. Тесовый заборъ съ зубцами на большое проспраншво округлялъ его, а широкія дощащья вороша, крѣпко запершья огром-

нымъ засовомъ, заграждали входъ на обширный дворъ; за ворѣшами въ караулкѣ своей дремалъ спорожъ, раскачиваясь на лавкѣ, а у ногъ его лежалъ другой, цѣпиной песь, на ночь спущенный на волю. Все эшо было залипо ночьюо шемнопою; пишина ненарушимая царшвенно распроспранила владычеспиво сіе и на эшо мѣспо. Гдѣ-шо вдали глухо раздавалась перекличка пѣшуховъ, бой въ мѣдную доску и завыванье собакъ.

Послышался шелеспгъ шаговъ. Кпо-по прокрался по забору и оспановаясь у калишки, вырубленной въ воропахѣ, опыскалъ проволоку, продѣпую сквозь нее, попянулъ ее шихонько къ себѣ и послышался понкій звукъ колокольчика. Чупскій песь давно уже наспорожилъ уши, рывкнулъ, вскочилъ, подсунулъ рыло въ подворопню и забилъ хвостпомъ о землю, изъясляя ласки свои

кому-по, а спорожъ вспрепенулся и съ языка его попчасть слепѣль привычный вопросъ: »кпо?« — »Свой!« опвѣчалъ ему знакомый голосъ не громко, но грубо, и въ шуже минушу запоръ ошскачилъ опъ калишки, мѣдное кольцо, зашевелясь, зазвучало, и незнакомецъ, кругомъ закушанный, перенесъ ногу свою чрезъ высокій порогъ, оправилъ полы широкаго охабня своего и опяшь грубымъ голосомъ сказалъ спорожу: »шебъ, спарый лѣшій, сидѣшь бы на горохъ, да оппугивашъ воробьевъ! Чпо шакъ рано пришибъ шебя сонъ? Развѣ забылъ пы дожидашься меня?«

»Не во гнѣвъ швоей милоспи, господине: опъ самой боярыни вышелъ наказъ держашъ вороша на заперши!« опвѣчалъ ему спорожъ.

»Повѣсиль бы шебя на нихъ, какъ бышеную кошку, чпобъ пы до зари прободшалъ ногами, какъ Вѣчевый коло-

коль вашъ языкомъ, впередъ и былъ бы послушливѣе мнѣ!» произнесъ угрюмо незнакомецъ, пошелъ къ крыльцу и оспановился, чпо-по раздумывая, а спорожъ между пѣмъ говорилъ:

» За чпо пы серчаешь, бояринъ, и брешишь на меня угрозы? Мы рабы послушливы, эпимъ не кори меня!»

» Цыцъ!» вскричалъ незнакомецъ. » Чпо эпо за огонь въ оконницѣ?»

» Должно бытъ, свѣщецъ гориптъ, али жирникъ; а спашься можешъ, свѣчи пепляшя въ образной боярышниной предъ ликомъ праздничной иконы. Завпра вѣдъ празднесиво Рождеспву Богородицы!»

» Не въ прокъ мнѣ знапъ о празднеспвахъ пвоихъ. Говори, спарый сморчокъ, не укываешся ли кпо у ней? Всъ ли наши собрались?»

» А прахъ ихъ вѣдаешъ! А кромѣ пебя, да Князя Василья Ивановича, я нико-

го не признаю. Вишь ходише вы ночью, какъ шапи немочно....»

» Скажешь ли пы мнѣ, кпо съ ней, или я вызову у шебя языкъ вопъ эпимъ!« говорилъ незнакомецъ, распакнувъ полу и показавъ на кинжалъ, блеснувшій во мракъ серебряной чешуей своей.

» Вопъ сей часъ вымолвлю, бояринъ. Прошелъ къ ней еще о вечери, въ памяпъ ли шебъ попъ чернецъ-шо, чшо рассказываюпъ, гадаешъ по звѣздамъ-шо?... мудреной шакой!... ну чшо боярыня-серчала все на него и прежде не допускала предъ лице свое, а шеперь признала въ немъ боголюбиваго послушника Божія? Въ самомъ дѣлѣ, бояринъ: ужъ куда кропокъ и смиренъ онъ! Наша рабская доля, поклонись ему низменно, а онъ и самъ шакже!«

» Кпо бы эпо?« ворчалъ про себя незнакомецъ, задумавшись. »Да,« произ-

несъ онъ скоро, »эпо Соловецкїй при-
шлецъ, монахъ памошной обипели, все
опшпягиваетъ опъ легковѣрной бабы
льгопы опъ земель ея на свой мона-
спырь. Ну, я выжму жъ его опъ нее;
онъ чпо-по подозришеленъ мнѣ!« гово-
рилъ приближающїйся къ крыльцу не-
знакомецъ.

»Какъ собакъ ужишься съ палкой!
Ты испинно выживешь эпого добраго
чернеца: за шебя заспунишься самъ не-
чиспый!« говорилъ ему пихо въ слѣдъ
спорожъ. Послѣ прибавилъ вздохнувши:
Эпопъ бичъ добродѣтели наушилъ уже
боярышнѣ нашей пакїя мысли, чпо и
вздумашъ не возможно. Ну чпо въ немъ
корыспи? чѣмъ польспипься? чпо смаз-
ливаго найпи въ его воспромъ рылѣ? И
она прочишь его къ себѣ въ мужья! Не
попусти, Господи, напаспи шакой! да
онъ вымучипъ изъ насъ всю жизнь
оспальную! И пакъ Боярыня опспуни-
лась почпи совсѣмъ ужъ опъ Свяпой

церкви, когда спозналась съ эшимъ изувѣромъ.»

Между шѣмъ незнакомецъ для чипашелей и *свой* для хозяйки дома, вѣдая всѣ пупи, ведущія въ ея свѣшлицу, гдѣ она по его мнѣнію всегда укрывалась опшъ зоркихъ глазъ, чшобъ было припоманнѣ держашъ совѣшъ съ соумышленниками своими, перешедъ крыльцо и нѣсколько гридницъ, доспигъ извѣспной ему *наугольной* гридницы, гдѣ на широкомъ дубовомъ сполѣ догорала восковая свѣча въ поченомъ коспяномъ свѣшцѣ и освѣщала передній уголъ съ иконами въ богашыхъ ризахъ. Сія гридница была со сводами и роскошно убрана по погдашнему вкусу; спѣны ея оболочены были алымъ бархашомъ съ раскиданными на немъ серебряными и золопыми звѣздочками, а по угламъ вошкнупы были красивыя, позолоченыя спрѣлы, какъ-бы поддерживая сіи богашыя обои, успилавшія спѣны, копорыя ярко опи-

свѣчивались въ шѣхъ мѣспахъ, на кошорыя опкидывался свѣпъ огня; въ нѣскольکو опдаленномъ мѣспѣ опъ спюда спюяло высокое ложе, задернутое кружевнымъ пологомъ (*), на коемъ лежали пышныя, въ узоръ шипыя шелками изголовья; не далеко опъ него сидѣла, важно разкинувшись на лавкѣ, покрывшій соболями, не молодая женщина; покрывало ея, опороченное бахрамою золопо-шелковою, было не много опущено на лицо и изъ подъ него мѣлькали быспрые глаза, особенно когда она успремляла ихъ повелипельно и съ покровипельспвующимъ видомъ на спюявшаго предъ нею чернеца, скромно пошупившаго взоры свои въ землю и молча перебирающаго чепками. Кропкій но выразипельный взоръ его и внушающій почпеніе видъ, все эпо доказывало въ немъ не проспаго монаха.

(*) Или завѣсомъ.

На лавкѣ сидѣла Марѳа Борецкая, а предъ нею споялъ Св. Зосима, довольно молодой еще Наспояшель Соловецкой обипели.

» Такъ доскажи же мнѣ, опче Зосиме, какимъ случаемъ сдѣлалась извѣспна обипель Соловецкая—и по чымъ слѣдамъ взошелъ пы въ оную?« спросила Марѳа собесѣдника своего.

» Невидимая рука Божія привела меня въ шихое и уединенное приспанище сіе,« опвѣчалъ Св. Зосима, »предмѣспникъ мой, Свяшппель Саввапій, бывшій инокъ Кириллова бѣлозерскаго монаспыря, искалъ пуспыни, гдѣбъ могъ скромнѣе возноспшь молипывы свои къ пресполу Вышняго и безмяшежно кончипь дни свои, пуспившисъ спранспвовашь съ духовнымъ брапомъ своимъ Св. Германомъ, опшыскали шакое мѣспо на дикомъ, уединенномъ, совершенно безлюд-

номъ оспровѣ и поселились на ономъ (*); шамъ выспроили они себѣ убогій шалашъ подѣ мрачными сводами елей, недослупныхъ лучамъ солнечнымъ, а подѣ него часовню, и дожили срокъ жизни своей шихо и благословенно силой небесной.»

»Какъ же шы переслупилъ рубежъ свѣшской жизни?» спросила ошпшь его Мареа.

»Молва и слава о дѣлахъ моего предмѣспника огласилась во всѣхъ концахъ земли Русской, сердце мое закипѣло свѣшымъ рвеніемъ—и я ошвергъ прелесшъ міра, надѣлъ власяницу на шѣлесные оковы свои и посохомъ спранническимъ ошкрылъ себѣ дорогу въ пуспыню Соловецкую, обрѣлъ прахъ предмѣспниковъ моихъ, поклонился имъ — и искра швердосши и непоколебимосши въ моемъ намѣреніи, запавшая мнѣ въ душу, раз-

---

(*) Въ 1422 году.

рослась въ ней и начала управлятьъ всеми поспупками моими. Съ дозволенія покойнаго Архіепископа Новгородскаго Іоны, основаль я храмъ и оградилъ его спѣнами. Люди, чуждые міра, спѣкались ко мнѣ со всехъ споронъ, назвались моими брашїями и охопно понесли со мною креспъ тяжельїй, копорый скоро сдѣлался для насъ легкимъ; скоро все избрали меня Наспояпелемъ, каковое избраніе довершилъ Іона благословеніемъ своимъ и поспавилъ меня въ Игумены (*). Мощи Свяпипеля Саввапія перенесли мы со всемъ благочиніемъ въ обипель, гдѣ почиваюпъ онѣ и доньнѣ. Съ шѣхъ поръ живемъ мы шихо, миролюбиво, согласно и привольно. Грамашою Новгородскою предоспавлено нашей обипели владѣть оспровами Соловецкимъ, Анзерскимъ, Заяцкимъ и другими. Мы, сколько могли, улучшили ее, пипались рыбною ловлею и засѣянными

(*) Въ 1442 году.

опгь нашихъ прудовъ овощами; завели соловарню, провели каналы опгь пополненія и безъ всякой нужды ожидаемъ вѣчноши.»

» И шебъ, опгче свѣпый, не взгруснулось по свѣпгь въ юные годы швои? Не наскучили пруды шяжкіе, каждодневные, ни шогда, ни шеперь?«

» Они-шо и не дали мѣспа скуки въ душгь моей, посвященной Богу и прудолюбю. Тогда я былъ крѣпче шѣломъ, нынѣ духомъ. Опгь молишвы къ прудамъ, опгь прудовъ опяшь къ молишвѣ. Мнѣ нѣкогда было скучашь и крушишь-ся. На душгь было легко, на сердцѣ весело. Въ часы опдохновенія выдешь бывало размыслишь о новой жизни своей, взглянешь на все окружающее себя, начнешь созерцашь искусства Небеснаго Художника—и мысли попонуишь въ красощѣ дивной: въ одномъ мѣспѣ дикое, но прекрасное чарованіе, скуешь шебя; неприспунное положеніе спѣнъ мона-

спырскихъ; высокіе развѣсы елей, пышными шапрами нависшіе, шумно раскачивающіеся надъ ними и запѣняющіе малыя окна наши; въ другомъ, скромный часпоколъ, огораживающій гряды овощей подъ ногами же мрачное море въ копоромъ хлебещупъ волны; глазъ обнимаепъ безконечную, сизую пелену, по чупъ двигающуюся и кипящую сверкающими алмазами при свѣпилъ дня, по широкими валами вздымающуюся высоко и разгрохошавшісь опяпъ уравниющуюся; одна мысль, что находимся на краю земли, опдаленномъ опъ всего міра, возбуждаепъ мысли благовоувѣнныя и высокія, осязашъ въ себѣ какое-по чувспво унылое и сладкое; не радоспъ, не печаль заирадываепся въ душу, а что-по вожденное, выше шого и другаго; и когда въ нѣмомъ воспоргѣ слеза умиленія прольепся изъ глазъ, канепъ на сердце и освѣжипъ его, когда душа зарвепся изъ

плѣнной оболочки своей и запросишься въ міръ чудесъ и свѣта; тогда поймешь его и предъ побой свѣтло опра- зялся: *Вѣра, Надежда и Любовь*, осія- нныя однимъ вѣнцомъ блистательнымъ.»

Молча и благоговѣнно слушала Марѳа вдохновенныя слова свѣтлаго мужа и по- голя не много, распроганнымъ голосомъ сказала: »Да, у кого свѣтлое шепло въ сердцѣ, шому ничего не недоспаептъ; но у кого душа больна«... Болѣе не могла она продолжашъ, навѣсила покрывало свое на все лице, чшобъ онъ не про- чель на немъ движенія сердечныхъ думъ, и замолкла.

» Да, у кого спрадаептъ она свѣтски- ми помыслами, шакъ ее и многимъ не удовлепворишь: эшо бездонный сосудъ, копорого ни чѣмъ никогда не напол- нишь!« опвѣчалъ, понявши ее, Св. Зоси- ма.

» Истинно вѣрую въ слова швой,« на-

чада она ояпшь, успокоившись. »Помнишь ли, праведный опче, когда пы искалъ покровительсва моего опъ обидъ Двинскихъ жипелей? Я владью, близъ спра- ны, побою обишаемой, богашьими села- ми; но опказала шебъ во всякой помо- ци. Теперь совѣспь раскаянїя душишь меня!«

» Человѣку долженспвуеть помнишь одно добро; шебя смушилъ со мною злой искусилель въ образъ невѣрнаго Липвина. Проспи меня, боярыня! Хошь пы чпишь его своимъ суженымъ, но испина руководспвуеть мною и я впо- рично повпоряю успами ея: *отжени отъ себъ врага, удались отъ зла и со- твори благо.*«

Она задумалась, онъ продолжалъ:

» И шогда неправеденъ былъ гнѣвъ швой. Вспомни, сколько щедропъ своихъ излилъ на шебя законный Князь швой: всё имущесство швое, злапо, серебро,

каменья дорогіе и узорочья всякія, поселя совсѣми землями и угодыми оспались сохранены опъ алчбы меча вражескаго; жизнь швоя, бывшая подлѣ смерти, искупилась ни чѣмъ инымъ, какъ неподкупною милоспію Великаго Князя Московскаго. Сверхъ всего того, сынъ швой Исаакъ ~~также~~ не обойденъ ею и пожалованъ знашнымъ шишломъ Боярина Московскаго. Чего же не доспавало ненасышности швоей?»

Глаза Марѣи заблнспали; замѣшно было, что напоминовение о прошедшемъ пронуло чувствительнѣйшее мѣсто въ сердцѣ ея. »Но гдѣжъ сынъ мой?» вскричала она голосомъ оправданія; »гдѣжъ жалованный бояринъ мой? Подъ чернымъ рубищемъ монаха Муромскаго, бышь можетъ, скипаепся онъ безпріюшно и особенно испрашиваепъ милоспнню на пропипаніе насущное, или подъ сѣкирою палача Московскаго встрѣчаепъ ужъ часъ смершнй! Эшо ли милоспъ

злоказненная?« продолжала она, возвыся голосъ. »Я призвала себя и одарила богато, чшобъ посовѣшовахся, какъ опврашипъ общую напасшь, грозящуюся налегнушь шеперь на весь Новгородъ; а шпы, извлекая опъ дремошпы ненависть мою къ мучительницѣ, шпранкѣ Москвѣ, заспапляешь еще каяхся за шо, чпо я люблю опечеспво свое и не мѣняю его на пресмыканіе предъ гонилемъ сына моего, меня самой, родины! Нѣшъ, Марѣа не унизипся, не посрамишь себя!«

»Многое сказалъ бы я прошивное словамъ швоимъ,« прервалъ ее Св. Зосима; »но шпы, несомнѣнно, слышала уже слова Владыки нашего Теофила, а мнѣ оспаѣтпса шолько домолвишь. Я прозрѣваю цѣль швою, меня не спупаюшъ козни любимца швоего Болеслава Звершеновскаго. Вы хопипе власпвовахъ, дерзновенные! но помнипе: кпо чѣмъ выше споишъ, шѣмъ паденіе шого со-

вершаеяся скорѣе и жеспочае! Любовь всякая, какъ и швоя къ родинѣ, бываешъ часпо слѣпою. Если шы не желашъ видѣшь свѣша испины; шо опшупи меня,—я болѣе не нуженъ шебѣ, и дары свои оспавъ при себѣ: они пняжелы, не въ мочъ силамъ моимъ.»

» Тебя любишь народъ. Какъ молишвы швои доступны слуху Вышняго, пакъ и увѣщанія на подвиги бранные воспаменяють сердце каждаго Новгородца прошивъ враговъ опчизны,« начала было умилоспивляшь его Марса....

» Я не вижу ихъ!« сказалъ равнодушно собесѣдникъ ея, вспавая съ своего мѣсна.

» Такъ благослови же хопъ меня на эшо!« выговорила съ примѣшною досадою, огорченная Марса, поспѣшно вскочивъ.

» Опшынѣ и до вѣка благословляю и заклинаю шебя именовъ Вездѣсущаго Свидѣшеля всѣхъ дѣлъ и помышлений

нашихъ, и всѣми Святыми угодниками Новгородскими и Машерью Заспунницею .нашею Св. Софією, шолько на добрыя дѣла!» произнесъ важнымъ голосомъ Св. Зосима—и вышелъ, не обращая болѣе вниманія на просьбы и моленія ея.

»Гордый монахъ!» сказала она, нахмуренно смошря въ слѣдъ ему и, углубившись еще болѣе въ размышленія свои, молча начала ходишь по свѣплицѣ.

ГЛАВА V.

НОВОЕ ЛИЦО ВЪ ВЕСЕДѢ МАРФЫ. РОКОВОЕ ИЗВѢСТІЕ
ДЛЯ НЕЕ. КЛЯТВЫ МЩЕНІЯ. ЗВУКЪ КОЛОКОЛА. СО-
БРАНІЕ ЗАГОВОРЩИКОВЪ, ТОЛКИ ИХЪ, УСЛОВІЯ И РАЗ-
СТАВАНІЕ. МАРФА ОДНА; ОТЧАЯНІЕ, УЖАСЪ И ИЗУМЛЕ-
НІЕ ЕЯ. НЕЧАЯННЫЙ ПОСѢТІТЕЛЬ КСТАТИ.

Лукавый бѣсъ опасенъ.

Жуковский.

Былъ дикъ огонь ея очей;
Но сердце кровью обливая,
Ея улыбка роковая
Огня ихъ дикаго спрашивай.

..

Шаги Св. Зосима издавали еще звукъ
въ узкихъ сѣняхъ по чугунному полу,
какъ Болеславъ Звершеневскій, выслу-
шавъ конецъ бесѣды его съ Марфою,
блеснулъ коропкимъ полукафшаньемъ

своимъ, шипымъ золошыми голунами, и лезвиемъ кривой Польской сабли, взошедъ въ прошивуположную дверь его выхода.

» Еще здравспвуй, Боярыня!« сказалъ онъ мрачно, но почшпшельно и низменно поклонясь Маревъ съ примъшнымъ видомъ неудовольспвія.

» А, эпо пы, Пань!« сказала она ласково, но на лицъ ея не проспыли еще слъды душевнаго расспройспва и примъшно было задушенное движеніе ея. »Ну чпо новаго? Я давно поджидаю тебя!«

» Свъптъ нашъ соспарълся: чпо же искашь въ немъ новаго?« опивчалъ коропко Звершеновскій.

» Ночь уже очернила его, шеперь онъ не бълмй, а во мракъ и въ шеперешнихъ случаяхъ, по моему мнѣнію, новоспямъ урожай,« произнесла значительнo Мареа, садясь.

» Ты, Боярыня, сама была окружена чернопою эпо время, опъ копорой не заспѣнилъ шебя и свѣпъ, а во мракѣ и новоспи мрачныя; не спрашивай же о нихъ!«

Какъ бы несовершенно понимая, на кого онъ мѣшилъ, она забопливо спросила его: »Чшо замышляешь пы сказашъ мнѣ? Ну, прорицай, зловѣщій! Или худой оборопъ приняли дѣла наши, или мало на нашей споронѣ людей? Возьми все золопо мое, закидай онымъ народъ, вели опъ моего имени выкашипъ для него изъ подваловъ вино, медъ. Чего же еще? Не измѣнилъ ли кпо?«

» Никпо, все идепъ къ лучшему,« опвѣчалъ спокойно Зверпеневскій, садясь возлѣ нея по данному знаку.

» О чемъ же пы вспосковался, шакъ навѣсилъ брови и напасмурилъ лице свое?«

» Не духъ ли сына швоего Феодора до меня являлся проспипъся съ шобой?«

» Нѣтъ, эпо былъ чшимый Зосима, мужъ разумный; но... нѣсколько... чшобъ сказаць о немъ?... «

» Не до него дѣло, « произнесъ съ досадою Звершеновскій. » Ты давно не видала своего сына? «

» Съ тѣхъ поръ, какъ шираны Московскіе выволокли его на цѣпяхъ изъ родныхъ стѣнъ и принудили поспричься въ Муромѣ, щещно подкупала я милосѣ вожашихъ его, брызгала золопомъ, какъ водой: его не выпустили изъ започенія и нынѣ не дозволили имѣть при себѣ моихъ сокровищъ для продовольствія шяжкой иноческой жизни. Но къ чему запросъ швой? Нѣтъ ли о немъ какой вѣспочки?... « проговорила она съ шрепешомъ послѣднія слова.

» Боярыня! « сказалъ громко Звершеновскій, вскочивъ, » будь шверда! Ты нужна опечешву. Забуди, чшо ты жена... докончи шакъ, какъ начала. Твой

сынъ уже не Бояринъ Московскій, не Посадникъ Новгородскій и не инокъ Муромскій, не власяница черная и вериги тяжелья жмупъ его пѣло.... а саванъ бѣлый, гробъ дощашый — его домовище.»

» Какъ.... онъ!...«

» Да, его домучили. Нынѣ узналъ я объ эпомъ досповѣрно. Эпа вѣспъ свѣжа, полько чпо проспыла на языкъ Муромца, очевидца боренія его съ смертію.... Но будь же шверда.... Теперь сугубая мепть должна....«

Трудно описать нѣмое выраженіе Марѣы при эпомъ извѣспіи: лице ея не опечалилось, взоры не омрачились и ни одно слово не вырвалось изъ полуопверспыхъ успъ, кромѣ глухаго звука, копорый пошчасъ же замеръ въ ней. Молча, разширивъ и успремя быспрые глаза свои на Звершеновскаго, она, кажешся, выманивала опъ него еще по-

впоренія слова: *мечь*. Видно было, что она спрадала, на лицѣ ея опразилась насильспвенная и судорожная усмѣшка, означающая вполнѣ пятгоспъ ея соспоянїя; но ее глодали змѣи досады, а не крошкое сожалѣнїе. Звершеновскїй съ радоспною злобою пожиралъ глазами своими положенїе ея и молча, вынявъ изъ ноженъ своихъ саблю, подаль ей съ одобрипельнымъ видомъ.

» Спало бышь, пы поняль меня?« произнесла она хрипло и списнувъ зубы.

Онъ кивнулъ ей головою и, сложа руки, дожидался чего-то, глядя на нее.

» Клянусь осприемъ эпой сабли, клянусь кровью, прахомъ сына моего, я изнурю себя, все имущеспво свое; но уязвлю гордыню Князя Московскаго подъ спѣнами Новгорода, или пуспъ погибну я подъ ножами клеврешовъ его!« произнесла важ-

но Марea, размахивая саблею, и глаза ея блиспали, какъ спаль, копорую она держала въ рукахъ своихъ и чувспво сладоспной меспи разлилось въ душѣ ея и опсприлось румянцемъ на лицѣ.

Радоспная злоба, кипѣвшая въ сердцѣ хипраго Поляка и опспвѣпившаяся въ сверканіи глазъ, шершавая голова его и смуглое лице, опспѣненное длинными усами, предспавляли его самимъ врагомъ и испкуспшелемъ человѣчеспва, копорый принимаесп исповѣдь соблазненной имъ жерспвы и не можесп скрысп удовольспвія своего. »Черезъ мое пѣло перешагнусп на тебѣя враги, Боярыня!« сказалъ онъ грозно; »а дорого имъ будесп выпорговашъ побѣду надъ пониженіемъ моимъ.«

»А ежели она будесп на нашей споронѣ?« спросила Марea съ несперпѣніемъ.

»Тогда гуляй мечи на смерпномъ раздольѣ! Весь Новгородъ запопимъ враже-

скою кровью, всѣхъ непріязненныхъ намъ людей на поваль; а если захватимъ Назарія, да живьемъ еще, я выдавлю изъ него жизнь по капелькѣ. Много мѣшалъ онъ мнѣ, да и шебѣ, бывало, ни на Вѣчѣ, ни на встрѣчѣ шапки не ломалъ. А Захарія посадимъ верхомъ на колъ и закинемъ въ припонъ его—Москву. Нужды нѣтъ, что эшопъ жирный быкъ не бодается, а намъ его не по что шерпѣшь здѣсь.»

» А послѣ?« начала Марѳа съ воспоргомъ.—»А послѣ?« прервалъ ея опять Зверушенинъ, »послѣ шебѣ въ руки булаву правленія, и поворачивая ея, начинай смѣлѣе задѣвать, да шормошишь дерзкими. Казимиръ швоя правая, а я лѣвая рука.«

Глуховняшный звукъ, похожій на смѣхъ люпоспи, въ другой разъ вылетѣлъ изъ шрепещущихъ опъ неистовства успѣ Марѳы, »Ты... шь...« произносила она,

спяжко перевода духъ, »пы будешь моимъ, я своею: жизнью и смерщию подѣлимся поровну...«

Вдругъ въ древнемъ Херсонскомъ Монастырѣ на Хушынѣ занялъ колоколъ, брякнулъ нѣсколько разъ и опяшь замолкъ; только въперъ, разнося дождевыя капли, спучавшія по окнамъ, гудѣлъ, какъ труба—въспница чего-то недобраго.

Злоумышленники вздрогнули и переглянулись значипельно.

»Чтобы это означало?« сказала почпи шопопомъ опъ ужаса Мареа. »Въ глухую полунощъ кто можетъ взойти на колокольню звонить? Кажется, намъ не слышалось?«

»Нѣтъ, это, должно быть, въперъ шевельнулъ колоколами,« говорилъ Звершеновскій распановиспо, смѣшавшись и вслушиваясь. »Вошь опяшь спало пихо.«

» Однако эпо чпо-шо не даромъ; жупко мнѣ! Ужь не бунпѣ ли запѣваеця? Кажеця, рано. Не предускорилъ ли насъ кпо нибудь?«

Когда Марѳа кончила слова сіи, воропа ея заскрыпѣли, собака рывкнула и слышались голоса входящихъ людей и звуки шаговъ. Опдаливъ опѣ окончины свѣпецъ, она спала всмапривапъся въ нее и примѣпила движущіяся фигуры на дворѣ своемъ.

» Бабушка-мапушка! меня уже спѣнь обуялъ; не снился чпо-шо; да и грѣзы-шо пакія спрашныя привидѣлись: буд-шо пы...« заговорилъ было сквозь слезы и препенца всѣмъ шѣломъ вбѣжавшій десятилѣтній внукъ ея, сынъ ея сына Федора Исакова.

» Чпо пы, Васюша, чего испужался?« прервала его Марѳа, лаская. »Чпо такое привидѣлось шѣбѣ?«

» Да вопшь, будшо пыи и эпопшь господинъ хвапаше мене пакими мохнапыми руками и хопише спащипшь съ собою въ яму, опкуда слышался голосъ опца моего пакой слезной, и будшо онъ, сидя на спрѣлахъ, манилъ меня къ себѣ. Кровь изъ него ручьемъ хлещеть, а глаза-по закапились. Мнѣ не хопѣлось прыгнушь шуда къ нему; но вопшь эпопшь Господинъ будшо пакъ ярко взглянулъ на меня, чпо я и не вспомнился, сошворилъ креспное знаменіе, зажмурился, прыгнулъ, вскрикнулъ и проснулся. Округъ меня пакъ темно и, кажись, наяву предспавился мнѣ опяшь опецъ, взглянулъ жалобно, но свѣплыми глазами въ шемнопѣ, а сюда къ вамъ погрозился и пропаль. Я хопѣлъ выговорить молишву; силюсь, да не смогу. Тупъ оглушилъ меня колокольчикъ какой-по.... а опецъ мой давно уже грѣзился мнѣ.»

» Полно, полно, позабавься, да полкамышь госпинцами, и все пройдепъ!»

говорила Марѳа робкимъ голосомъ, ушѣ-
шая его и подводя къ сполу, на копо-
рый насыпала изъ коробки ему всякихъ
сластей.

» Должно бышь, эпо наши спучапъ
по сѣнямъ, а по бы рабы швои оспа-
новили незваныхъ госпей,« сказалъ радо-
спно Звершеновскій, приходя въ себя и
замѣпно ободрясь.

Прочіе заговорщики, единомышленни-
ки ихъ, скоро вошли въ совѣпную ко-
мнату. Ихъ было пѣпнадцапъ человекъ,
а именно: самъ *Тысячкой* Есиповъ (1),
сшепенный Посадникъ Оома (2), Посад-
никъ Кирилль, главный купеческій Спа-
роспа *Славянскаго конца* (3), Марка

- (1) Тысяцкій былъ одинъ во всемъ княженіи; онъ
наблюдалъ за Посадниками и Боярами.
(2) Избранный вмѣсто Ананьиша, копорого запо-
чиль Великій Князь Іоаннь въ шемницу вмѣ-
спѣ съ Оедоромъ Борецкимъ.
(3) Купечество у Новгородцевъ раздѣлялось на
пѣпъ концевъ; къ каждому концу приваде-

Памфильевъ изъ жишыхъ (1) людей: Григорій Кипріяновъ, Юрій Репеховъ и проч. Спароспы другихъ концовъ: *Неровскаго, Горганскаго, Загородскаго и Плотинскаго* (2), нѣкопорые заживочные и чшимые въ Новгородѣ купцы, *гости* и *именитые* (3), наконецъ почши шакая же знашная и богашая вдова, какъ и Марѳа, Наспасья Иванова, копорая хваспалась, чпо Великій Князь Іоаннъ, въ

жали улицы, изъ копорыхъ всякая имѣла своего спароспу, копорый, подобно Полицмейсперу, долженъ былъ наблюдать порядокъ и о всемъ доносить главному Спароспѣ или Боярину.

- 1) Или обыващелей, непремѣнныхъ живелей.
- (2) Такимъ же образомъ и принадлежавшій городу деревни раздѣлялись на пять округовъ, или по новому нарѣчю: *пятишь*.
- (3) По различю достоинствъ, Новгородское купечество раздѣлялось еще на чепыре класса: на *гостей, именитыхъ, ремесленниковъ* и *смердовъ*. Знашнѣйшше сущъ *гости*. Званіе сіе въ Россіи извѣсно съ самаго основанія Монархін: ибо объ нихъ упоминается не только въ Русской

бышность свою въ Новгородъ (*), ни у кого шакъ роскошно угощенъ не былъ, какъ у нее.

Когда общіе поклоны, восклицанія радости и привѣшливыя слова окончились и широкія лавки замѣспились ожидаемыми посѣпителами, Марѳа обрапила рѣчь свою къ дѣлу.

Правдѣ, но и въ договорахъ, заключенныхъ Великими Князьями Олегомъ и Игоремъ съ Греками и, посвидѣпельспву Тапищева, началось въ Новгородѣ. По его мнѣнію названіе: *гости*, происходитъ отъ того, что сіи люди ѣзжали порговать за море, какъ бы въ гости. Въ гости жалованы были за распросираненіе и улучшеніе порговли. Въ Москвѣ купечество раздѣлялось иначе, а именно: на *гостинную сотню большой, средней и меньшей* спашь, на *посадскихъ, пятыхъ средней и меньшей* спашь. Мѣспо, гдѣ они складывали повары свои, и до сихъ поръ называется *гостиннымъ дворомъ*. Они продавали повары свои оппомъ, гудами и шпучами, а не въ розницу.

- (*) Въ 1475 году, когда онъ ѣздитъ въ Новгородъ съ избранною дружиною мириться и судить гражданъ его.

» Чшо, велемудрый Бояринъ,« спросила она, опносясь къ Тысяцкому Есипову, »соглашаешся ли съ нами народъ? На нашей ли улицѣ праздникъ?»

» Покамѣспѣ будень, буднишний праздникъ, Боярыня, на нашей улицѣ; вопѣ чшо окажется завпра. Золопо, серебро и вино дѣйспвуютъ; въ хмѣльномъ разгулѣ народъ побушеваль, пополокся на площади, да разшелся по домамъ,« опвѣчалъ Есиповъ.»

» Теперь надобно дѣйспвовапѣ словами. Вонъ Теофиль какъ опѣшилъ его велерѣчемъ своимъ, пали всѣ ницѣ предъ нимъ и замолили объ оппущеніи вины своей!« сказалъ посадникъ Тома.

» Да, онѣ все и дѣло-шо наспроилъ на свой ладъ,« примолвилъ Марка Памфильевъ.

» Бочка меду, да ложка дегню, красно на успахѣ, черно въ душѣ у него, пакъ

и всѣмъ будетъ: сладко во ршу, горько на сердцѣ опрыгнешся!» сказалъ Звершеновскій.

» Я сама завпра явлюсь предъ народомъ. Онъ еще помнишь меня и поминаешъ.... начала Марса.... »Прокляшiemъ,« перервала ее Наспасья. »Я сама слышала ономясь, какъ поносили шебя, Боярыня, кляли, зазорили шого, кпо послушаешъ швоихъ навѣшовъ, и обѣщались вымеспи пѣломъ клеверешника швоего Софійскую площадь, когда онъ покажешся предъ него....«

» Слова безъ дѣлъ, какъ лукъ безъ спрѣлъ, еспъ ваше же Русское присловье!« сказалъ, обидясь Звершеновскій. »Таковы Новгородцы; а какъ услышашъ, чпо земляки мои нагоповѣ мепнушся на Москвилянъ, шакъ заговоряшъ другое. Они, какъ рыбы, въ худую погоду ищущъ глуби, а въ ясную любяшъ поиграть на солнышкѣ.«

» Неопмѣнно надобно огласить впередъ, что Сигизмундъ споишь за насъ и рать его уже высупила съ огнемешами и съ гуспымъ лѣсомъ копій и спрѣль,« молвила Марѳа.

» Да, ихъ, вашу брагю, Новгородскій народъ не спалъ шерпѣть за обманы и называешъ *гелядинцами*; *голой Литвой*, *блудливыми кошками* и *трусливыми зайцами!*« сказалъ одинъ изъ спароспѣ.

» Небось, на нашей споронѣ еще много людиновъ, а золопо, ласковыя слова и обѣщанія перепянутъ хопь кого. Завпра опвѣдаемъ счастья новыми посулами, подмажемъ колесо дѣлъ нашихъ и поидетъ все ходчѣ!« произнесъ весело Звершеновскій, ударивъ въ ладоши.

Такимъ образомъ между долгими разговорами и совѣщаніями пошла попойка и закуски. Звершеновскій, съѣвъ конецъ сладкаго пирога и оросивъ его

крѣпкимъ Русскимъ медомъ, воскликнулъ первый: »Многолѣпіе шебѣ, Марѣа Борецкая, нынѣшняя Боярыня и будущая Княгиня Новгородская!...«

» Многолѣпіе, многолѣпіе!...« поддержали его многіе голоса, и гордая жена съ важностію начала раскланываться на всѣ спороны.

Вдругъ ударилъ колоколь, другой—и благовѣстгь раздался по всему городу.

Всѣ вспряхнулись, какъ вороны, почувъ кровь, думая, что это приглашеніе на бунтъ и убійства; но опомнились и Тысяцкій Есиповъ сказалъ: »Чу.... ушпрени.... пора по домамъ.«

» Насъ давеча изумилъ еще дальній колоколь, о самую полуночь; шакъ завылъ, что мы, шедши къ шебѣ, Боярыня, инда пригнулись къ землѣ!« сказалъ одинъ изъ гостей.

**» Да, сильна непогода! На Софійскомъ хра-
Часть II**

мѣ, говорящъ, сломало бурю крестъ (*),«
сказалъ другой.

» Ужь ли?« вскричалъ прешій.« Ахъ,
братцы, что-то сердце въщуетъ, что
это не къ добру!«

» Ты бы сидѣлъ между бабъ и по-
чилъ имъ вершена, когда, ничего не
видя, начинаешь уже пряспись лиспомъ
осиновымъ,« возразилъ ему Звершенов-
скій.

Всѣ засмѣялись, одни волею, а
иные прошивъ воли, угождая другимъ;
но Марѳа ободрительно произнесла:

» Горожане! братіе! время наспу-
паешъ; опнынѣ я забываю, что роди-
лась женой; прочь эти волосы, чпобъ
они не напоминали мнѣ эшаго; глава
моя проситъ шлема, а рука меча; окуй-
те шѣло мое браннымъ доспѣхомъ и

(*) Что колокола издавали сами собою звукъ и
сильною бурю сломало крестъ на Соф. церкви,
о томъ см. въ Исп. Карамз. Т. VI.

если я на шагъ опшпуплю опъ кляп-
венныхъ словъ моихъ — залейте меня
живую волнами рѣки Волхова: земли я
не спою!...»

» И мы — и мы — поже!« подхвашили
другіе. »Завтра посступимъ по общему
условію! упро вечера мудренѣе!« гласили
всѣ, расходясь.

» Каковъ-то завтра проглянешъ день!
Чпо-то пемно! Ужь не вѣчныя ли су-
мерки ниспадутъ на насъ!« думали роб-
кіе, и скоро *худный домъ* Марѣы опу-
спѣлъ и замолкъ, какъ могила.

На одномъ концѣ спола, накрыпаго
длинною полоспью сукна, споялъ ноч-
никъ: огонь препепно разливалъ пуск-
лое сіяніе свое по обширной гридницѣ;
на другомъ концѣ его сидѣла Марѣа, за-
думчиво облокопясь на него; высоко
воздымалась грудь ея, припаившая въ
себѣ чувспва мрачныя и смѣшанныя. Пе-
чаль, ненависпъ, злоба, сожалѣніе о сы-
нѣ и миценіе попеременно полпились

*

въ душѣ ея. Напрасно спаралась вы-
жашь она хопя одну слезу облегченія
изъ глазъ своихъ; они смошрѣли ди-
ко и сверкали огнемъ неисповѣсхва.—
»И пакъ, опнынѣ и я не жена!—Прочъ же
эши уборы!» вскричала она, сорвала по-
крывало съ головы своей и двѣ длин-
ныя косы, чернѣе крыль ворона, обви-
вавшія ея какъ змѣи, развились и ска-
шились на плеча волнами.

Когда спрасши ея на нѣсколько вре-
мени уснули, предспавилсѣ ей Св. Зоси-
ма, съ кропкымъ и вмѣсплѣ укоряю-
щимъ видомъ. Тогда съ сердца ея ска-
шиласъ глыба спраданий, на душѣ оп-
легло и слеза умиленія съ какимъ-пю
сладоспнымъ ошущеніемъ пробиласъ
изъ глазъ ея. Долго была она покойна;
но вдругъ полоса сабли, свѣспящаяся на
спѣнѣ, копорая была оспавлена Звер-
шеневскимъ вмѣспю залюга кляшвѣ и ме-
спши, пробудила кипящія чувспва ея.
»Злюго человекѣка нѣшъ, но духъ его со

мною!» подумала она и невольно преда-
лась первому влеченію.... Такъ пушникъ,
шолько чшо избѣгнувшій опть бури,
любуешся - на лазурныя долины неба,
разсвѣченныя солнечными лучами, и не
чаянно обращаясь въ другую спорону,
видишь опяшь очутившіяся пучи, и
опяшь содрогаешся.... Мечпа о сынѣ
внѣдрилась опяшь въ душу ея и опяшь
одѣла ее чернымъ ужасомъ опчаянія.

» Замогильная жизнь пошечна!» ска-
зала она. »Ни онъ, ни я, не прозримъ
другъ на друга... Уже ли и духъ его не
навѣспилъ меня, мапъ безчадную?....«
Вдругъ чшо-шо завозилось въ дверяхъ,
глаза ея вонзились въ нихъ съ шреде-
помъ и вспрѣпили невысокое суще-
ство, закушанное въ широкій охобень;
все лице его было скрышо, шолько свѣ-
пились кошачьи глаза.

»Кію шы? какъ зашелъ сюда?« спро-
сила она его пренецуцимъ голосомъ.

» Низменный рабъ швой, Боярыня, посланный опъ двухъ пословъ къ милоспи швоей. Одинъ изъ нихъ далеко, не увидишь, не достанешь его опсюда—это Князь Московскій, бывшій мой Господинъ; а другой, что въ головѣ и душѣ у шебя поспомяльцемъ находитися—Панъ Звершеновскій. Первой прислалъ шебѣ поклонъ; ему, видишь, хочешся, чпобъ пы опкланялась ему шакъ, чпобъ голова швоя скапилась съ плечъ; а другой меня самаго прислалъ вопъ съ эшимъ, чпобъ пы скорѣй признала новаго слугу своего,« говорилъ онъ, подавая ей ножны опъ сабли Звершеновскаго. »Съ нимъ я вспрѣлся въ воропахъ швоихъ; онъ-шо призналъ меня; ужъ мы и спакались о всемъ. Полюби меня, Боярыня, и приюпи. Мнѣ не много мѣспа надобно: я усшавлюсь у шебя на ладонкѣ, а пригожусь шебѣ во многомъ: у меня на каждомъ волоскѣ еспъ уши, да глаза, шолько корми меня раз-

золоченными кусочками,« опшвѣчалъ неизвѣспный.

Съ удивленіемъ слушала его Марѳа. Ножны были почно Звершановскаго, сабля почь въ почь приплась по нихъ, спало бышь, онъ нужный членъ для ея общеспва; къ пому же изъ Москвы — все эшо завлекло сильно ее любопытство и расположило къ нему. »Но кпо шы? и почемужь измѣняешъ Князю своему?« спросила его Марѳа.

»Я добавочекъ къ пвоимъ слугамъ, щенокъ къ пвоимъ.... да, я почно щенокъ: не люблю, гдѣ плохо кормяптъ, да на цѣль сажаюптъ: ~~когда~~ залаю и на хозяина, а кпо меня приголубишь, за шого и зубы мои или зубенки, а шебѣ вѣдомо самой, не всюду пройдептъ мечъ, да копье; въ ино мѣспо понадобится и игла!« говорилъ неизвѣспный съ значительнымъ наклоненіемъ головы.

»Хорошо, я оспавлю шебя и награжу, коли вѣрю будешъ служишь... Да

что-то голосъ пвой, мнѣ кажется, не въ первые приходился слушать!» говорила Марѳа.

» А вопъ я скину съ себя эту кожурину, всмотрись-ка въ меня хорошенько и спроси у памяти: кто я шакъвъ?» отвѣчалъ онъ, распахиваясь.

» Богашырка!» вскричала Марѳа съ изумленіемъ и веселою улыбкою.

» Теперь, здѣсь, у васъ-то я цѣлой богашырь!» сказалъ онъ, пропѣлъ по пѣ-пушиному и перевернувшись нѣсколь-ко разъ на одной ногѣ, подперся само-довольно.

ГЛАВА VI.

ПЕРВАЯ СЦЕНА: ПЛОЩАДЬ ЯРОСЛАВЛЕВА ДВОРИЦА.
ВТОРАЯ: ТОЛКИ НАРОДНЫЕ. КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКИЙ-
ГРЕБЕНКА. ТРЕТЬЯ: РАЗСКАЗЫ СТАРАГО МОЛОДЦА. —
ЧУРЧИЛА. — ЗАГОВОРЪ.

Съдинамъ и лѣшамъ покоренъ смершій.
Онъ давносшь почипаешъ наровнѣ
Съ свяшинею....

Шиллеръ, смерть Валлинтп.

Багровыя знамена зари развидишь и
бросили красноватый опблескъ на зем-
лю; погода была переменчива; порою
въперъ размешывалъ облака и выказы-
валъ ликъ солнца, шо опяшь насцилалъ
на него шучи, чернымъ саваномъ ви-
снущія надъ Новгородомъ; Въчевой ко-
локоль разлился опяшь на дворъ Яро-

славдемъ и огласилъ всѣхъ жипелей пронзипельнымъ звукомъ своимъ. Народъ, шолько чшо успокоенный на канунъ опцемъ Теофиломъ, не зналъ, какъ разгадашь причины новаго призыва на общеспвенный совѣтъ; всѣ улицы заволновались и ропопный шумъ голосовъ сливался все громче и громче на Софійской площади.

Между нескромными полпами вольницы, опмѣчивался невысокій, но плотный и пожилый мужчина въ Крымскомъ шулупѣ, перешпанушый широкою суконною кромкою; его полное и сумрачное лице, круглый подбородокъ, опороченный окладиспой бородой, и мѣрные шаги внушали къ нему невольное почтение и опкровенность; другой, шедшій за нимъ, сухощавый, съ быспрыми, сѣрыми глазами и съ опспроконечной рыжей бородой, похожій фигуурою своею на ижицу, наспигъ его и спросилъ:

» Чшо, землякъ—не знаю имени и опечесыва пвоего—почшо насъ еще скликають, не вѣдаешь ли?«

» Богъ вѣспь! про шо Бояре вѣдаютъ,« опвѣчалъ шолспый мужикъ.

» А чшо швоя честь какой спашьи и промысла — осмѣливаюсь спрошашь,—и какъ шы прозываешься?»

» Да былъ купчина Никипиной улицы,—шамъ у меня и балаганъ съ мѣлкимъ шоваришкомъ разкинушъ; прозываюсь же Пешрь Симоновъ. А швоя милосшь здѣшній?«

» Какъ же, и мы здѣшніе; шакже зывалися чадами Св. Софїи,« сказалъ сухощавый, перекреспясь. »Да вѣдь Новгородъ широкъ,—гуляешь по немъ, какъ рыба по морю; съ кѣмъ и сполкнешься порой, да вѣдь всѣхъ не запомнишь; если обойши всѣ закаулжи, да угодя его, шакъ проживешь цѣлую чешвершь жизни. Да почшожь шы шакъ призадумался, прїяпель?«

» Вѣдь ты самъ видишь: не пиръ пировашь идемъ мы, по неволѣ дума западесть на сердце!«

» Разпоскуемъ же ее вмѣспѣ. Да правду машку сказашь, о чемъ крушинишься? Новгородъ чванился, вишь не хочешъ признашь Московскаго Князя безошчепнымъ владыкою своимъ, а намъ чпо за дѣло? Наспоишгъ онъ на своемъ, шакъ и слава Вышнему! Мы скажемъ: чпо за невидаль чужакъ! у насъ свои законы!«

Толспый купчина Пепръ Симоновъ посмопрѣлъ недовѣрчиво на разкащика, а шопъ продолжалъ:

» Ярославъ Великій, вѣчная ему памяшь! оградилъ свою опчину и спѣнами и сынами, въ обиду ее не давалъ, да и намъ поже заповѣдалъ. Разсказываютъ: опяшь Липва пропягиваетъ руки на Москвилянъ; да доспанешъ ли? развѣ мы подсобимъ? не вправду ли?«

»Ты знашь какой нибудь перерожденный *подьякй съ приписью* (*) спало бышь кривосудъ, убъжавшій изъ подъ кнуша, да на другой напрашиваешься; али изъ *сыскнова приказа* (**) піввица чернильная, чшо вывъдываешь меня и произносишь пакія словеса? Вижу, брашъ, пы снаружи-то сѣрякъ, а снупри чѣмъ подбишь, дѣло шемное!»

»Шапки долой, шапки долой! Князь ѣдешь на Вѣче!» закричали Ярыжки и пѣмъ перервали разговоръ новыхъ знакомыхъ.

»Пожалуй, хопъ съ головой!» говорили нѣкопорые удалцы, сшибая шапки

(*) Подьяки или помощники Дьяковъ (Секретарей), управлявшие повѣстьями, сочиняли исходящія, какъ то: грамоты, указы, памяши, на которыхъ при концѣ подписывались: *справиль и марткль*. Какъ справа подьяческая сперва называлась *приписью*, то опъ сего и произонили *подьякй съ приписью*.

(**) *Сыскной Приказъ*, или *тежнике*, гдѣ судили преспушниковъ.

съ Ярыжекъ и просовываясь скорѣй въ шолпу, опъ преслѣдованія суковапыхъ палокъ ихъ.

Князь Василій Шуйскій-Гребенка показался въ колымагъ своей, выѣзжающій изъ Славковой улицы; народъ, любившій сего Воеводу своего, хопя онъ несчастливо защищаль его опъ Іоанна, раздвинулся и Вельможа Новгородскій пошчасъ снялъ горлапную шапку свою съ золопою киспью и съ парчевымъ исподомъ и привѣпливо опкланивался народу.

»Опецъ шы напъ! разрѣши наши думы: кому вѣровапъ намъ, поклоняпъся и признавапъ своимъ набольшимъ? За чпо грозяпся еще на насъ?« кричаль ему народъ, бѣжа вслѣдъ за его колымагой.

»Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?« опвѣчаль имъ Гребенка-Шуйскій, указывая на спѣны и бойницы крѣпосши.

»Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?« ропотно загласилъ народъ—и бросился быспрѣй на площадь.

»Ивану Родіоновичу здоровашь многія лѣша!« сказалъ одинъ гражданинъ, подходя къ другому, шолкавшемуся на площади.

»А, сосѣдъ! и пы выпмелся на мірской припонь!—Чпо пы шуптъ подѣльваешь?« опвѣчалъ сей.

»Да воштъ, всѣ сидимъ у моря, да ждемъ погоды. О чемъ-по шамъ рѣчь ведуптъ, опсюда далече, не слыхашь.«

»Оптъ моря ужъ какой погоды ждашь; какъ закипиптъ оно, да захлещептъ волнами, шакъ и насъ запопишть.«

»Да видно не даромъ спрашныя знаменія появляюпся межъ нами. У пески Осипа воштъ не давшушко курица пѣпухомъ пропѣла, а чрезъ сушки онъ на молуденной споронѣ въ глухую полу-

нощ видѣль шакую планиду, чпо и
разсказашъ нѣльзя, ужаспень, да и поль-
ко! дрожъ заберешъ, какъ подумаешъ!...»

» Эпо все еще не пакъ чпобы важно,
а разсказываюптъ: являепся кровь на гро-
бахъ!...» перервалъ его подошедшій пре-
пшій человекъ, понизя голосъ на послѣд-
нихъ словахъ.

» Да и вѣпры-по завываюптъ чпо ни
самые бурные!« перервалъ и сего еще
подошедшій. Соспавилась кучка народа —
пошли полжи.

» Ужъ пора бы намъ на опдыхъ. На-
перпѣлись мы въ свою очередь, а тупшъ
смущаюптъ насъ на новое побоище!«

» Охъ эпи Бояра! Не чпо имъ за на-
шей спиной. Когда-по еще мечъ враже-
ской прорубишся до нихъ, а мы, любо
не любо, отвѣчай живопами!«

» Да кпо насъ понудишъ? Упремся,
братцы, соспавимъ свой совѣптъ и въ
усъ не дунемъ на Боярскія присказки.«

» Вошь чпо мнѣ сомнипельно, межъ нами еспѣ Липвины некашныя; эшо все они кушашъ, да мушашъ!«

При семъ словѣ подозрительнаго вида человекъ, говорившій съ Пепромъ Симоновымъ, нагнулся, спараясь скрышья.

» Ну чпо насъ взгомозила ономясь Борецкая? Кричала громче колокола Вѣчеваго, а при дѣлѣ первая показала запылокъ, да насъ же и обвинила, чпо вишь, Архіепископская дружина измѣнила, да мы не бойко опсшаивали родину. Ужь и впрямъ справедлива поговорка: у бабы волосъ дологъ, да умъ корошокъ!«

» А вѣдь съ Липвой-шо она за одно. Мишка Амельковъ упшелся, шакъ на него небось не каркнула!«

» Съ ними она близка, какъ шапка съ головой!«

» Ну шакъ мы за шо съ ними будемъ какъ огонь съ водой!«

Къ шолпѣ подошелъ высокій мужчи-
на съ навислымъ гуспыми бровями ви-
да суроваго и сказалъ: »А чшо, брашцы,
вѣдь незаконно Московскій-по Князь по-
спушаетъ съ нами. Развѣ несрамно и
несердобольно будетъ намъ видѣшь,
когда мѣшо наше свяшо, бышь можетъ,
изпоччепся конскими копышами, а ду-
ша Новгорода, колоколь Вѣчевый, осѣд-
лаешъ какой нибудь забѣглый Москви-
пьянинъ въ посмѣшище намъ и?...«

» Типунъ шебѣ на языкъ! А мы-шо
на чшо же? Да развѣ добираюшся и
впрямь до него?« вскричали многіе.

» Да какъ же? А почшожь собралось
на Вѣчѣ Бояръ и Посадниковъ видимо
не видимо и коропаюшся межъ собой?
Сами смышляйше. Теперь изъ насъ вся-
кій домовладыко себѣ, а шогда....«

» Полно наушашъ наносную вѣспь. Я
знаю Великаго Князя, я хаживалъ къ не-
му на поклонъ съ хлѣбомъ и солью и

вель съ нимъ рѣчь лицемъ къ лицу; онъ одарялъ меня щедро, а рѣчь вель милоспиво и велемудро; опъ него не спанепся!...« заговорилъ было Пепръ Симоновъ, пушъ же бывшій.

» Чу, гамъ какой на Вѣчь, инда сюда раздаешся. Смоприше, брапцы, ужъ не продаюшъ ли насъ Московскому Намѣснику бездоговорочно и неизкупно? Не плошайше; шагнешъ—и въ прясину!«

» Кажись, эпо вопишъ Гребенка-Шуйскій. Ужъ молодець, нечего сказапъ! Въ пиру ли, въ свалкѣ ли, кричишъ, какъ по накрамъ (*) бьешъ!«

» Вѣспимо, да разумъ-шо у него весь въ кулакѣ: какъ польиснешъ!...«

» Чшо пы, собака, на кого лаешъ? И въ написяхъ значишся имя его чеспно и громко!...«

» Да, какъ Шемякино. Высился попъ каланчею, хопѣлъ власпвовапъ надъ

(*) *Накры* значашъ, поже, чшо и бубны.

всею Русью православною, да на силу дали мѣспечко ему въ Юрьевскомъ монастырѣ (1)!»

» Ну, а пы чню молвишь, Семень? На право, аль на лѣво махнешь?»

» Я бобыль (2): поспѣю шуда и сюза. Коль на враговъ и я шупожь. Про меня чшо разкумакивашь, когда Богъ и люди опспуаюпся опъ меня? Намѣсь и послѣдній уголь моей хибаренки ире-снудь. Я подумаль: знашь нечиспый выживаешъ у меня послѣднюю опору! Пошелъ къ попу, рассказалъ ему все дѣло, а онъ мнѣ и даль опвѣсть: »знашь пы не носить запасную ладонку (3),«

---

(1) *Шемжа* похороненъ въ Юрьевскомъ монастырѣ въ Новгородѣ.

(2) Татарское слово, значить: *неискупый*.

(3) *Запасную ладонку* съ чеснокомъ, какъ охранительный палисманъ опъ нечиспой силы, называли наши предки, на одномъ шуркѣ съ крестомъ, чему, кажешся, и до сихъ поръ нѣкопоре слѣдуютъ.

и самъ наговорилъ мнѣ въ шапку молищву. Я зажалъ ее рукой, пришелъ домой, выпряхнулъ на лавку — въ ту же ночь и домишка мой загорѣлся и шапка съ нимъ....»

«Ха, ха, ха! слушайте его; онъ съ нечиспымъ-шо промышляеть за одно. Вишь на враговъ гошовъ кинушься! И въспимо, онъ какъ воронъ, завидишь мершваго, налешипъ—да и ну обирашь!»

»Брашцы, чшо-шо буря не унимаеться вышь, али эшо голоса Бояръ?»

»Охъ, чшо-шо долгонько заговорились они! Меня сквозь зипунишка продуло, шакъ и дрогну!»

»Вонъ, ребяпа, ужъ и у Ярышки носъ покраснѣлъ, какъ подосинникъ; видно холодно, а все къ верху лѣзеть съ нимъ, хошь свиньѣ на небо и не приходишься взглянушь.»

»Ха, ха, ха! видно пронюхиваеть, нѣтъ ли гдѣ поживишься чѣмъ. Охъ,

шакъ рыло и воровишъ! Чшо задиковинка, чшо шакъ, морозипъ?... Чшо за предвѣспіе?... Опродясь не помню, чшобъ шакъ рано заволакивало!»

Люди тихіе, миролюбивые препенали опъ гибельныхъ предвѣщаній; а другіе смѣялись надъ ними и надъ слышанными чудесами, и смѣхомъ своимъ силились заглушишъ ревущіе порывы вѣтра.

.... За нами
Плещупъ весело спрун,
И помчались спрѣлами
Наши легкія ладьи!

К.....ъ.

Около воропъ самага Вѣча, задвинупыхъ со всѣхъ споронъ народомъ, споялъ спшарикъ съ сребровидной бородой, въ мѣховой шапкѣ съ куньей опшорочкой и длинными, подвязными ушами; зипунъ на немъ былъ сѣрый, на овчинномъ подбоѣ; въ рукахъ держалъ онъ подшую, суковашую палку съ широ-

кимъ липымъ набалдашникомъ изъ мѣди. Хопя морщины складками облегли лице его; но взоры, изъ подъ сѣдыхъ, нависнурыхъ бровей его, искрились живою юношью, особенно когда онъ, разказывая про былую спарину любопытной полпъ своей, начиналъ ее разными прибаушками, присказками, повѣрьями и присловьями, и переносясь назадъ за много лѣтъ, принималъ на себя всѣ движенія молодецкія.

»А шо чшо за времена наспали нынѣче?« говорилъ онъ. »Чупь врагъ заворошаша и поникнушъ головами шакъ низко, чшо шапка валишся. Со спраха, вѣспимо, искра кажешся больше полѣмя. Износилъ я на плѣчахъ своихъ десяшковъ семь съ залишкомъ годовъ и научилъ вѣдашъ, чшо черно, чшо бѣло. Бывало кшо не слыхалъ, кшо не видалъ Новгорода Великаго, далекаго? Топпо-городъ, шо-по привольный, шо-по могучій! говаривали и Нѣмчины и Лип-

вины и всѣ иноземные людины. Ганзейцы и Мурмане, Гречины и Тапары, бывшіе въ немъ не какъ враги, а госпи, любили заглядывашся на залоченныя главы церквей его, разгуливашъ по широкимъ улицамъ и любовашся на площадяхъ и балаганахъ всѣми шоварами заморскими! Тупь разкиданы и мѣха Пермскіе, и полошна Фламандскія, и ковры Персидскіе, и соболи Сибирскіе, и камки хрущашья, и бахрамы золопошелковыя, и всякія снадобья хипропканныя, и сѣдла Азіяпскія, и камни самоцвѣпныя, и жемчуга Бурмипскіе, и уздечки наборныя и всякія узорочья выписныя. Всего грудями навалено было предъ чужеземными зѣваками — опдай деньги и бери даромъ, сколько хочешь!»

» Мирное время: и задаешъ всякій пирь на весь міръ! Опшѣдайся, оппивайся душа, ходи спѣна на спѣну, али заломя на бокъ шапку опороченную, крупнн усъ богатырскій, да заглядывай-

ся на красопушекъ въ окошечки косящепыя; запронулъ ли опяшь кпо, опвѣчай огнемъ да копьемъ, да спрѣлами коленьми; прослышашъ ли про корованъ Ливонскій, али чей либо ненашенскій полько—удальцы Новгородскіе разомъ оскачашъ его, подсперегупъ и накинупся съ быспропою соколиной раскупоривашъ копьями добро, зашипове въ кожи, а межъ шѣмъ коси—мешпи головы провожапыгъ, какъ маковники!»

» Бывало, скука, одурь возьмешъ, какъ давно нѣшъ дѣла рукамъ; ну чпо, сиди на печи, да гложи кирпичи—разучишся и шевельнупъ мечемъ; ждешъ не дожدهшься, когда-шо грохнешъ Вѣчевый колоколь, а ужъ какъ закапишся и любо сердцу молодецкому и вспрыснешъ его словно живою водою—радоспъ удамая! вѣдъ шакъ забьешся, шакъ заскачетъ решпвое, какъ конъ необѣзжанный на свободномъ разгулѣ; пого и гляди, чпо выскочипъ въ при-

горшню. А бились мы и съ Чудью и съ Ямью, и съ своими и съ чужими, и моремъ и сухимъ путемъ, и Наровою и Волгою, и по Неву озеру неслось наше ополченіе на несчепныхъ судахъ. На кого наскочили, поплъ и развѣдывайся; куда пришли, памъ. и дома. Въ Коспрому ли, въ Тверь ли, въ Ярославль ли, подъ Аспраханъ ли богашую, ради не ради, принимайше госпей, выносише калачей на золотыхъ блюдахъ, на серебряныхъ подблюдникахъ, выкапывайше бочки медовъ годовалыхъ и чокайшесь съ нами зазвонными чарами; а если хозяева попросятъ распашъ: разчипывайся мечами, да бердышами, да бери съ нихъ сдачи ушами, да головами; а памъ снимай шаборъ, удадая дружина, и мчись во свояси!»

» А гдѣ охолоный народецъ, какъ примѣромъ сказаць бы, въ ближнихъ пригородьяхъ Ливонскихъ, да еще гдѣ заспанешь его не въ распахъ и вышпу-

пяпть пропивъ шебя хозяева-по въ же-
лѣзныхъ обручахъ, да начнушъ пересы-
лапсья съ госпями своими свинцовымъ
горохомъ, зашеплавай скорѣй его лачу-
гу со всѣхъ чешырехъ споронъ и шушь-
по вопъ привольно бываешъ погрѣшь-
ся: шумъ, гамъ, гикъ, вопль, спѣны
шрещашъ, рухающся, разополенное же-
лѣзо рѣкой печешъ, а мѣдь словно
воскъ шаешъ. Нашѣшилась душа и за-
ливай пожараща вражескою кровью; вѣдь
какъ будашъ разогрѣшся, опъ него паръ
валомъ валишъ, осприе прѣшупишся
жлеспашъ по шѣламъ, да по коснямъ....
а еше хочешся!...»

»Вѣдь эпо не шо, чшобы мы напраслин-
но нападали на сосѣдей, и они при случаѣ
не спуспяшъ. Обозъ ли отбишъ у на-
шихъ, дѣвушекъ ли захвапишъ, золо-
па ли безъ счета награбишъ, да пере-
душишъ спариковъ, да малыхъ дѣшей—
эпо имъ обычно; да не удавалось про-
кляшымъ въ часшую, какъ намъ прихо-

*

дилось напрашивашься не въ любые для нихъ госпи.»

» А какъ опяшь мировая, пакъ и мы бывало придерживаемся присловью: въ полъ врагъ, дома госьпъ, садись подь свяпые (*), починай ендову; въ лѣсу киспенемъ, а въ саду огурцомъ; и ведемъ рѣчь любезно, и ходимъ объ руку попарно, и люблюшся, не насмопряшся наши госпи, какъ красуешся градъ нашъ, а въ немъ рдѣюшъ дѣвицы красныя, да разгуливаюшъ молодцы удалые, и бросаюшся въ глаза имъ всякія диковинки рѣдкія; и спали звапъ, прозывапъ его, давно, предавно, чупъ прадѣды помняпъ, и чужіе и свои: славнымъ, богашымъ, Великимъ Новгородомъ! «

Глаза юношей блиспали опвагой огневою, и спарикъ, опкашлянувъ, продолжалъ:

» И нынѣче придерживаюшся эшаго

(*) Въ передній уголь.

спарики, да не обѣими руками, съ пѣхъ поръ, какъ Іоаннъ Московскій залилъ наши поляны родною намъ кровью. Все какъ-то пошло на разладъ: спарики шапаются опгъ спароспи, а молодые спрясущя опгъ спраха, а родина гибнешъ! Молодечество (*) иные спали счишапъ дѣломъ зазорнымъ, а по силѣ грампгъ опцимапъ—эпо имъ не по чемъ. Укажице-ка мнѣ, кпо шеперь поспоришъ, поспоишъ, и словомъ, и дѣломъ, и языкомъ, и плечемъ за опчизну? Развѣ шолько Чурчила съ своими удалъцами! Еслибы онъ ономнясь не опшашнулся добра добывашъ въ замомъ Гельмспгъ (**), попяшилъ бы онъ Московскую дружину, шакъ чпо не кому бы было ъ до Москвы добѣжашъ. Онъ хоша не словесень, разумѣніе его зовушъ худоумнымъ, буйнымъ; да рука-шо рѣчиспа, чпо швой киспень!»

(*) Разбой.

(**) Замокъ Гельмспгъ въ Ливоніи.

»Краснобай пы, спаринушка: не кривы успа пвои; да насъ-шо починожь изобидѣль пы? Чѣмъ мы не молодцы? грохни полько пруба воинская, всѣ побрапаемся скинушь головы свои, или вражескія, вымѣняемъ поносную жизнь на славную смерть!« вскрикнули окружавшіе его.

»Все красно, ребяпушки, да не шакъ какъ солнце!« возразилъ спарикъ. »Прежде бывало, Московскіе Князья засылають къ намъ гонцовъ и велерѣчиво прошають чрезъ нихъ подмоги. Дмипрій Іоанновичъ не зналъ, какъ чеспвовашь насъ, когда на Куликовомъ полѣ чешыредесяшь пысячь Новгородцевъ опсшаивали Русь прошивъ Тацарь, хошь послѣ и озлобился на насъ, чпо мы въ явѣ и безъ всякаго опчеша спали придерживаься своего самосуда (*); да дѣлашь нечего, изъ Москвь-шо спа-

---

(*) Самоуправленіе, не зависящее отъ В. Князя.

до пепелище: шакъ выжгли ее Тапары чшо хопь шаромъ покажи, не за чшо зацѣпишься; кой гдѣ шолько шорчали верей, да сполбы, да спѣны обгорѣлыя. Видно, понадобилось ему золошо Новгородское—подсупилъ. Мы не прочь, выбирай любое: деньги, али бипву. Взялъ первое, да и пошелся обспроивашься; а къ намъ-шо Тапары никогда и ноги не заносили неприязненно. Соберемъ дань, пошлемъ въ Москву и раздѣлывайся ею Московскій Князь съ ордою, какъ разсудишь. Нынѣшній-шо лихъ чшо-шо, а шо бывало указывали мы пупь обрашнѣй и Московской, и Липовской дружинамъ; вольница Новгородская не оченно-шо робѣла и шѣхъ и сѣхъ!»

» Какъ послышимъ: подымаешся на насъ врагъ—и въ усъ не дунемъ; каждый Новгородецъ накинешъ шапку молодецки на одно ухо, подопрешся и ходитъ козыремъ; по немъ хопь справа не роспи: гошовъ и на Хана и на Пана!

Намъ грозятъ, а на Вѣчѣ голосають: не спугнешь ножами, когда и ножа не боимся. Впервые что ли намъ слушають угрозы Московскія? Кисы наши полны, закромы шакже, да и желѣзное-то снадобье опущено. Что намъ? Мы своихъ Боярей имѣемъ; намъ свои грамошы оставлены Ярославомъ Великимъ; ссылаемся на нихъ, да на пропалыя головы земляковъ своихъ—и съ нами Богъ, умремъ за Св. Софію!»

»И вѣспимо!« подхвапили его другіе. »Московскій Князь насъ не поитъ, не кормитъ, а насъ же обираетъ: чтожъ намъ мѣнять головы на шапки! Званыхъ господей вспрѣшимъ, а незваныхъ проводимъ. Умремъ за Св. Софію!«

Шумно раздалися крики сіи и, казалось, будто призвали къ себѣ молодого рослаго и плечиспаго дѣшину. Онъ не шелъ, а лепѣлъ въ шолпу сію. Невысокая, но красивая голубаго цвѣща бархашная шапка, съ золопымъ позумен-

помъ по швамъ, съ собольимъ окольшемъ и съ разсыпную изъ серебряной песмы киспочкою сверху, заломлена была на немъ на бокъ; корошкѣй суконный кафшанъ съ перешяжками, съ алымъ кушакомъ, и лосинная исподница, виднѣлись на немъ чрезъ широкій охабень, накинутый на него на распашку; бѣлая голицы съ выпушкою и косою ножикъ съ коспяною ручкою и съ серебряными ободами мошался у него на спальной цѣпочкѣ съ лѣваго бока; черные, быспрые глаза его, нѣсколько смуглое, но прѣянное лице, чупь опшѣненное корошкимъ пухомъ бороды; спройный спанъ его, легкая, но смѣлая походка и нѣсколько къ верху поднятая голова, все это придавало ему видъ мужеспвенный и красивый.

» Чурчила! Чурчила! опколъ шы! Легокъ на поминъ! Ну чпо, какъ живешь, можаешь?« раздались голоса обрадованнаго народа.

» Да какъ живешся, можешся, брапцы!« отвѣчалъ душа Новгородскихъ охотниковъ (*), снимая валомиспую шапку свою и разкланиваясь поочередно съ привѣтспвующими его.

» Гдѣ побывалъ, добрый молодець, чпо послѣднимъ поспѣлъ на совѣтъ нашъ?« спросилъ его спарикъ-разкащикъ.

» Земляки знаютъ меня,« отвѣчалъ Чурчила: »на схвашкѣ я бываю не послѣдній, а думу раздумывашъ, сознаюсь прямо — эшо не моя часъ; да и о чемъ?...«

» Знаю шебя, опъемная голова,« сказалъ спарикъ. »Въ кого пы выкинулся? Въ шебѣ дѣдній норовъ. Таковъ былъ Абакуновъ (*): онъ молчалъ, но за него красно и убѣдительно говорилъ мечь-кладенець!«

(*) Охотники назывались у нихъ погда молодцы, промышляющіе хищными набѣгами на соседнія земли.

(**) Известный предводитель вольной шайки Новгородской при *Донсколжѣ*.

» По крайней мѣрѣ, сдѣлай начинаніе, Чурчила, скажи, на какую спорону движемся болѣе швое решивое?« спросилъ одинъ видный паренъ изъ шолпы.

» Вѣспимо за родину; а шамъ, куда придется: въ огонь, али въ воду, въ гору, али въ пропасть, за кѣмъ бѣжашъ, али кого встрѣчашъ—я всюду гошовъ!« сказалъ швердо Чурчила.

» И мы съ шобой, брашнице!« вскричали многіе. »Хвапайся, ребяша, за палку: кому доспанешся бышь сподручникомъ его по жребію....«

» Поспойше, не спѣшно; вапа рѣчь впереди,« возразилъ имъ спарикъ, и обрапившись къ Чурчилѣ, разглядилъ бороду свою и сказалъ значипельно: »Ты правая рука Новгородской дружины, подумай: сколько изберепся послѣдовапелей за шобой; можно ли рыскнушь шакъ, чшо была не была? Понимаешь ты меня—сдобруемъ мы?«

Чурчила задумчиво молчалъ, какъ бы не вслушаясь или не понимая спарика, и прежде опгь неперпѣнїя поминушно покрякивалъ и напягивалъ перчашку, а спарикъ, поглядѣвъ на него приспаль-но, прибавилъ:

» Вѣдомо шебъ, чпо вѣспъ перепала недобрая на нашу спорону: Московская гроза хочепъ разсыпашься на насъ мечами, да спрѣламп. Доспанешся и на нашъ пай! (*)«

» Такъ обь эпомъ призадумались-по вы? обь эпомъ разболшали спакъ звучно языкомъ Вѣчеваго колокола и взбодомушили всѣхъ? « спросилъ Чурчила равнодушно. » Я ходилъ въ Чершову Лоцину, ломался шамъ съ медвѣдемъ: захопѣлось къ зимѣ новую шубу на плеча, али полоспъ къ пошевнїямъ, спакъ недосужно было разбирашъ, да разслуши-

---

(*) Т. е. на нашу долю.

вашь, о чемъ спешенные Посадники перекоряются шеперь.»

» Вишь, подай Москвѣ на огнеметы перелишь колоколъ нашъ, да на сожогу грамошны законныя; а послѣ...«

» Широкое дѣло!« перервалъ съ негодованіемъ Чурчила спарика; » не видали мы ихъ браша - супоспапа! Чшо наше Вѣче, пиниспое болопо съ лягушками, копорья квакающъ памъ, чшо имъ придумается? да за пригоршню золоша, али за десяпокъ ядеръ опспупяпся опъ льгопъ своихъ? Такъ чпожъ вы, брашцы, не разсудите до сихъ поръ?« продолжалъ онъ, окинувъ всѣхъ быспрыми, огниспыми и опважными взорами своими. »Мы-шо на чпожъ? Пуспъ ихъ звучапъ мѣдью, да дребезжапъ, какъ козлы, голосами своими, намъ шо и любо!... Слышъ, звоняпъ? Вопъ шакъ, качай во всъ, припляснущъ можно! Чпо-шо ужъ давно не звонили?... А свыклись мы съ эшимъ раздольнымъ гамомъ:

пакъ и обливаешь всего смертной охотой рванушься на цѣлую вапагу; а по чпо, и мерпвымъ-по не на чпо позавидовашъ намъ живымъ. Облежались и мы до пролежней безъ всякаго дѣла. Давайше же руки, брашцы, жмише крѣпче; ну до слезъ!... Пусть Бояре хипровспвуютъ, а мы зашѣмъ свое дѣло. Кто за мной?»

» Мы всѣ за побой, молодець удалой! поидемъ мечи оспришь!« закричалъ народъ и пронулся за нимъ опважно, попряхивая головами и смѣло хлопая въ ладоши, какъ бы вызывая уже на себя прошивниковъ,

» Прямой соколь!« сказалъ радостно спарикъ, весело смотря въ слѣдъ Чурчилъ. »Решивое у него доброе, горячо дежишь къ родинѣ! Какъ бы въ спѣдо его не мѣшались галки, да сороки, да кабы не щипала его сердце молодецкое зазнобушка, онъ бы и сашану добылъ;

онъ бы и ему перехватилъ горло могучей рукой. своей шакъ легко, какъ сдернулъ бы съ него широкую варижку!»

ГЛАВА VII.

ВѢЧЕ НОВОГОРОДСКОЕ. СПОРЪ. БУНТЬ. КРОВАВЫЯ ПО-
ЗОРИЩА. УБИЙСТВА. СОВѢТЬ БОЯРЪ. УМИЛОСТИВЛЕНІЕ
АРХІЕПИСКОПА ТЕОФЛА. ОНЪ ПРЕКРАЩАЕТЪ СМЯТЕ-
НІЕ. СВАЩЕННАЯ ПРОЦЕССИЯ, ИЛИ КРЕСТНЫЙ ХОДЪ
ВОКРУГЪ КРѢПОСТИ СЪ ИКОНАМИ. ЕЩЕ СОБРАНІЕ НА
ВѢЧЪ. ОТВѢТЬ ВѢЧА ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ.

Топъ мукой спрашною помипся,
Того объемлешъ смершь и хладъ;
Топъ, язву пшжкую зажавши,
Последней кровью дорожипъ.

П. Сумароковъ.

Между пѣмъ на Вѣчъ, въ проспран-
ной чешвероугольной хранищъ за невы-
сокимъ, но длиннымъ споломъ, покры-
пымъ парчевою наспилкою съ золопы-
ми кисшями, сидѣли: Князь Василій Гре-

бенка-Шуйскій, Тысяцкій, Посадники и Бояре, а за другимъ Госпи, жишные и прожипные люди; на сполахъ были на-киданы развернушыя сполбцы законовъ, договорныхъ и разныхъ креспощлова-пельныхъ грамошъ. Невсѣхъ, желающихъ видѣшь и слышашь преніе сіе, допускали внушрь Вѣча: ибо и шакъ уже тамъ было шѣсно. Два копейщика съ сѣкирами въ рукахъ охраняли двери; около ихъ на дворѣ и на площади, окружающей сію храмину и Вѣчевый колоколь, полклось шьмочисленное множеспво народа, какъ я уже прежде сказалъ.

Князь Василій Шуйскій-Гребенка съ Тысяцкимъ Есиповымъ въ бархашныхъ ко-жухахъ съ серебряными заспешками сидѣли въ переднемъ мѣспѣ; Посадники Оома, Кирилль и многіе другіе обсаживали подѣ ихъ обѣ спороны спола; Марѳа, важ-но разкинувшись на скамьѣ съ задкомъ, въ дорогомъ кокошникѣ, горящемъ алма-зами и другими дорогими каменьями, въ

шпофномъ спруиспомъ сарафанъ, въ бо-
гапыхъ запыспяхъ или зарукавяхъ и въ
длинныхъ жемчужныхъ сергахъ, обволо-
кнутыхъ до половины шелковымъ съ зо-
лотою опорочкою покрываломъ, сидѣ-
ла по правую спорону въ срединѣ сон-
ма Бояръ; Наспасья Иванова, близкая
знакомица ея, въ парчевомъ повоини-
кѣ, икакже украшенномъ камнями са-
моцвѣшными, въ покрывалѣ, шипомъ по
червчашому апласу золотомъ, и въ са-
рафанѣ, опушенномъ голубою камкою,
сидѣла подлѣ нея; пониже Болеславъ Звер-
шановскій въ шемногвоздичневомъ полу-
кашпанѣ, обложенномъ серебряною би-
пью; сзади ея чернѣй народъ оспалъ
около ихъ всѣхъ.

Подъячій, Родька Косой, какъ клика-
ли ею Бояре, споялъ предъ ними чинно,
пошупя глаза. По данному опъ нихъ зна-
ку, разкапывалъ онъ сполбцы и сыскавъ
нужный, прочипывалъ вслухъ всему

собранию написанное, что заглашалось смѣшеніемъ голосовъ.

Давно уже шелъ споръ о черной, или народной дани. Міромъ положено было собрать двойную и умилоспивить ея В. Князя. Таково было мнѣніе большинства голосовъ. Но Марѳа привспала и возразила пропивъ сего: »Чеспные Бояре и Посадники,« сказала она, »думаешъ ли вы симъ, или чѣмъ либо другимъ, даже кровію гражданъ нашихъ, залишь яросшь ненасыпнаго? Ему хочешъ самосуа, а эшой бѣды руками не разведешъ—развѣ вооруженными.«

»Сего-шо мы и въ умѣ не хопимъ держашъ!« перервалъ ее Князь Василій-Шуйскій, личный врагъ ея могущесхва и славы, но сильный папріопъ своего опечесхва. »Развѣ мечъ его не налегаль уже на наши спѣны и шѣла? Я даю свой голосъ пропивъ сего, ибо служу опечесхву.«

»Онъ не служишь, а подслуживаешься!« шепнулъ Звершановскій Марѳѣ. Вслухъ сего онъ не посмѣлъ сказаць, ибо языкъ его и съ головой далеко бы оплещѣлъ опъ шуловища.

Какъ варомъ обдало Марѳѣ несогласіе съ нею Шуйскаго. »Князь!« вскричала она сверкая глазами, »къ чему же, на чпожь ты упошребляешь мужесство и лѣпный умъ свой? Врагъ не за плечами, а за горами, а ты уже помышляешь о подданствѣ!«

Князь Шуйскій, замѣпя сношеніе ея съ Звершановскимъ, распалился гнѣвомъ и сказалъ: »Мы вѣровали въ тебя, Боярыня и провѣрились, и тогда Липвинны сидѣли на Вѣчѣ чурбаками и дѣлали одинъ раздоръ. Я самъ гошовъ опшибилъ руку свою, еслибъ она довременно поднесла миръ Іоанну и проронила бы тымъ честь Новгорода; но теперь гибель явная грозитъ на насъ не

пальцами, а кулаками. Коли хочешь, напыкайся сама на мечь съ клевершами своими!»

» Но и самосуда мы не поперпимъ! Сколько вѣковъ славился Новгородъ могущеспвомъ своимъ, и какимъ же яркимъ пяпномъ позора заклеимимъ мы его, когда безъ бипвы уснуимъ чужеземнымъ пришлецамъ пѣ мѣспа, гдѣ почиваютъ пѣла Новгородскихъ заспункниковъ и гдѣ положены головы праопцевъ нашихъ!» сказалъ важно Тысяцкій Есиповъ.

» Боже оборони и слышашь объ эпомъ!» вскричалъ Шуйскій. »Первая рука, копорая пропшанѣпся за нашей хранипельной грамопой, оспавишъ пальцы на ней. Но за чѣмъ же самимъ заводишь ссору?»

» Да исчезнешъ врагъ!» вскричали полупьяные Посадники, а прочіе поддерживали ихъ голосами своими.

» Родька,» сказалъ Тысяцкій, обращаясь

къ подъячѣму, « прочпи-ка еще поразспановиспѣе запись В. Князя. » И Родька прочель ее въ другой разъ громкимъ голосомъ.

Опяшь всѣ ужаснулись и даже самые мирные граждане, расположенные къ В. Князю, повѣсили головы.

» Чу, пребуешъ Вѣча, самага двора Ярославлева. Мы и пакъ шерпѣли самовласпие его, а шо опдашь ему эши свяшилаща правъ нашихъ! Эшо значипъ опшвергнушъся опъ нихъ шоржеспвенно! Новгородъ судишся своимъ судомъ! — Намъ Ярославъ Великій заповѣдывалъ хранишъ его! — Меспъ Божія надъ нами, если мы не исполнимъ эшого! — Московскіе Тіуны будушъ кичишъся на нашихъ мѣспахъ и порѣшашъ дѣла, власпвовашъ надъ нами! Вопъ, мы провидѣли эшо; всѣ слуги-рабыничи Московскаго Князя недруги наши. Кшо за него, мы на эшого!»

» Проклятіе, проклятіе двоедушнымъ косязычникамъ Назарію и Захарію! Ну, когда мы обсымались черезъ нихъ съ Московскимъ Княземъ? Эпо голая ложь!— Анаемы! самъ Владыко произнесъ эпо! — Да чшо Владыко? Онъ за Князя подаеиъ голосъ, спало быиъ, супрошивъ насъ!» и многое другое кричалъ разногласно неисповый народъ. Марса, соумышленники ея и многіе члены Вѣча, выключая немногихъ шущихъ В. Князя, копорые молчали задумчиво.

Неспрыйный шумъ голосыхъ вызвалъ Владыку ихъ Теофила, копорый, пробравшись сквозъ двоерядную полну, раздвинувшуюся предъ нимъ, воззвалъ къ нимъ:

» Необузданные мяшежники! за чѣмъ же вызвали вы меня изъ смиренной кельи моей, на позорище мяшежа? Нѣтъ вамъ моего благословенія; дѣлайте, чшо хошите. Горе вамъ, непослушные! на начинающихъ Вогъ!» Но пихій голосъ

его былъ заглушенъ дикими криками, и онъ, всплеснувъ руками, поспѣхъ удалился, сказавъ: »Суепливая земля!»

Тутъ-по воспрянула Марѳа. Шуйскаго она не пакъ опасалась, какъ Теофила; но, замѣшя къ нему холодноспъ народа на сей разъ и поржеспвенную побѣду голосашыхъ своихъ, она громко и опважно вскричала: »Наспало время управишья съ Іоанномъ! Онъ не Государь, но лиходѣй нашъ. Великій Новгородъ самъ себѣ власпелинъ, а не *откина* его. Казимиръ Польскій возьметъ нашу спорону и не даспъ насъ въ обиду; Митрополипъ же Кіевскій, а не Московскій, даспъ Архіепископа Св. Софіи, вѣрнаго богомольца за насъ!»

Между людьми, не принимавшими спорону буншповщиковъ, былъ знапный мужъ Василій Никифоровъ, Бояринъ Захарій Овинъ, брашъ его Козьма Овинъ и нѣкопорые другіе, лично доброжелашельспвующіе Іоанну и цѣнив-

ше его досподолжно, они держали спору его и Василій Никифоровъ воскликнулъ: »Брашя, вразумишесь, чпо замышляете вы?... Измѣнишь Руси и православію, поддашья вdrugорядъ Королю иноплеменному, просишь себѣ опѣ ерешика Лашышскаго Свяпишеля, и шѣмъ накликашь на себя и гѣвъ Божій и правосудный мечъ Государевъ? Вспомнише: предки наши, Славяне, вызвали изъ земли Варяжской Рюрика; онѣ княжилъ мудрено и славно, чпо видно изъ преданій, а кровныя пошомки его болѣ шеспи вѣковъ законно влашповали надъ Новгородомъ Великимъ. Испинною же и православною вѣрою обязаны мы Св. Владиміру, а опѣ него прямо происходишь ѣ Іоаннъ; но Лашыши же всегда были намъ невѣрны и ненависны. Разсудише, къ комуъ болѣ должны обращашья мы сердобольно и молишь о милосшяхъ?»

Видя, чпо краснорѣчіе Василья Ники-
Часть II 9

форова, происходившее прямо опъ души, и крупныя слезины, капавшія на сѣдую бороду его, начинали двигать къ нему сердца гражданъ, Мареза, бывъ поддерживаема своими, возопила: »А! Ты, злой кудесникъ, давно съекшался съ Ивашкой на погибель соопечеспвенниковъ своихъ и хипро почишь медопочивыя рѣчи, чпобы заманишь насъ въ сѣпи свои! Исчезни, спарикъ невѣрный! Да обращай на себя всѣ злы и прискорбія, копорыя гоповишь пы намъ!«

» Да оглушишь себя громъ Божій, жена діавола!« воскликнулъ было Василій Никифоровъ, но самъ былъ оглушенъ восклицаніями: »Не хошимъ Іоанна; да здравспвуемъ Казимиръ!« Народъ всколыхался; многіе подхватили эпо съ прибавленіемъ еще: »да исчезнемъ Москва!«

Малая кучка защитниковъ Іоанна также заворошила было и закричала: »Не

хопимъ Казимира; да здравспвуетъ Иоаннъ!» Но Марѳа, выходя съ клеветами своими изъ храмины на Ярославлевъ дворъ и распорядясь, чпобъ скорѣй разсыпали народу нѣсколько чепвериковъ пулъ и роздали по оловенику (*) меду на брапа, подала знакъ — и взвившаяся шуча каменьевъ полешѣла на ослушниковъ ея. Иные, сраженные изъ нихъ, попадали, другіе разбѣжались, а голоса вольницы усугубились: »хопимъ за Короля! мечъ на Иоанна!»

» Хопимъ къ Москвѣ православной, къ Иоанну и опцу его Героншію (*)!» прокричалъ еще на Софійской площади Василій Никифоровъ, на силу вырвавшись на нее, прочиспя себѣ дорогу мечемъ и соединясь съ горожаниномъ Пепромъ Симоновымъ; но голосъ ихъ оспался

(*) Оловянный сосудъ, величиною съ большую кружку.

(**) Митрополитъ Московскій, наследовавшій санъ сей послѣ Св. Филиппа.

безъ опгодоска. Явилась щедрая Марезъ съ своею челядью и возгласила народу:

» Если вы, мужья, къ великому позору Великаго Новгорода, опрекаешесь бишься съ Москвишянами, по спущайне спорожись и прятась имущесва свои опъ разбойничей рапи Иоанновой; а мы, жены, влѣземъ на бойницы и будемъ защицать васъ, робкихъ мужей!«

Народъ, или лучше сказаць, Пюля буншовщиковъ, вдохнушая и хмѣлемъ, и спыдомъ, и мщениемъ, оспервенилась и спросила ее: »Повели, Боярыня, на жо-гожь намъ?... Чшо начашь?... Вольные Новгородцы не посрамятъ себя!«

» Казнь измѣнникамъ!... Они соглядашан и предатели опчины!« вскричала яро-спно Марезъ, указывая на Василя Ники-форова и сообщниковъ его.

Вмигъ неисповые ринулись на него и, вцѣпясь въ него десяпками рукъ, по-шацили опяць на Вѣче, всячески изпя-зая.

» За что и куда влечете вы меня, пакъ позорно, какъ шапя?« произносилъ слабымъ голосомъ изпязаемый.

» Ты соглядашай, шы предашель, шы измѣнникъ, шы Іуда!« кричали ему мучители его въ одинъ голосъ.

» Нѣтъ, видишь Богъ, я правъ; кровь моя оспаненся на васъ и когда нибудь сожешъ ваши души; совѣспъ загложешъ васъ, богопропивники, и шебя, гнусная жема-змія!... Я клялся Іоанну въ доброжелательствѣ, но безъ измѣны моему истинному государю, Великому Новгороду, безъ измѣны вамъ, моимъ браш....«

Но онъ не успѣлъ кончить: убійственный попоръ звякнулъ—и голова его, закапившись назадъ, опскочила опъ шуловища и покапилась по песку, черпя по немъ кровавые слѣды.

Иные дрогнули; иные же, оспервенясь еще болѣе, волочили по площади шѣло его, ловили еще Захарія Овина,

браша его Козьму и, поймавъ, умерщвляли обухами шопоровъ, опъ кощорыхъ, оглушенные падали замершво, издавая полько крапкіе, глухіе звуки, опходящей души; иные же любовались, какъ куски-штѣла Василья Никифорова прыгали подъ ихъ саблями и шопорами; иные же расхищали балаганы и лавки, бросались разбоемъ на Славкову улицу и опнимали все, чпо могли у кою опняшь. На дворѣ Архіепископскомъ пакже грабили и сажали въ заспѣнокъ (*) подозрительныхъ людей, убивали и успалые подходили къ выспавленнымъ для нихъ чанамъ съ брагой, медомъ и виномъ, и кпо успѣвалъ, черпалъ пищу розданными ковшами, а у кого были они вышибены въ общей сумяшицѣ, шѣ черпали окровавленными пригорцинами и безпрепешно пресыщались.

(*) Тюрьма.

Шумъ, ропотъ, визгъ, вопль убиваемыхъ, задравные окрики, гикъ, смѣхъ и стоны умирающихъ, все слилось вмѣстѣ въ одинъ несстройный говоръ. Ничкомъ и навзничъ лежація шѣла убитыхъ, поднятыя булавы и сѣкиры на новыя жершвы, неисповыя полпы, мчащіяся: иной безъ шапки, иной на распашку съ засученными рукавами, обрызганныя кровью, копорая капала съ нихъ — все это предшавляло разительную каршину.

» Ты чпожь, соколь, спойшь безъ дѣла и не бьешь измѣнниковъ? али и шебъ крыло перешибли?« спросилъ спарикъ-разкащикъ, вепрѣпивъ нечаянно Чурчилу, смопряцаго молча и задумчиво на ужасное позорище побоища.

» Я люблю биться; а не бишь,« отвѣчалъ ему мрачно Чурчила, и отвернясь, пошелъ скорыми шагами.

» Поспой, я понимаю шебя, молодець!

Померекаемъ-ка вмѣспѣ. Мы не эшаго ждали,« сказалъ спарикъ, догоняя его.

Иной дрался по неволѣ. Зрипеди, не примавшіе учаспія ни въ чемъ, были сами угрожаемы смершію, какъ прошивники буйной паршіи. Не скоро руки палачей опмахались возмошпъ удары, и наспушающій вечеръ не развелъ ихъ. Кшо-шо догадался посвѣшпшъ имъ: зажгли дома убипыхъ и спрашное пдамя, опкидывая багровое зарево на небо и наводя ужасныя шѣни на двигающихся во мракъ убійцъ, являло карпшны еще разипельнѣе, еще ужаснѣе, межъ шѣмъ какъ они кричали: »Вошъ шакъ-по въ случаъ и весь городъ запалимъ!... Пущъ Москвшпяне поживдяющъя головнями нашими вмѣспо золопа!«

Вѣперъ глухо разливалъ волнами, пожараща пухли, небо пасмурѣло. Мар-еа съ шайкой своей, не далеко опъ смерпной сцены расположась подъ берез-

кой, раскинувшейся шапромъ, надъ окружающими ея лавками, близъ ярко пылающаго костра сидѣла и цировала, жадно прислушиваясь продолжающихся криковъ и споновъ. Звѣздисное вино кипѣло искрами въ покалахъ ихъ и никто, даже сама она не спыдилась упицаться имъ; рабы ея, перемѣняющіе дорожныя спопы и брапины на подныя, поминушно напыкались и спопыкались на мерпвыя пѣла, поднося мапишки пирующимъ.

»Все хорошо, да честь Новгородашо запяцнана эшой дракой!« сказалъ, примирившійся съ нею, обласканный и одаренный ею Князь Шуйскій.

»Чеспы!...« опвѣчала она; »да самъ Юаннъ умѣенъ гораздо, освобождаетъ опъ нее кого золошомъ, кого...«

»Оплеухою!« перервалъ ее Богашырка подкравшись. »Чеспыю его поклепашъ не лвзя!«

» А, эшо ты предспалъ предъ меня какъ послушный дужь, когда заговорила я о золошѣ!... Да гдѣ ты пропадалъ?« спросила его Марѳа.

» Чего, Боярыня, я ссорилъ всѣхъ мастерски, раздувалъ уголья въ народѣ жарко по своему наказу и увидя, что колесо пошло вершѣться, влѣзь на дерево и закричалъ первый: »да здравствуйеъ Казимиръ! мечъ на Юанна!« А какой-то нахаль, прежде дивясь все на мое кукольное происхождение, прихватилъ меня пеплей веревки къ дереву; а сукъ-то, на кошоромъ я споялъ, подломилъ, и я повисъ, заболпалъ ногами и подумалъ: ну...«

» По дѣламъ вору мука!« подхватилъ Шуйскій. »Какъ же ты живъ оспался? Вѣрно шебя ожидаешъ осина?«

» Да ужъ спасибо Лазоркѣ, Боярынину рабьничу: онъ призналъ меня и перерѣзалъ веревку, чпобъ я повѣсился

на шебѣ, Князь,« опивчалъ острый Бо-
гашырка.

»Нѣчего сказаць, шы дѣло свое дѣ-
лалъ богашырски!« сказала ему ободри-
тельно Марѳа и поднесла кубокъ.

»Да я безъ прикуски-шо не пью, Бо-
ярыня,« опивчалъ онъ, почесываясь.

»Понимаю,« подхватила она, усмѣх-
нувшись. »Только проглотить ли?«— и
насыпала ему въ кубокъ корабельни-
ковъ (*).

»Моя киса проглотить ихъ,« сказалъ
Богашырка, опився ей низкій поклонъ и
замѣшя, чшо она позволяеиъ ему състь,
искалъ, на чшобы, и напкнувшись на
чью-шо голову, поднялъ сеи и схвати
за волосы, поднесъ радосино къ Марѳѣ,
сказавъ:

(*) Новгородскія деньги, пакъ назывались еще *Но-
били* двойные червонцы. На нихъ монетахъ
изображалась: роза и корабль; по Нѣмецки на-
зывались онѣ: *Rose Nobel* и *Schiff Nobel*; хо-
дили въ Германіи, Даніи и Швеціи.

»Вопшь онъ, ворогъ-по нашъ, ужъ пеперь не ослабляется (*).«

Она взглянула: закапавшіеся полуоткрытые глаза Василя Никифорова, казалось, упрекали ее, и сильное содроганіе пролилось по всему тѣлу ея. »Пора, ужъ давно ночь!« молвила она робко, и вдругъ, поразясь нависшимъ надъ нею мракомъ, вскочила и пошла препешно къ дому своему, преслѣдуемая спрашными глазами сими... А прочіе оспались допировыващъ.

Карпины позорища продолжались нѣсколько дней. Вольный народъ, коего препешали и Бояре и Посадники, безчинничалъ, пилъ наповаль, звонилъ въ колокола и бѣгалъ полпами по улицамъ, опыскивая слугъ и совѣтниковъ Іоанновыхъ и разхищая у слабыхъ послѣднее доспояніе. Они дрались и межъ со-

---

(*) Улыбашся.

бою на смерть, опнивая другъ у друга добычу.

Сановиные мужи Новгорода сами, участвовавшие въ бунтѣ, скорѣ прочиѣ образумились и, просохнувши съ долгой перепойки, собрались на Вѣчь и, обмѣнясь мыслями, положили, что ежели пеперь ихъ зашпануѣ въ располхѣ какіе нибудь враги; то, не обнажая меча, перевяжутъ всѣхъ упившихся и завладѣютъ городомъ, какъ своею собственностію, не взирая на то, что при словѣ Новгородское гласило: «Новгородецъ хошь и пьянъ, а все на ногахъ (или на рукахъ) держишся.»

И вопгь, думали, думали. Сановники. Новгородскіе, собирались всякій день на Вѣчь, зѣвали, почесывали грловы, надувались съ миной важности—и рѣшили: бишь челомъ Владыкѣ Теофилу, дабы онъ благоволилъ принятъ на себя шрудъ и *слою духовнаго слова* своего не

полюко успокоишь, но и запрепишь народу, подъ опасеніемъ проклятія, оплученія опъ церкви, гнѣва Божія и наказанія Его, буйспвовашь и бышь пакими неблагообразными, каковыми они показывающъ себя досель.

Жребій, рѣчь веспи съ Владыкою, цалъ на спепеннаго Посадника Оому, а прочимъ Посадникамъ и Боярамъ соспавлялъ его свитѣ. Не шеряя времени и не обмончивъ губъ въ хмѣлевомъ снадобѣ, опсправились они въ смиренную келью Архіепископа, пѣшіе и со всякимъ благочиніемъ. Не доходя еще до двора его, они обнажили головы, а когда вошли на оный, Оома опдѣдился опъ дружины своей, выспустилъ впередъ и просилъ приврапника, чпобъ онъ сказалъ келейнику, чпо Бояре и Посадники и всѣ сановитые и житые люди Новгорода упрашивающъ его доложись Владыкѣ, не дозволишь ли онъ предспашь

имъ предъ лице свое и молишь его скорбно и слезно объ опущеніи многочисленныхъ грѣховъ ихъ предъ нимъ.

Черезъ нѣсколько времени Архіепіскопъ Теофілъ вышелъ самъ на крыльцо и обратясь къ нимъ, сказалъ гнѣвно: »Да разсыпятся племена нечестивые, алчущіе брани, и будутъ омрачены молніею небесною и, яко пси бздныя, да лижутъ землю языками своими! Чего еще хопите вы отъ меня?»

»Благодушный паспырь нашъ!« возопилъ къ нему Тома, преклоня колѣна, »человѣкъ рожденъ со спрасыями. Молю тебя, праведный, обрати гнѣвъ свой на милость, спаси Великій Новгородъ: онъ погибаетъ...« Слезы пробились у него на глазахъ и онъ, окончивъ рѣчь свою, наклонился.

»Безумніи! вы сами каратели его. Спасеніе града нашего соспойте въ руки Божіей. Покайтесь! Я могу только

умилоспивляпъ Его, соединя молипывы свои съ вашими,« опвѣчалъ ему цронушый Теофилъ.

» Того-шо и жаждемъ мы, Владыко Свяшый, Воззри на разкаявающихся, благослови начинаніе наше и помоги намъ,« говорилъ упрашивающимъ голосомъ Тома.

» Дѣши мои!« произнесъ Теофилъ тихимъ и ласковымъ голосомъ, помолчавъ немного и глядя приспально на всѣхъ, «знаю, духъ и плопъ враги между собою. Тѣсно добродѣтели уживапсья въ семь мїрѣ срочномъ, испышующемъ, за шо проспорно будепъ въ будущемъ, безгра^нитно^м. Не ропщипе же, смирипесь: *пре-терпльвий доконца спасенъ будепъ*, глаголетъ Господь. Но вы сами возмущаете, богопропивники, брапій своихъ и надолго ли разкаявапесь?« Всѣ приопыженные молчали. Онъ продолжалъ:

» Думаепе ли вы, чшо я не сочувспвую вамъ въ общей гореспии о гибели

опечесива? Развѣ замяповали вы мои услуги ради его? Не я ли выкланилъ у Московскаго Князя гибнуція права наши и насполялъ: бышь Новгороду Великимъ? Вы сами положили начало шой язвы, ко-
торой пеперь спраждеше. Сколько разъ внушалъ я вамъ благія мысли: смирипесь и даспся вамъ и увѣнчаешесь успѣхомъ дѣлъ вашихъ; но какъ вы исполняли слова мои, какъ угождали Св. Софїи? Развѣ пакъ не благообразно подобаешъ защищашъ ее?—Я содѣлаю все, чшо возлагаешъ на меня санъ мой, рвеніе и любовь къ опчизнѣ. И мое сердце не проспымо любовію къ нему подъ черною рясою; но я сомнѣваюсь, чшобъ вы оцѣнили ее досподолжно и пребыли бы долгое время благочинны.»

Всѣ преклонили головы свои въ знакъ покѣрности и послушанія. Онъ осѣнилъ ихъ креспнымъ знаменіемъ и пригласилъ къ себѣ для *совѣщанія*.

Въчевый колоколь заливался еще, и кровь брызгалась на площадяхъ; въ иномъ мѣспѣ черпали вино изъ полуразбитыхъ бочекъ шапками, въ иномъ, рвали куски парчей, дорогихъ шканей, шпофовъ, суконъ и пр. награбленнаго шовара, вдругъ съ Архіепископскаго двора показался креспный ходъ и прямо навспрѣчу буншовщикамъ; клиросъ пѣвчихъ шелъ впереди и пѣлъ прогашельно, умиленнымъ голосомъ: *Спаси, Господи, люди твоя.* Владыка Теофиль, посреди ихъ, окруженный сонмомъ Бодръ и Посадниковъ, подъ развѣвающимися хоругвями, шелъ шихо, величественно, обративъ молящіе взоры свои горъ и воздѣвъ къ небу руки.

Какъ громомъ пораженные, буншовщики окаменѣли и пребыли неподвижны; руки ихъ, державшія добычу, замерли на минушу, послѣ поднялись молишья, шапки покапались съ головъ ихъ; но они не смѣли поднять глазъ:

успыдившись, опхлынули назадъ и па-
ли на колѣна. Архіепископъ, молча, не
взглянувъ на нихъ, не удоспоивъ благо-
словенія своего и не допуспивъ прило-
житься къ воздвизальному креспу, про-
шелъ къ соборному храму Св. Софїи,
помолился у золопыхъ врапъ (*) его —
и процессія опять пронулась къ город-
скимъ спѣнамъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего вся
площадь очиспилась, мерпвыя шѣла по-
клали на носиды и хоронили ихъ по
обряду Хрисціанскому за городскимъ

(*) Мѣдныя, вызолоченныя воропа, по народному
преданію, привезены изъ Корсуня или Хер-
соня, древняго Греческаго города; но другіе
(кажется, справедливѣе) удосповѣряють, что
они древней Нѣмецкой работы. Они находились
на западной сторонѣ церкви, рѣзныя и украшен-
ныя изображеніями Свяпыхъ. Внизу подписи
Нѣмецкихъ художниковъ и изображенія самихъ
ихъ въ спаринной Нѣмецкой одеждѣ. Это зна-
менипая, древняя рѣдкоспъ.

валомъ; колокола замолкли и Вѣче переспало предспавляющъ собою проспую мѣрскую сходку. На первомъ мѣспѣ его засѣдалъ Архіепископъ, подлѣ него Тысяцкій Есиповъ, Князь В. Шуйскій, Посадники: Оома, Кирилль и многіе другіе; Марѳа же, съ Наспасьей Ивановой, Звершановскимъ и прочими сообщниками своими, уѣхала въ пріумѣ посѣспищъ села свои, находящіяся близъ Соловецкой обішпели. Посла Великокняжескаго Боярина Феодора Давыдовича, жившаго на Городищѣ съ многочисленной дружиной, чеспвовали, какъ подобаетъ, ничѣмъ не обижали, шолько не допускали его на Вѣче, и снарядили оппущспищъ именовъ его къ В. Князю съ записью, копорую увидимъ ниже:

» Люди Новгородскіе!« сказалъ Теофиль, »я написалъ опвѣщспвенную грамопу въ Москву: оспанешесь ли вы довольны ею?« И съ словомъ симъ онъ подалъ знакъ подьячему Родькѣ Косому, копорый, спяя

выпьянувшись, началъ чашать «ромогласно, опшкаплянувшись и огладивъ бороду:

»Отець Вѣча Великаго Новгородъ къ В. Князю Московскому и проч. опвѣпши-венная грамаша:

»Кланяемся шебѣ, Господину нашему, »К. Великому, а Государемъ не зовемъ. »Судъ швоимъ Намѣспникамъ оспавляемъ по сшаринѣ на Городищѣ и по пре-»жнимъ, извѣспнымъ шебѣ условіямъ; »дозволяемъ ему править дѣлами наши-»ми вмѣспѣ съ нашими Посадниками и »Боярами, но швоего суда *полнаго* и »Тіуновъ швоихъ не допускаемъ и Двори-»ща Ярославлева шебѣ не даемъ; хопимъ »же жить съ шобою, Господиномъ на-»шимъ, дружеспвенно, хлѣбосольно, со-»гласно и любезно, по договору, ушверж-»денному съ обѣихъ споровъ на Коро-»спынѣ, въ недавнемъ времени.»

» Кто же предлагаетъ шебѣ быть Го-»сударемъ нашимъ, Великаго Новгорода,

спѣхъ оаихъ вѣдаешъ, и по, какъ по-
 добаетъ наказывать за криводушіе. Мы
 здѣсь также управились со лживыми
 предашелями, и шы не взыскивай съ
 насъ за самосудъ, данный намъ пред-
 комъ швоимъ, Ярославомъ Великимъ,
 каковымъ мы нынче и воспользовались,
 сирѣчь, въ силу онаго дозволенія, не
 пресупная нашей къ тебѣ чпимости
 и покорности.

«Молимъ и взываемъ къ тебѣ, Го-
 сподинъ, всеусердно и всеуниженно: дер-
 жи насъ по старинѣ, по креспному
 мѣлованію: и мы всегда будемъ вѣрны-
 ми слугами тебѣ, и опчины швоей, В.
 Новгорода.»

Руки приложили: Владыка В. Новго-
 рода, Ахіепископъ Теофилъ, Тысяцкій
 Ксенофонпъ Есиповъ, новоизбранный
 Дьякъ Вѣча, Тыщъ, по реклу: Оспа-
 повъ, и проч.

» Ну, а если Іоанну не любо будетъ наше посланіе?« сказалъ К. В. Шуйскій; »чего должно ожидать тогда?«

» Биспы!« произнесли рѣшительнымъ голосомъ Есиповъ, Ѳома, Кириллъ и другіе. Архіепископъ задумчиво молчалъ: онъ чувствовалъ, что не уговоритъ уже ему къ непрекословному подданству гражданъ своихъ, да и самому ему скорбно было рѣшать все въ пользу Іоанна.

» Да въ силахъ ли ты бороться съ нимъ?« молвилъ значительно, понизивъ голосъ, Дьякъ Ксенофонъ.

Никто не отвѣчалъ. Онъ прибавилъ:

» А ужь когда онъ одолѣетъ насъ; много рѣзни будетъ, до сыпа напѣшился мечъ его Новгородскою кровію. Надобно отвратить чѣмъ нибудь эту грозу великую, черную...«

» Красную, кровавую и непроносную!« прервалъ его Посадникъ Ѳома.

»На насъ она покашится, надъ нами и разразится! Тогда я первый не скрываю на мѣреніи своего поддаюсь Липвъ.«

Молодой, дородный парень, слушавшій съ прочимъ народомъ мнѣнія Бояръ, споялъ въ углу и давно уже кусалъ губы съ досады и рвалъ опорочку съ шапки своей. Последнія слова о подданствѣ Липвъ, произнесенныя Оомою, вспрепнули его. Сбросивъ съ себя охабень, бѣспро предспалъ онъ предъ собраніе и, окинувъ всѣхъ черными, орлиными глазами своими, сверкающими и блестящими, какъ полированный агатъ, швердо произнесъ: »Владыко Свяшій и вы всѣ, разумные совѣшные мужи Новгородскіе, надежда, опора наша! вы жопните оцашъ пуспишь эшихъ хищниковъ Липвиновъ въ нѣдра опчизны нашей; скажите, впожъ зацпишишь ее пеперь опъ нихъ или опъ самихъ васъ? Развѣ они не обнажали предъ вами чер-

ношу души своей? и развѣ руки наши слабы держашь мечь за себя, чпобѣ до-пускашь еще завязнушь въ эпомѣ дѣлѣ лапамъ хипрыхъ пришельцовъ?...

» Мальчикъ! « возразилъ ему Тома съ примѣшнымъ неудовольствіемъ, »а чпожѣ пы нашель пропивнаго въ Липвинахъ? чпо у нихъ волчьи зубы, или лисьи хвосты? «

» И по и другое, чпимый мужъ, если хочешь, чпобѣ мальчикъ вразумилъ швой сѣдины, « отвѣчалъ ему гордо молодецъ, схвативъ себя за кушакъ и ша-кимъ образомъ подпершись.

» Чурчила, пы охальничаешь: шакъ изыди же опсюда немедля! « вскричали почпи въ одинъ голосъ Тома и Кирилль.

» Изыду и унесу съ собою решивое, кошорое бѣтсся любовью къ родинѣ шакже сильно, какъ рука эша будешь вершѣшь головы вашихъ заспунниковъ-челядинцевъ, и эпо шакъ вѣрно, какъ

я называюсь Чурчилою!» сказалъ при-
смыженный и взбѣшенный виписъ Нов-
города и напянувъ голицу свою, сжалъ
кулакъ и вышелъ поспѣшными шагами
изъ Вѣча.

»Я говорилъ себѣ, что эпоцѣ ма-
лой вреденъ и языкомъ и кулакомъ сво-
имъ Новгороду. Слава Богу, что я узналъ
его во время!» сказалъ нахмуренно Оо-
ма Кириллу.

»Онъ пылокъ, но добръ. Однако здѣсь
ни время, ни мѣсто объясняшьясь объ
немъ; шеперь приходишья всякому ду-
машь о себѣ,» опвѣчалъ ему шакже съ
примѣшною досадою Кирилль.

»На сей разъ довольно!» сказалъ Вла-
дыко, вспавая съ своего мѣспа. На ли-
цѣ его ясно оппечашывались слѣды
глубокихъ думъ—и всѣ вспали за нимъ.

Колоколь ударилъ нѣсколько разъ,
означая окончаніе засѣданія, и народъ
шрепепино, съ какимъ-шо вѣщимъ, не-

добрымъ предчувствіемъ сморгъль на
Бояръ, шихо и задумчиво расходящихся
по домамъ своимъ.

ГЛАВА VIII.

ТОСКА. РАЗЛУКА. СВАДЕБНЫЯ ПОСЫДЪЛКИ И СВАДЕБНЫЯ ПЪСНИ. ОТЧАЯНИЕ НЕВЪСТЫ. ЧЕРТОВО УЩЕЛЬЕ. ГРОЗЕНЪ ВРАГЪ ЗА ГОРАМИ, НО ГРОЗНЪЙ ЗА ПЛЕЧАМИ.

Удалъ добрый молодець,
Онъ долиною проходитъ;
Онъ не радостенъ, не веселъ:
Знашь запамя грусьи на сердце,
Подмываетъ решивое.

* *

Игриво и весело свѣшилъ мѣсяцъ на землю; звѣздочки при немъ чуть искрились, по жмурились, по опять сверкали въ шемной синевѣ горизонпа, какъ рѣзвыя рыбки въ чистой водѣ блистаютъ серебряной чешуйкой своей. Въ Новгородѣ ярко горѣли огни, но вечеръ

гуспился давно уже мракомъ и передавалъ свое срочное владычество ночи свѣтлой, роскошной. Огни одинъ за другимъ спали попухавъ и скоро вѣчно живой городъ, слившись вдаль съ горизонтомъ подъ одинъ блѣдный свѣтъ, запасмурилъ въ опдаленіи.

У берега рѣки Волхова сидѣлъ недвижно, пригорюнясь, молодець; съ правой стороны его споялъ осѣдланнѣй конь, билъ копытомъ о землю, попрыхивался и звучалъ сбруей своей; на лѣвой вопкнуло было копье, на коемъ развѣвлася грива хвостапаго, спального шишака; самъ онъ былъ вооруженъ еще широкимъ двуоспрымъ мечемъ, копорый висѣлъ на немъ прикрѣпленный къ кушаку спальнойю цѣпью; чугунныя перчатки, креспъ на креспъ сложенныя, лежали на его колѣнахъ; черезъ плечо повѣшенъ былъ на немъ на двойномъ ремнѣ маленькій серебряный рожокъ; на обнаженную голову его лились блески

луны и едва примѣшно выказывали черныя кудри волосъ его, скапившіяся на воропникъ полукафшанья изъ буйволой кожи; тяжелая кольчуга облегла грудь его. Онъ молчалъ, но порою запѣвалъ пошихоньку какую-шо заунывную пѣсню, глядя приспально и печально на Новгородъ и счипая разсѣянно волны, бьющіяся о берегъ. Немного погодя вдругъ послышался ему звукъ конскихъ копытъ опъ города. Онъ приложилъ ухо къ землѣ, звукъ слышался явспвеннѣе и конь его наспорожилъ уши; скоро показался конникъ, осмапривающій приспально окреспноспи, какъ будшо искавъ чего-шо и, заслыша шорохъ у берега, своропилъ шуда коня своего, вглядѣлся на лежащаго молодца и, вскрикнувъ радоспно: «Чурчила!» мигомъ соскочилъ съ лошади и впился въ его объяпія.

»Поспой, Димипрій, пы удушишь меня, какъ слабаго ребенка,« говорилъ Чу-

рчила, дружески обнимая его. »Я и шакъ насилу дышу: у меня на сердцѣ камень, а въ душѣ сиротство безчасное!«

»И швои руки могучія, какъ обручи желѣзные, охвапили меня!« опвѣчалъ ему Димитрій, опдыхая опъ восшорга своего. Послѣ продолжалъ:

»Такъ вопъ какъ посшупаюпъ нынѣ задушевные-по! Помчался шы, какъ вихоръ, не въспъ куда и не сказалъ мнѣ прощальнаго словца! Богъ шебѣ судья, Чурчила! А мы съ шобой еще побрапались на жизнь и смершь! Чшо я шебя избидѣлъ чшо ли чѣмъ, словомъ, али дѣломъ, али нелюбымъ взглядомъ?«

»Не кори меня ни шѣмъ, ни другимъ, брашъ названый!« опвѣчалъ ему Чурчила съ шяжкимъ вздохомъ. »Чудно шебѣ показалось опбышше мое изъ роднаго края, особливо-же шогда, когда уже сковался я кольцомъ обручальнымъ; но я еще чуднѣе повѣдаю шебѣ дѣла!«... и

слеза крупная, какъ градина, скапившись съ лица его, разбрызгалась на кольчугѣ.

» Да чпо пы, богашырская коспочка, ужели и впрямь заплакаль, какъ баба? О чемъ же? Расскажи скорѣй, не шерпишся.«

» Эхъ, замолчи молодецкое сердце!« говорилъ Чурчила, ударяя себя въ грудь. »Дай вымолвишь поску, кручину другу закадышному! Нытъ! я весель, Димитрій, право слово, весель, какъ эшопъ мѣсяць,« продолжалъ онъ, спараясь принявъ на себя веселый видъ. »Да и о чемъ посковашь? Красопокъ много на бѣломъ свѣшъ, а милая-по хопъ и одна, да чпожъ! Коль забыла она слово кляшвенное, не въ омушъ же бросишся опъ пого чершямъ въ угоду!« И онъ улыбнулся—но улыбка его походила на какое-по судорожное движеніе.

» Такъ-по пакъ,« опвѣчалъ Димитрій; »да вопъ чпо мнѣ не вразумипельно: вопервыхъ я шебя не признаю, пы ли

это Чурчила-сокóль, кистень рука, веселый-удалый, всѣмъ примѣръ, копорый одинъ выходилъ на цѣлую спѣнку? Во-впорыхъ дивно мнѣ: какъ разлюбила себя Наспинька, Новгородская звѣздочка? Хопя родипель ея Спепенный Посадникъ *Өома Крутой*, и впрямь крупъ, да пвой родипель Кирилль и самъ Посадникъ, не хуже его; они же съ нимъ въ превеликомъ согласіи; издавна еще хлѣбъ соль водили, шакъ какъ и мы съ побой, бывало, на каждой схвапкѣ жизнь дѣлили, зипуны съ одного плеча нашивали, да и шецерь посшоймъ другъ за друга, хопъ пы меня и забыль—сподручника пвоего *Димипрія смълаго!*

» Посшой, брапъ, не язви меня, дай передохнушь: все выскажу!» И, вздохнувъ опяпъ шяжко, гореспно, Чурчила началъ:

» Вѣдомо шебъ хлѣбосольство и единодушіе опца моего съ *Өомою*, и шо, какъ условились они соединишь насъ; памятно шебъ, когда пошѣшались мы

забавами молодецкими въ спранахъ иноземныхъ, когда, бывало, на коняхъ перемахивали спѣны зубчашья, крушили брони богатырскія и славно иѣрились плечами съ врагами сильными, могучими, когда одолѣвали всѣ преграды и ковы ихъ, и вырывали добро вмѣспѣ съ руками у нихъ и зубрили мечи свои о черепы пропивниковъ? Бывало, радость привольная обуяетъ удалыхъ шакая, что десятью языками не сможешь рассказать ее. А по любованіе, какое чувствовалъ я на душѣ при взглядѣ на мою суженую, когда благословили насъ Пречиспой, когда вложили руку ея въ мою и наказали намъ жить любовно и согласно, по любованіе несло меня къ семинебнымъ краямъ!... Ахъ, Димитрій! еслибъ ты зналъ, еслибъ ты могъ знать, какъ билось мое рещивое!... Бывала и смерть мнѣ близкой сосѣдкой и оспріе мелькало предъ самыми глазами, но я не пугался: опобьешь его, да свое

запустишь по самую рукояшь—и правъ —и понесся далѣе—а погда о! нѣтъ, не умѣю!... Какая она была приглядная, какъ любила, какъ понимала меня!... Какъ хопѣла нѣжишь буйную голову мою на колѣнахъ своихъ!... Наспя, добрая, милая моя Наспя...» И съ словомъ симъ списнулъ онъ крѣпко руку Димитрія; попомъ не сперпѣлъ и, опусшаясь въ объащія его, чшобъ скрышь въ нихъ слезы свои, копорыхъ онъ спыдился, сперва пиho, попомъ громко зарыдалъ.

» Не одна она, и я понимаю шебя, добрый другъ! Оподохни же на вѣрной груди моей,« говорилъ Димитрій, ушѣшая его.

» Да, шеперь пы мнѣ оспался одинъ, одинъ во всемъ свѣшѣ бѣломъ; шеперь онъ почернѣлъ для меня: *отсвѣтила звезда моя, отсвѣтила приглядная, покрылось саваномъ небо туманное...* Какъ бишь далъше-шо поешся эша пѣсня, копорую сложилъ Владиміръ ушопленникъ?»

» Полно, не обманывай меня: до пѣсенъ ли шебѣ; лучше расскажи, какъ поешся дальше швоя-шо пѣсня?»

» Слеза смыла пяшно шоски задушевной, какъ будшо я ею подѣмился съ шобой! Чшо-шо оплегло не много! Ну, вошъ, я, какъ водипся, съ большимъ поѣздомъ шваповъ и дружекъ спалъ ѣздишь къ невѣспѣ своей весело, разгульно!.. Пирры у ней на сполахъ высились горами, напишки хлеспали разливомъ—и положили уже день, когда совершишь наше благословенное дѣло. Эшошь день былъ бы шоржеспвомъ для всего города, памяшь по Св. Софїи (*), къ кошорому опецъ ея Оома хопѣлъ совсѣмъ изгошвишься; все шло своимъ чередомъ: шшарики наши дались радосши и руками и ногами, а дружки и всѣ поѣзжане всей головой; пили они какъ на заказъ; а мы... да чшо и говоришь—шакъ было при-

---

(*) 17 Сентября.

вольно всѣмъ!... Вдругъ, почно воронъ накаркалъ бѣду на насъ бѣдныхъ, нагрязнулъ гонецъ изъ Москвы—и все пошло на разладъ. Дорога мнѣ моя Наспя: не возьму за нее всего міра подлуннаго; но родина... Сожму репивое, заспаваю молчашь его и промѣняю безцѣнную мою суженую за безцѣннѣйшее сокровище—опчизну. Послѣ пуспъ самъ умру несчешными смерпиями, не проживу мига безъ нее; за шо на душѣ не будешъ зазорно!

» Ты знаешъ клевершовъ Марейныхъ. Они, въ шомъ счешу и Томо, зачинщикъ всему дѣлу, злоумышляли ошашъ поддаться Липвѣ, а у насъ съ шобой никогда сердце не лежало къ этой челяди. Я, заслыша о шомъ, проподкался въ Думную Палашу и горячо заговорилъ съ Томою. Эпо ему спало не любо, онъ разсерчалъ, заязвилъ меня обидными словами. Я шоже и при опцѣ своемъ и при всѣхъ совѣшныхъ

мужахъ задалъ ему шакую опповѣдь, чшо поспыдилъ ею, и шѣмъ накликалъ на себя немилоспъ и ненависпъ его. Когда же сердце опшло у меня, проспыло опъ обиды его, я и спохвапился. Опецъ мой принялъ его же спорону и прослалъ меня повиниться предъ нимъ. Я пошчасъ мешнулса, куда у меня давно душа просилася, и спалъ молишь его забышь обоюдныя распри наши и покончишь скорѣй начашое дѣло.

» Когдабъ шы видѣлъ, какъ онъ разсвирѣпѣлъ на меня! »Одно условіе,« зарыкалъ онъ какъ звѣрь, »и я прощу шебя и назову сыномъ: приходи завпра на Вѣчѣ и на колѣнахъ при всемъ собраніи выползай у меня оппущеніе вины своей. Да еще согласись на всѣ помышленія наши: приклони голову предъ прибывшими какими-шо новыми Липвинами и, привѣчая ихъ всячески, моли заспунишься за родину. Иначе выкинь изъ головы когда либо называшься моимъ сыномъ, и

дочь моя выбрала уже себѣ другаго суженаго!»

» Слова сіи запронули меня за живое. »Ползаюпть одни гады,« опвѣчалъ я ему рѣзко,« а привѣчапть Липвинъ я умѣю не языкомъ, а мечемъ. Когда бы имъ прилучилось добыть меня живьемъ и закапья голову, держапть ножъ надъ горломъ, и тогда бы не спалъ я низипься чеспвовапть ихъ и просипть пощады у закляпыхъ враговъ нашихъ!»

» Такъ еслижъ шы когда либо занесешъ ногу свою чрезъ мою подворопню,« завопилъ онъ, »я исправлю шебя лихими псами.«—Да я не похочу и срѣпашься съ шобой: шы злѣе ихъ облаеваешъ, сказалъ я ему, какъ опрѣзалъ, и пакъ сильно захопнулъ за собою калипкою, что вороша его запряслись и окончаны задрезжали.

» Опець мой загналъ меня. Вишь, какъ посмѣлъ я дерзко рѣчь веспи съ чпимымъ Посадникомъ и близкимъ его

соповарищемъ и чшо не успупилъ ему своимъ согласіемъ. Къ жару добавилъ онъ еще жару. Я не спертѣлъ: »Спало, вы одной шайки!« и больше я не могъ договорить, выбѣжалъ на перекрестокъ и началъ кличъ кликашъ: »Вѣрные мои молодцы-соповарищи! кшо хочеть со мною рыскнуть за добычею далеко, за Невозеро къ Божіимъ Дворянамъ (*), погжду я о вечерѣ въ Чершовомъ Ущельи;« а самъ вскочилъ на коня и не смѣлъ обернуться назадъ, чшобъ косящее окошечко Оминаго дома не мигнуло мнѣ привѣшомъ бывалымъ и, чшобъ не ворошишься мнѣ назадъ, гуспился сюда какъ на вражескую спѣну ожидашь...«

Едва онъ договорилъ слова сіи, вонскій шопонъ прервалъ его и показались конники. Брони ихъ засверкали препенными лучами луны и оружія брякнули, когда они, соскочивъ съ лошадей, окружили удалаго предводишеля своего.

(*) Къ Ливонскимъ рыцарямъ.

» Ну, теперь прощай, другъ!« сказала Чурчила, крѣпко обнимая Димитрія. » Она забыла меня, о ней ни слова! Но ты вспомани меня; умру не умру, а помчусь разсыпъ шоску кручину, али прахъ свой!«

» Какъ!« вскричалъ Димитрій, »и ты думаешь, что я пуцу тебя одного безъ себя? Да мнѣ и большой Новгородъ-шо покажешся широкимъ кладбищемъ.«

» Нѣтъ, Димитрій!« сказалъ Чурчила, оспанавливая его, »не жершуй: у тебя дряхлый опецъ; проспи!« Закинулъ на руки поводья, прыгнулъ на сѣдло и въ мигъ исчезъ съ своею дружиною.

» Непризнапельный!« вскричалъ Димитрій. » Да вѣдь опецъ мой любишь больше спяжашъ сокровища, чѣмъ дорожишь сыновнею любовью. Ты покинулъ меня, шакъ я тебя не покину!« Луна захлынула за облако и пѣмъ скрыла погоню его.

Было счастье—не воропишь;
 Была радость—пролетѣла;
 Было время—не дождешься;
 Прежней воли не добудешь!—

На другой день ночь расширила уже черныя крылья свои надъ природою, а Посадникъ Тома не возвращался еще съ Вѣча. Въ домѣ его ни кто еще не зналъ о произшедшей распрѣ Чурчилы съ нимъ и по обычному порядку собрались шамъ свадебныя посидѣлки, соспоаяця изъ подругъ невѣсты, которая еще убиралась и не выходила въ пріемную свѣплицу. Дѣвушки, разряженныя въ цвѣпныя повязки съ розовыми лентами въ косницахъ и въ парчевыхъ сарафанахъ, пѣли, рѣзвились и играли въ разныя игры, ожидая ее. Скоро по извивистой лѣспницѣ, ведущей въ свѣплицу сію, раздался спукъ косыля и въ дверяхъ показалась, опирающаяся на него, согбенная спарушка въ шпофномъ полушубкѣ, въ черной лисей шапкѣ и съ чешками въ

рукахъ. Дѣвицы, завидя ее, покинули игры свои и, бросившись къ ней на встрѣчу, закричали: »Ахъ! Лукерья Савишна, машушка!« подхвапили ее подъ руки и начали съ нею шушишь, приглашая побѣгать, да поплясать съ ними.

» Охъ! полноше, рѣзвуньи,« говорила спарушка, садясь въ передній уголь, »крехия съ усалоспи и грозясь на нихъ коспылемъ своимъ, »у васъ все бѣгошья, да игра на умъ; а я ужъ упрыгалась: десятковъ шесць все на ногахъ брожу. Поживипека съ мое-шо, шакъ забудете скакать какъ спрекозы, али козы молодыя. Да гдѣжь мое дияшкко, Наспинька-шо?«

» Она еще не выходила, а мы ужъ давно собрались жениха, да гостей встрѣчашь хопъ издали,« сказала одна дѣвица.

» Пожалуй, мы вмѣсто ее шебя повеличаемъ, Лукерья Савишна?« примолвила другая. »Загѣшь чшо ли?«

» Пошлите вы,« отвѣчала спаруха;

»провеличайте погда, какъ воптъ мнѣ скоро ужъ запоюшъ вѣчную памяшь!»

» Полно, что ты, Хрипось съ побой, Лукерья Савишна! Развѣ на свадьбѣ о похоронахъ думаютъ?» вскричали всѣ дѣвицы, всплеснувъ руками.

» Да ужъ къ тому время подходитъ, милыя мои молодицы!» произнесла со вздохомъ спарушка, задумчиво черпая по полу коспылемъ своимъ. »Только бы воптъ привелъ меня Богъ при своихъ глазахъ приспроишь скорѣй Настюшу къ мѣспу, погдабъ и улеглись спокойно коспочки мои въ могилу!» прибавила она, прослезившись.

» Да полно же, перестань; эшакъ ты и на насъ поску наведешь. Повеселимся лучше,» заговорили дѣвушки.

» Нѣтъ, вѣдь я эшо шакъ, къ слову молвила; жаль дияянку спало; разлучаютъ насъ съ нею; нѣкому мнѣ будешь и глаза закрыть. Ома Ильичъ, Богъ его вѣдаетъ, какъ началъ опять

на Вѣче ходишь и не доспунишься до него; видомъ шакѣй сумрачный спалъ. Спросишь что, зыкнешь да рыкнешь, шакъ во неволѣ не радосшь на умѣ-ню, какъ раздумаешься. Прежде я и сама не шакова была: въ посидѣлкахъ ли, на пиру ли, на бесѣдѣ ли, на масляной ли въ круговомъ кашанѣ, о сваякахъ ли въ подблюдныхъ пѣсняхъ—первая я закапываюсь. Плясашь ли пуцусь—выспуцаю плавно, подопрусь рукой, голову на бокъ, коблучками приспукну, да какъ пойду, пойду—всѣ заглядяпся!»

Когда она договаривала, невѣста, какъ по заказу словъ ея, входила съ сѣнными дѣвушками своими, наряжавшими ее, разубранная павою. Апласная голубая повязка, блиспающая золошыми звѣздочками, съ закинушыми назадъ концами, облекала голову ея; спереди и боковъ изъ подъ нее мелькали жемчужныя поднизы, сливаясь съ алмазинами длинныхъ серегъ; верхъ головы ея былъ опкрѣпшъ;

сзади низвѣшивался косникъ съ широкимъ баѣпомъ изъ спруисскихъ разноцвѣтныхъ лентъ; тонкая полошняя сорочка съ пуговкой изъ драгоцѣннаго камушка и льшными сборчатыми рукавами, съ бисерными нарукавниками и зеленый бархатный сарафанъ съ крупными бирюзами въ два ряда вмѣсто пуговиць означали сѣпанъ ея; бусы въ нѣсколько нишокъ изъ самоцвѣтныхъ каменьевъ переливались на груди ея игривыми опсвѣпами; кольца и перстни на рукахъ и красныя черевички на ногахъ съ выемками сзади, довершали ея нарядъ.

Дѣвицы посыпали къ ней на встрѣчу, окружили ее и повели къ спарушкѣ, припѣвая всѣмъ хоромъ:

Шла дѣвица, голубица,
 Свѣтъ нашъ Настинька,
 По крылечку по песовому,
 Да по коврику.
 Она шла, да перстнула
 Приговаривала:

Какъ роскошно, какъ богато
 Здѣсь у бапюшки,
 Какъ приглядно, поровато
 У роднаго мнѣ.
 Словно пшичкѣ поднебесной,
 Рѣзвой ласпочкѣ,
 Порхатъ по полю чистому,
 По зеленому,
 Красовашься, любовашься
 Свѣплымъ ведрышкомъ,
 Быспро випья, расплапья
 По поднебесью;
 Такъ и Наспннкѣ паланпливой
 Быпъ вѣкѣ дѣвицей,
 Припамантѣй и привольтѣй,
 Чѣмъ молодушкой!
 Вдругъ опкуда не возмися,
 Да на вспрѣчу ей
 Идентъ молодець краснвгй—
 Словно писантѣй,
 Ясноокій и румянтѣй,
 Кудри черныя.
 Онтъ привѣпиптъ ее рѣчью
 Сладкогласною:
 Ты куда, моя дѣвица,
 Наспя, звѣздочка?
 Воропсися, дай мнѣ руку:
 Я швой сужентѣй!
 Хорошо шевъ, раздольно
 Въ ошчемъ шеремъ;

А съ милымъ другомъ милѣ
 Жить и въ бѣдѣхъ.
 Мы согласно, да совѣшно
 По любовному,
 Не увидимъ, какъ промчатся
 Годы многіе,
 Наспя дрогнула, смушилась
 И попушилась.
 Ея щеки жаромъ пыцаптъ,
 Разгорающя,
 Решивое бѣпся сильно—
 Колыхаепся;
 Словно сладкій медъ впиваептъ
 Рѣчи молодца;
 И разнѣжася, вздыхаептъ
 Тяжко, сладоспно;
 Изъ подлѣбья и украдкой
 На него глядиптъ,
 И съ спыдливою ухвашкой
 Говориптъ ему:
 Суженый—возьми дѣвицу—
 Полюби меня.
 И сверкнула на рѣсницу
 Жемчугомъ слеза.

Когда дѣвушки привѣпили входя-
 щую невѣсту пѣснейю своею, она была
 уже въ объашіяхъ мащери и, слушаая
 съ удовольствіемъ пріашныя для нее

напѣвы, скрывала въ нихъ горящее лицо свое. Послѣ, какъ бы очнувшись, перещеловала ихъ по одиначкѣ каждую.

» Чшо эшо? на дворѣ ужъ давно вечерѣшть, а жениха нашего все нѣшть? Да и опецъ чпо-шо запропасился на Вѣчь! Ну чшо ему шамъ дѣлашъ съ ранней зари досель? Вѣдь всѣхъ не перекричипъ!« сказала спарушка машь.

» Ужъ не приключилось ли ему чшо недоброе?« говорила дочь, не спуская глазъ съ окошка.

» Кому,« спросила машь, смѣясь, »ощу или жениху? Кшо для шебя дороже?«

Смѣшавшись и не зная, чшо опвѣчашъ, Наспасья молчала. Наконецъ вымолвила: »Они оба неоцѣненны для меня, мащущка; но бащюшка дороже: онъ родипель кормилецъ мой.«

» Полно пущпословишъ Наспюша!« перервала ее машь. »Я по себѣ эшо знаю: было, сидя на высошгѣ, да въ заперши въ своей дѣвичьей свѣщницѣ, куда хочешся

найши шакого чловѣка, кошорый вы-
несъ бы шебя ошпуда, какъ заговоренный
кладъ, и какъ онъ послѣ шого спано-
випись дорогъ. Вошъ мы съ ошцемъ цво-
имъ, шакъ признапсъ сказапъ, не всег-
да ладили: норовомъ-шо онъ крупенекъ
бываль, какъ и шеперь же. Сперва зва-
лись мы голубчиками, хопъ и случа-
лось, чшо грызлись какъ кошка съ со-
бакой, а послѣ онъ спалъ прозывашъ
меня сорокою-шрещошкой: вѣдь шакой
обидчикъ! да ужъ я и сама не спускала:
онъ меня за косу, а я его за бороду; ошспу-
пипсъ по неволѣ. Я еще скромна, не
много высказываю. Да чшожъ шы, На-
спинька, призадумалась? Дѣвицы, грянь-
ше-ка пѣсенку погромче какую; полько
не заунывную: ша за душу шянепъ, а
шакъ, поразгульнѣе, повеселѣе. Я и сама
подшяну« — и задрезжала: *»Отставала
свѣтъ лебедушка прогъ отъ стая лебе-
динаго.«* Да шы, кажись, ужъ плакашь со-
бралась? о чемъ эшо? Да, да, мы разспа-

емся съ побой, неоцѣненное мое дыпяшко! Опдаю я шебя въ чужіе люди! Осиропѣемъ мы обѣ!..

» Полно, родная, мнѣ и безъ пого мочиньки нѣтъ, чпо-по шакъ шяжко взгрунулось, шакъ вѣщее замерло и сама не знаю о чемъ!« говорила дочь всхлипывая.

» О чемъ?... ну вѣспимо о чемъ, чпо долго суженаго нѣтъ? Вошъ приѣдешъ онъ, дамъ я ему знашь себя!«

» Да приѣдешъ ли онъ, машушка? чпо по мнѣ вѣры неймешся! Я нынѣ видѣла сонъ зловѣщій шакой?«

» Я сама шже. Будшо опець пшой, мужъ мой, обрашился въ медвѣдя; еще спрашнѣ спалъ, да и...«

» Вошъ кшо-по подѣхалъ.... чу, ужъ и голосъ раздался въ сѣняхъ. Должно бышь, эпо они!« вскричали дѣвушки, и между шѣмъ какъ мать съ дочерью, не смопря на шо, чпо послѣдней вмѣнялось въ преспуленіе самой выказы-

*

вашься жениху, бросились встрѣчать
давно ожидаемыхъ госпей, а онѣ за-
пѣли:

Вылепалъ соколъ ясенъ на долину;
Онѣ искалъ соколицу, дѣвицу;
Онѣ сыскалъ себѣ....

» Анюшка! Палашка!« кричала между
шѣмъ спаруха дѣвкамъ своимъ, »спу-
пайше, бѣгите скорѣй принимаешь куль-
ки съ госпинцами опѣ жениха, накрывайше
сполы. Пойше, пойше, дѣвицы!..«

Но взошелъ Ома съ нѣсколькими не-
знакомцами, и прервалъ голоса всѣхъ.

» Чшо эпо?« сказалъ онѣ утргомо;
чшо вы вопише? Гасише свѣщцы и
замолкнише; шенерь не до васъ!«

» Какъ! да чшо эпо шы запѣяль?«
подхватила Лукерья Савишна, паясь
опѣ него и раскинувъ руки въ удивле-
ннн. »За чѣмъ гасишь свѣщцы, да замол-
кашь пѣснямъ? Чшо шы, ворожишь,
али заклинашь кого хочешь въ пошем-

какъ? Такъ спупай въ свою половину а въ наши дѣла не мѣшайся жениха принимаешь!»

» Женихъ нынѣ не будешь!» проворчалъ грубо Оома, и спалъ усаживаясь госпней своихъ, изъ кошорыхъ одинъ приспально и жадно впивалъ взоры свои на блѣдную, помную Наспасью.

» Чинобъ те самому поприщилось спарому лѣшаму!» буркнула спаруха понихоньку. Послѣ спала приспаваясь къ мужу своему съ вопросами: »Почему же? Чпоже ему подѣялось? Не хвораетъ ли онъ и помнишь ли слово кляшвенное?»

» *Нечистый* его знаетъ и съ побойшо; опвяжись опъ меня!» закричалъ на нее Оома.

» И пы опъ меня съ своего челядью стинь съ глазъ долой!» опвѣчала ему въ свою очередь Лукерья Савишна.

» Баба!» закричалъ еще громче Оома, »я вижу, у шебя волосъ длинень, да и

языкъ не корошокъ, замолчи; а не по я его или совсѣмъ выпяну или укорочу!»

»Да чшо ты взаправду разсерчалъ и озлобился на меня безъ пупи, безъ полку; ужъ нельзя и слова молвить! Мы ждали жениха, а не шебя съ эпиими...« говорила, понизя голосъ, испуганная спаруха, указывая на незнакомцевъ: ибо она знала рѣшимость своего мужа и шо, какія варварскія права имѣли тогда мужья надъ женами.

»Чурчила болѣе не женихъ нашей дочери. Слышишь ли? Теперь объ немъ болѣе ни слова. Скажи эпо Наспасьѣ, чшобъ и она не посмѣла помышлять о немъ!« опвѣчалъ значительнo Оома.

Спаруха всплеснула руками, а Наспасья, сама услыхавъ приговоръ свой, взглянула на опца бѣгло, дико, изумленно, помушившимися глазами и—блѣдная, поникнувъ головою, какъ скошенная лилія, опустилась безъ памяпи на полъ.

» Чшо ты, варваръ спарый, чшо слово шо обухъ у шебя? Башюшки свѣшты! сразилъ, какъ ножемъ зарѣзалъ, дѣтище свое! Развѣ она шебѣ не люба?« кричала и мепалась во всѣ спороны Лукерья Савишна, какъ помѣшанная, между шѣмъ какъ дѣвушки вспрыскивали лице Наспаси богоявленскою водою, а ошецъ, подавляя въ себѣ движенія жалоспи и ненависпи, боролся въ шайнѣ души своей со спраспиями и смопрѣлъ испуканно на всѣхъ.

» Чшожъ шеперь добрые люди скажутъ? Вопшъ сердечный-шо швой сынокъ спаршій, Павлушка нелюдимый, знашь болѣе шебѣ въ угоду пришелъ! Тебѣ нужды нѣтъ, чшо онъ день деньской шапаеися, да съ нечиспыми знается. Нѣтъ же ему моего машеринскаго благословенія! Оптъ рукъ онъ опбился; ужъ и церковь Божию ни во чшо спавишь! Али его совѣспъ зазришь, чшо онъ шуда носа не покажешъ? Али

его нечистые заляли? Али сила небесная не пуцаешъ недоспойнаго въ обипель свою? Намъсь онъ....» вопила спаруха.

» Чшо пы, опходную чшо ли чипашъ дочери?« перервалъ ее Тома мрачно, разсыянно сдвинувъ брови и глухимъ голосомъ сквозь зубы.

» Ахши, мои родные! сгубилъ шебя варваръ, мою крошечку!... Заплашишь ему Богъ!« произносила, всхлипывая, спаруха. Еще всплеснула руками, громко зарыдала и упала подлѣ дочери своей.

Какъ Каянъ, опъ людей скрываюсь.
 Мнѣ скучно, душно здѣсь скипаюсь
 И жизнь и смерть ужасны мнѣ.
 На гробъ я и взглянуть не смѣю—
 Хопа надежды не имѣю
 Вкусишь покой въ иной спрантѣ!

Н. Маркевичъ.

Почши на концѣ Новгородѣ, далеко за Московскими воропами, былъ проспранный пуспырь, заросшій кропивою и

рѣпейникомъ; округъ него порчали огромныя рогатыя сосны, давній прищонъ грачамъ, вороньямъ и хищнымъ звѣрямъ; въ срединѣ находилось ущелье, прозванное *Чортовымъ*, въ коемъ, подъ прикрѣпшемъ хвороспа, водились всякія гады: змѣи и ужи; недалеко опъ него спояла маленькая избушка подъ соломенною крышею съ двумя прорѣзками маленькихъ окошечекъ; подичала опъ времени, дверь сколоченная изъ прехъ досокъ, поминушно билась и скрипѣла на крючьяхъ, шо зашворяясь, шо опворяясь. Преданіе о ней было недоброе; спарожилы вели рѣчь, будшо и они не запомнятъ, кшо построилъ ее; шолько пупникъ запоздалый, заблудясь, рѣшался идиши мимо ее, и шо въ нѣкопоромъ опдаленіи, ограждая себя креспнымъ знаменіемъ.

Разказываюпъ, будшо дверь ея, бющаяся, какъ подспрѣленная пища крыломъ, была движима нечиспой силой,

копорая нарочишо приманивала къ себѣ любопытныхъ, откуда они никогда уже не возвращались. Еще шла молва о сей избушкѣ, что въ ней жилъ чернокнижникъ, злой кудесникъ, собой маленькій спаричишка, а борода съ лопату и длинная, волочащаяся по землѣ; будшо вмѣсто рукъ мошались у него желѣзные крючья съ когшями, а ходилъ онъ на коспыляхъ, но шакъ шибко, что догонялъ ланей въ окружности.

Днемъ онъ не показывался, заклипый еще Свяшипелемъ Юной Новгородскимъ, а по ночамъ прогуливался, если не на коспыляхъ, то скакалъ на огненномъ козлѣ съ свисомъ шакимъ пронзительнымъ, что онъ разливался по всему лѣсу и опшугивалъ всѣхъ хищныхъ птицъ, припавшихъ въ гнѣздахъ своихъ, копорья были, спонали и били грывьями спрашную превогу по всему лѣсу.

Солнце проглянуло лучами своими
 чрезъ сѣрыя облака на мрачныя ели и
 сосны и зарумянило Красный холмъ,
 находящійся предъ самой избушкой
 Черпова ущелья, о которомъ я и забылъ
 сказать, что онъ былъ прозванъ Кра-
 снымъ попому, что подъ нимъ погре-
 балъ злой кудесникъ жертвы свои, и
 будто онъ горѣлъ въ извѣстные дни
 такъ ярко, что отбрасывалъ далеко
 отъ себя зарево.

На этомъ-то холмѣ сидѣлъ Семень.
 Помнятъ ли его чипапели мои? Что на
 мірской сходкѣ жаловался бобыльспвомъ
 своимъ и рассказывалъ что у него сгорѣла
 послѣдняя хибаренка. Подлѣ него сидѣлъ
 человекъ мрачнаго вида въ нагольномъ
 шулутѣ и въ нахлобученной на глаза ша-
 пкѣ изъ черныхъ овчинъ; волосы его
 также черныя, какъ душа закоснѣлаго
 убійцы, были нечесаны и взъярошены,
 и высовывались клочьями изъ подъ
 шершавой шапки, такъ что нельзя

было различить овчину отъ волосъ его. Кудрявая борода, смуглое лице, кушакъ, кованный изъ чугуновыхъ колець, на коихъ висѣли заржавленные ножны, а ножемъ шаркалъ онъ молча по бруску, и лежавшая подлѣ него рогашина—все это показывало въ немъ, или хозяина сего мѣста, или доспойнаго жильца его, обыкновенно называемаго: *поддорожникомъ удальцомъ*.

»Прощай же, Семень!» говорилъ онъ задумчиво.

»Видно ты далеко на добычу хочешь опшашнупься. Куда это? Чпо по давно я вижу тебя сумрачнымъ пакимъ и обдумывающимъ о чемъ-то?» спросилъ его Семень.

»Куда мнѣ надобно,« отвѣчалъ онъ мрачно. »Слушай, Павелъ Ѳомичъ, началъ Семень: »зозарно тебѣ пашнупься отъ поварища, копорый мыкаеть съ шобою жизнь заодно и гоповъ напкнупься за тебя на ножъ и копье.«

Помолчавъ немного, Павелъ оживчалъ:

» Такъ и бышь, повѣдаю шебъ чпо ни самое задушевное. Миѣ окучно на родинѣ, шѣсно въ широкомъ городѣ, люди неласково смопряшъ на меня, да я и самъ не люблю никого изъ нихъ, словно в рождень бышь не человѣкомъ.... Ты знаешъ какъ ненавижу я Чурчилу,¹ а вопшь за чпо: до него слылъ я на бою кулачномъ первымъ бойцомъ и удалцомъ, но онъ разъ меня сшибъ шакъ рѣзко, чпо я пролежалъ замершво цѣлыя сущки, а шы знаешъ мой норовъ: али ему, али миѣ могила, безъ шого жишь не хочу. Ты знаешъ и шо, чпо случилось въ нашемъ семействѣ. Еслибъ онъ не разгорячился съ опцомъ моимъ и свадьба ихъ съ сепрою сошлась бы, я ужъ гошовилъ ему подарокъ въ заздравной чарѣ.... Но полковашъ нѣкогда шеперь. Онъ далеко ищешъ смерши, а я изъ спремя ноги не вышущу до шѣхъ поръ, пока не найду и не помогу ему въ эшомъ, ш. е. не

закачу ножа въ горло, пайкомъ али наыву. Онъ мнилъ видѣшь во мнѣ браша и обходился со мною всегда любезно, пѣмъ легче для меня будешъ подспапъ къ нему. Давно бы выслалъ я его изъ бѣлаго свѣша, да за него здѣсь засшупниковъ много; а шамъ, гдѣ онъ шеперича скипаешся, вѣрнѣе и ходчей пойдепъ рука на его шею. Самъ знаешъ: грозенъ врагъ за горами, но грознѣй за плечами. А шы оспавайся здѣсь одинъ рыскапъ по ночамъ за добромъ, съ прочими шоварищами. Прощай! конь мой недалеко, руки зудяпъ!» Сказавъ сіе, онъ быспро вскочилъ съ своего мѣспа и удалился, мелькая въ чащѣ деревъ.

»А, вопъ чшо!» сказалъ Семень, выпаращивши глаза и разпопыря руки въ большомъ изумленіи.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

